

ОГОНЁК

ПРОДОВОЛЬСТ РЕСУРСЫ

Максимально использовать

ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ ПРОГРАММУ В ЖИЗНЬ!

Кушать
подано!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЕК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 27 (3337)

29 июня — 6 июля

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ

Редакционная коллегия:

А. Ю. БОЛОТИН,
В. Л. ВОЕВОДА,
Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

Г. В. КОПОСОВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Н. М. НОВИКОВ

(главный художник),

В. В. ПЕРФИЛЬЕВ

(ответственный секретарь),

Г. В. РОЖНОВ,

В. Б. ЧЕРНОВ,

А. С. ЩЕРБАКОВ

(заместитель главного редактора),

В. Б. ЮМАШЕВ.

Совет редакции:

П. Г. БУНИЧ, Е. А. ЕВТУШЕНКО,

М. А. ЗАХАРОВ, Ю. В. НИКУЛИН,

С. Н. ФЕДОРОВ, Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

В оформлении первой страницы обложки использован плакат художника Олега УЛАНОВА. (См. в номере материал С. Панасенко «Как нам стать развивающейся страной?»).

Оформление В. В. ВАНТУСОВА
при участии М. В. СТАРЦЕВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ
БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ
СВЯЗИ.

Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,

на полгода — 23 руб. 40 коп.,

на квартал — 11 руб. 70 коп.

Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 07.06.91. Подписано к печати
25.06.91. Формат 70×108¹/₈. Бумага для глубо-
кой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл.
кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз.
Заказ № 573. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69;
Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литерату-
ры — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали
и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литера-
турных приложений — 212-22-13, 251-90-55;
Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов
не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
Москва, А-137, улица «Правды», 24.

© «Огонек», 1991.

Фото Марка ШТЕЙНЕОКА

Георгий РОЖНОВ

В последнюю неделю мая то из Литвы, то из Латвии одни и те же вести — ОМОН (один из Риги, другой из Вильнюса) порушил и предал огню еще один таможенный пост. К первому июня подытожили — всего шестнадцать. Спасибо Невзорову — в его «Паноптикуме» мы видели, как солдаты под хамский рык сшибают окна и двери деревянных будок, как пинает бутсами заспанных служащих, как укладывает их на асфальт или выстраивает лицом к стене, как поджигает все, что может гореть. Этот видеоролик я бы показывал студентам юрфаков, а потом бы проверял их знание уголовного кодекса — признаки каких преступлений они насчитали бы? Верный ответ, на мой взгляд, был бы таков: статья 77-я (бандитизм), 113-я (истязание), 131-я (оскорбление), 171-я (превышение власти или служебных полномочий), 200-я (самоуправство), 206-я (хулиганство).

Будет любопытно узнать, в какой мере мой самостоятельный прогноз совпадет с выводами следователей, которым Генеральный прокурор СССР Трубин поручил возбудить против ОМОНов уголовное дело. Скорей всего ни в какой — пока черные береты громили таможи двух суверенных республик, главный законник страны в двух газетных публикациях спешно оправдывал других громил — из давнего и недавнего прошлого. Из «Советской России» мы узнаем, что 7 танков, 28 бронетранспортеров и 380 военных, захвативших в январе телецентр в Вильнюсе, действовали правомерно и за гибель 13 и огнестрельные ранения 48 граждан ответственности не несут. В «Правде» тот же Трубин уверяет нас, что и боиня в Новочеркасске в 1962 году была едва не благом, ибо спровоцирована «погромщиками», «провокаторами» и «хулиганствующими элементами» и нечего жалеть о 22 убитых и 39 раненых — оружие применялось правомерно. Если вспомнить, что несколько раньше Главная военная прокуратура оправдала карательные акции в Тбилиси и Баку, стоит ли сейчас надеяться, что бюстителей закона всерьез покоробят какие-то сожженные таможенные халабуды и измордованные служаки? И вообще пусть скажут спасибо ОМОНам — никого не убили, не покалечили даже, хотя и за мокруху, как видим, ни вчера, ни сегодня военный люд карать не принято. И чем чаще прокуроры всех рангов убеждают нас в этом, тем увереннее, прицельнее и хладнокровнее палят в солдат десантники и танкисты, мотострелки и омовцы. Слово бы они ведут боевые действия с вторгшимся в родные просторы чужеземным ворогом, пробить башку которому вовсе не считается убийством, а, напротив, воинским долгом и уставной обязанностью. Впрочем, что я фантазирую — выдать индульгенцию стрелкам из Новочеркасска или Вильнюса, освятить их действия законом, как это сделал Генеральный прокурор, можно действительно лишь в том случае, если считать составивших рабочих или безоружных обывателей врагами. С кем еще поступают столь безжалостно и жестоко?

А теперь еще один вопрос, не менее серьезный. Кому или чему угрожали народные толпы в Вильнюсе и Новочеркасске, в Баку и Тбилиси? Покою законопослушных граждан? Уличному движению? Партийной или государственной собственности? Беззащитным воинам, как нас уверяет все тот же Трубин?

Реальную угрозу почувствовала прежде всего власть, от народа дале-

кая, народу не доверяющая, пред народом пугливая. Угроза стояла перед партийной олигархией, эту власть умыкнувшей. Вот почему всегда безжалостен удар, вот почему всегда защищен кулак, этот удар наносящий. Полноте, скажут мне, добро бы вы метали свои громы и молнии в давно минувший 1962 год, когда партийное самодержавие держало в страхе всю страну и команды со Старой площади безропотно выполнялись и армией, и КГБ, и МВД, и любым судом с прокуратурой, — сегодня-то у нас другие времена, другие власти и другие порядки. Согласен — случись сейчас в том же Новочеркасске та же голодная заваруха, туда не покатили бы члены политбюро ЦК КПСС, не стали бы там проводить закрытые партхозактивы и ставить на них задачи генералам в красных или краповых лампах. Но ведь прокурор Трубин сегодня им аплодирует! Но ведь министры Язов и Пуго сегодня не желают одернуть своих разошедшихся подчиненных ни в Латвии, ни в Литве, ни в Армении!

Все еще не поймем, что их там объединяет, так товарищески роднит и вяжет круговой порукой? Что танковые колонны армии и БТР МВД мчатся сегодня прежде всего туда, где терпят бедствие только что всевластные олигархи от компартии? Не вижу в этом ничего странного, напротив — все логично, все объяснимо. В Тбилиси, если помните, спасали не какого-то там Патиашвили, в Баку — не какого-то Везирова, в Вильнюсе оберегают не просто Бурокавичюса, а в Риге не просто Рубикса — речь шла и нынче идет о реанимации гибнущих без народной поддержки коммунистических структур, и вполне очевидно, что на помощь спешат коммунисты.

Само по себе такое самопожертвование у меня лично особых возражений не вызывает, и если бы, скажем, партийцы вместе с комсомольцами добровольцами отправились в Прибалтику или в Закавказье поорать на митингах вместе со своими затюканными там камарадами, — в добрый путь, вопите хоть до посинения, осеняйте себя красными знаменами, сжигайте чухла Ландсбергиса и Тер-Петросяна и призывайте соединяться пролетариев всех стран. Но при чем здесь танки? Боевые вертолеты? Батальоны и полки с полной боевой выкладкой? Это что — собственность, приватизированная КПСС?

Да, именно так — и после отмены 6-й статьи Конституции, и после реального утверждения в нашем обществе многопартийности КПСС продолжает однопартийно, монополично распоряжаться и Вооруженными Силами, и госбезопасностью, и всеми правоохранительными институтами страны. Генерал Шляга, состоящий ныне первым заместителем министра обороны и возглавляющий созданное взамен Главпура Военно-политическое управление, так откровенничал на этот счет: «Единственно реальной политической силой, самой массовой и организованной, пользующейся к тому же абсолютным авторитетом в армии, остается коммунистическая партия. Партийная прослойка в Вооруженных Силах составляет более 25 процентов». И далее бывший зам. зав. отделом ЦК КПСС с большевистской прямоотой сокрушает заразу инакомыслия: «Реализация принципа многопартийности в армии вряд ли пойдет на пользу ее боеспособности, организованности и дисциплине. Многопартийность — это политическое соперничество. В армии, хотели бы мы этого или не хотели, это — разброд и идеологические шатания».

Любопытно спросить генерала: какие социологические исследования привели его к выводу, что компартия пользуется абсолютным авторитетом в армии? И еще: не проще ли во

ВООРУЖЕНЫ И ОЧЕНЬ ОПАСНЫ

избежание разброда и шатаний предложить коммунистам, равно как и членам других политических партий, проводить свои сходы за пределами воинских частей и учреждений?

Думаю, однако, что с этим предложением уместнее обратиться к другому партийному командиру — генералу Суркову, он проходит государственную воинскую службу в должности члена политбюро ЦК КПСС и секретаря Всеармейского партийного комитета. Вот его мнение на этот счет: «Мы глубоко заинтересованы в том, чтобы сеть партийных организаций пронизывала все звенья армейского организма, чтобы на наиболее ответственных участках функционировали партийные организации или партгруппы...»

Какая же, позволите, в этом случае разница между вчерашними полторганами и сегодняшними военно-политическими, вкуче с несметным количеством освобожденных от ратных дел партийными работниками — и те армейский организм пронизывали, и эти туда же! А с какой стати расходовать средства военного бюджета на содержание тысяч и тысяч генералов и офицеров от КПСС? Чего это ради налогооблагодителям, придерживающимся иных политических взглядов, перекладывать свои рубли в карманы коммунистов, хбзяйничающих в армии? Тем более что благодарной взаимностью те не ответят: как сказано в инструкции о работе организаций КПСС в Вооруженных Силах СССР, те «выражают и защищают интересы военнослужащих, рабочих и служащих Советской Армии и Военно-Морского Флота, членов их семей, приверженных социалистическому выбору». А если не приверженных — не выражают и не защищают?

Как и вчера, так и сегодня армия была и остается прежде всего вооруженным отрядом КПСС, и было бы наивным полагать, будто бы ее вмешательство в политическую жизнь общества будет иным, чем угодно партийным лидерам со Старой площади. Какую военную акцию ни возьми — всякий раз видишь ее руководящую и направляющую роль, подчиненность армии узкопартийным интересам, откровенное небрежение законами и общечеловеческими ценностями, которые нас вроде бы призывают отстаивать. Недавно отыскал малоизвестное у нас интервью маршала Язова японской газете «Йомиури» и уж на что привык к сюрпризам его лексикона, а тут ахнул. Вот только один пассаж: «Вот литовцы, значит, — вот мы свободны! Мы им наполовину нефть перекрыли — и все. ...Они бы хотели ходить с национальными флагами по площадям и чтобы все бесплатно лилось... я думаю, у них скоро мозги просветлеют».

И ведь правда, просветление это началось скоро — маршал откровенничал в декабре, а уже в январе его танки штурмовали Вильнюс. В соответствии с уставом гарнизонной и караульной службы, как объяснил ми-

нистр обороны депутатам союзного парламента.

Я уже давно заметил, с какой ленью и неудовольствием отвечают руководители трех вооруженных ведомств — МО, МВД и КГБ на вопросы депутатов или журналистов, как мало заботят их соответствие сказанного букве закона и, что мне уж во все странно, собственная репутация. Беседа Язова с японцами или его ссылка на устав казармы — не тому доказательство? А с шефом МВД Пуго что происходит — уже ведь только ленивый не прохаживается насчет его некомпетентности или пробелов в знаниях правоведения. Я тоже не удержусь, но только в объяснениях этому парадоксу подойду несколько с другой стороны. Начну, пожалуй, с января, все с той же драмы вокруг Вильнюса. Пишу с видеокассеты, как министр внутренних дел страны объясняет появление войск на улицах столицы суверенной республики: «В соответствии с решением комитета национального спасения в Вильнюсе, а также в Каунасе было введено чрезвычайное положение, а также комендантский час». Господи, да что же это с нашим МВД делается, если даже первый в нем человек запомнил, что чрезвычайное положение может объявить либо Президент СССР, либо высший законодательный орган союзной республики — более никто! А уж что касается неведомо какого комитета, то в его законности усомнился в том же январе сам Горбачев, дезавуируя своего непросвещенного министра.

А история с начатыми в мае и продолженными в июне налетами ОМОНов на таможенные посты — как же случилось, что прямой начальник узнает о деятельности подчиненных не из докладов по команде, а как заурядный обыватель, с экрана телевизора? Не удержусь еще от одного вопроса, сугубо профессионального. С какой это статьи отряды милиции особого назначения Вильнюса и Риги подчинены внутренним войскам? Ужели министр не знает, что правовое положение милицейских работников и военнослужащих существенно разнится, что служебная деятельность тех и других регламентирована отдельными, подчас друг от друга различающимися законами и в результате всей этой внутриведомственной неразберихи прибалтийские ОМОНЫ фактически вообще никому не подчиняются? А это значит, что эти вооруженные формирования просто не в состоянии действовать в рамках закона и иначе, как мятежными, рассматриваться не могут.

А вот теперь спросим — что, министр внутренних дел на самом деле столь неосведомлен и столь юридически неграмотен, как это можно понять из его выступлений в парламенте или из интервью журналистам? Да нет, не думаю. Объяснение у меня одно — член ЦК КПСС Пуго полагает правильными, а следовательно, законными те действия, которые

в случае с Прибалтикой угодны членам политбюро все той же КПСС Рубиксу или Бурокаявичюсу. Да, Пуго в конце концов мог и не знать об атаках на какие-то там таможи, но разве недостаточно, что в это были посвящены его литовские или латвийские товарищи по партии? Что это с их ведома, по их просьбе войска коммунистов Язова и Пуго сторожат здания ЦК компартий Латвии и Литвы, умыкают у законных владельцев телецентр и Дом печати и время от времени пугают наскаками патрулей на здания непокорных парламентов.

Ну и что — Верховный Совет страны призвал кого-нибудь к ответу? Встревожился Комитет конституционного надзора? Подала свой голос Прокуратура СССР? Зряшные, право, вопросы — пустые слушания по Прибалтике нам еще памятни, откровения Генерального прокурора прозвучали только что. Итог тревожен — нарушители закона получили индульгенцию и, как свидетельствуют последние выпуски новостей, оружие не зачехляют.

Догадываюсь о последней надежде, мелькнувшей у моих читателей, — надо бить челом Президенту. Он не только глава государства, он еще и Верховный Главнокомандующий — не забыли еще магическую силу двух этих слов? Увы, боюсь, что наши надежды не оправдаются, мне лично достаточно вспомнить, как совсем недавно, в ноябре минувшего года, проходила встреча Горбачева с военнослужащими — народными депутатами Советов всех уровней, — и горько становится на душе. Вот перечитываю еженедельник Министерства обороны «Сын Отечества»: «Особенно эмоциональным было выступление народного депутата Эстонии капитана Б. Ахаладзе. Обращаясь к Президенту СССР, он сказал: «Я один из многих людей, для которых вы были идеалом. Но сегодня я постепенно удаляюсь от вас, и таких людей с каждым днем становится все больше».

Если бы капитан был одинок на страницах военных изданий в своих то прямых, то косвенных наскоках на Президента и его политику перестройки, если бы на тех же страницах не мелькали стрелы в сторону ближайших соратников Горбачева, если бы в том же строю ниспровергателей не выступал совсем недавно генерал Макашов, а маршал Ахромеев не записывался бы к нему в заединчики! Нет, не могу, не получается объявить эти воинские набеги на Президента торжеством гласности или плюрализмом мнений — мне уж известно, какими они бывают под командным присмотром. Порассуждав так, вижу последние действия армейских и милицейских экстремистов в Прибалтике расчетливым выпадом против Горбачева, в пику его попыткам добиться полного согласия на переговоры «9+1», принятия его политики странами «семерки» и поистине хам-

ским подарком Президенту накануне его Нобелевской лекции.

Так что, вообще уже некому если и не разом остановить кажущееся бесконечным бряцание оружием в наших городах и весях, то хотя бы получить объяснения по заданным выше вопросам?

Знаете, мне кажется, что я нашел все-таки место, где с наших министров и даже с Генерального прокурора смогут спросить, смогут потребовать, а все они самые строгие слова и ценные указания примут к неуклонному исполнению. Я не сам до этого додумался, подсказала «Правда» в развернутой информации «С заседания Секретариата ЦК КПСС». Я узнал, что этот высокий партийный орган заслушал недавно вопрос о ходе борьбы с теневой экономикой, да не в самой КПСС, как я думал вначале, а во всей стране. И что туда, на заседание, были приглашены и там заслушаны министр внутренних дел Пуго, председатель КГБ Крючков и Генеральный прокурор Трубин. Мне было приятно узнать, что все трое дали объективный анализ состояния преступности в экономической сфере и самокритично оценили проделанную работу. Секретарь ЦК товарищ Строев счел представленную статистику неутешительной и высказал правоохранительным органам упрек, а также ряд справедливых замечаний. Партийно-политическую оценку докладчикам дали секретари ЦК товарищи Лучинский, Гидаспов, Дзасохов, Фалин и Купцов, а также выступивший в заключение заместитель генсека Ивашко. Все трое докладчиков поняли, что теперь следует и что необходимо.

Ах, хоть одним ушком послушать то заседание если уж не всем депутатам Верховного Совета, то хотя бы членам комиссий по законности и правопорядку или по вопросам обороны и госбезопасности! А если б журналистам туда попасть — с ума сойти, на сколько ранее повисших в воздухе вопросов можно было бы наконец получить ответы! Если бы мне такая удача выпала, затараторил бы, не останавливаясь, бросаюсь то к Крючкову, то к Пуго, то к Трубину. Кто взорвал вышку телецентра в Баку? Кто штурмовал в Москве постпредство Азербайджана и уволок оттуда лидера Народного фронта Этибара Мамедова? Кто персонально входит в комитет национального спасения в Литве?

Кто давал команду начальнику гарнизона Вильнюса выводить на улицы танки и палить по людям? Есть ли в КГБ или в МВД подробная информация о резне на армяно-азербайджанской границе? Кто, наконец, посылал и посылает ОМОНЫ громить таможенные посты? Не знают? Запаямывали? Пригласить сюда товарищей Рубикса и Бурокаявичюса — перед партией тайн не держат!

А перед нами?

Ответов не было и, боюсь, скоро не будет.

**Независимый
литературный
альманах
«Конец века»
объявляет
подписку
на шесть
номеров
1991 года.**

Независимый альманах
**КОНЕЦ
ВЕКА**

Мы публикуем лучшие произведения русского зарубежья, открываем талантливые имена, невзирая на собственные политические пристрастия и взгляды.

Только на страницах «Конца века» вы прочтете роман В. Аксенова об Америке и сатирическую прозу В. Коклюшкина о русских террористах начала века, повести В. Маканина и мемуары К. Аллилуевой, «Антисоветский Советский Союз» В. Войновича и произведения Э. Лимонова, антиутопию А. Гладиллина «Французская ССР» и «Аквариум» В. Суворова о советской военной разведке. Публикуем неизвестные стихи Ю. Домбровского и переводы Генри Слизара, Джека Шарки, Франца Кафки. Номера первый и второй уже отпечатаны и ждут своих читателей!

Цена подписки — 55 рублей (стоимость номеров, рекламной продукции, почтовых расходов по доставке). Наш расчетный счет 609871 МФО 201638 в коммерческом банке «Бизнес» Дзержинского района г. Москвы. Вы получите альманах в кратчайший срок, если перешлете деньги за подписку телеграфом! Копию счета вместе с вашим адресом отошлите в редакцию: 103055, г. Москва, К-55, аб. ящика 95.

В приложении к альманаху выходят книги, на которые подписчики «Конца века» получают скидку. О сроках выхода книг и правилах доставки — на страницах нашего альманаха!

Илья МИЛЬШТЕЙН

АТАМАН НАШ ЗНАЕТ, КОГО ВЫБИРАЕТ...

В «Известиях» конфликт — долгий, мучительный, безнадежный.

Газета гибнет.

Давний подписчик «Известий», я с тревогой и грустью слежу за происходящим: по газетным публикациям, по разговорам с коллегами-журналистами, по слухам... Обобщений нет. Газету губят хладнокровно, умело и беспощадно.

Вот и на этот раз началось со слухов.

Будто новым главным редактором «Недели» назначается Владимир Севрук.

В мае 90-го, когда из редакции уходил в «верха» талантливый и умный Иван Лаптев, здесь тоже бурлили слухи. Один лучше другого. Ожидали, например, Чикина из «Советской России». Прошедшее тогда собрание известинцев, единогласно (!) избравшее лидером заместителя главного редактора Игоря Голембиовского, было вынужденной формой коллективной самозащиты. Наверху решили иначе. Главным стал Николай Сухов — бывший руководитель Госкомпечати, некогда первый зам. редактора «Известий». С июля 90-го член ЦК КПСС.

Помнится, ставший председателем Совета Союза И. Д. Лаптев недоумевал по этому поводу: ведь он-то, уходя, был уверен, что оставляет газету на своего единомышленника — Голембиовского.

Скандал разразился в январе 91-го, когда главный пожелал избавиться от раздражавшего его первого зама, попытавшись отправить Голембиовского в почетную ссылку собором в Испанию. В «Известиях» прошли бурные собрания с требованием отставки Ефимова. Существовало и другое мнение. Депутаты-«союзники» вроде полковника Петрушенко и таксиста Сухова требовали подотчетности газеты парламенту страны. Известинцам пришлось объясняться: их издание — не парламентский вестник, но газета Советов народных депутатов всех уровней, так что претензии данных товарищей на руководство морально необоснованны и юридически безграмотны...

В феврале 91-го Президиум ВС СССР обсудил ситуацию, сложившуюся в газете «Известия».

Обсуждение протекало недолго и завершилось печально. Докладывал Ефимов. Тихим, сдержанным голосом заговорил о «деструктивных элементах» в редакции... Внезапно ему стало плохо с сердцем, он потерял сознание.

В июне 91-го в обморок упала редакция. 5 июня в ответ на расспросы настойчивых подчиненных о назначении Севрука Ефимов спокойно отвечал: «Слухи». На другой день тон его ответов не изменился, слегка изменился стиль: «Я этими слухами еще не занимался». 7 июня Ефимов торжественно представил редколлегии нового главного редактора «Недели» Владимира Севрука и своего нового первого заместителя Дмитрия Мамлеева.

Когда к журналистам вернулся дар речи и прозвучали первые взволнованные междометия, главный редактор был подтянут и строг. «Президент в курсе, — сообщал он, сметая возражения. — И Анатолий Иванович подписал». В редакции есть люди, видевшие подпись Лукьянова на важной бумажке.

Тут самое время сказать пару слов об Анатолии Ивановиче. Трудно понять, какие цели руководят поступками этого государственного деятеля с высшим юридическим образованием, но мне думается, что современникам он более всего запомнится своим

циничным пренебрежением к закону. Бесчисленные нарушения регламента на сессиях и съездах, чаще всего связанные с его именем, отошли в прошлое, но не забылись. Сегодня Анатолий Иванович демонстрирует очередное беззаконие грубым нажимом на «Известия». Судите сами. Решение о назначении Мамлеева мог вынести Президиум ВС СССР. (Так, «спецпостановлением» был утвержден первым заместителем Ефимова И. Голембиовский.) Как и известинцы, члены Президиума узнали об этом последними. В бытность свою первым заместителем председателя Госкомпечати тот же Мамлеев подписывал регистрационное удостоверение № 87, где черным по белому было записано, что учредителем «Недели» является газета «Известия народных депутатов СССР», так что ни Лукьянов, ни Горбачев, ни папа римский не имеют ни малейшего права ни на одно кадровое перемещение в еженедельнике!

Сие регистрационное удостоверение мне показал лично Владимир Николаевич Севрук. Мы около часа проговорили с ним в его новом кабинете с окнами на Тверскую, с огромным камином в полстены, с цветным фотопортретом Горбачева в углу («Это я с собой принес», — объяснил Владимир Николаевич), с мощным «Грюндигом» на краю письменного стола («Враги-плохо лоятся: звукоизоляция, стены... «Немецкая волна» про меня говорила»). Собеседник подробно рассказывал про свою жизнь, более всего о работе в идеологическом отделе ЦК: о том, как помогал людям. Я включил диктофон.

— Вы могли отказаться от нынешнего назначения?

— Я просто устал от непонимания. Не знаю человека из тех, кто выступает против меня непримиримо, чтобы он мог лично предъявить какие-то претензии.

— А пытаются что-то припоминать?

— Никто ничего не припоминает. Были, неизбежно были конфликты, резкости. Нужно знать Систему... Кроме того, я выполнял поручения.

— Владимир Николаевич, я слышал, что...

— Нет, давайте уберем магнитофон, а то у меня настроение сломается.

Он выглядел испуганным и одиноким. Никто нашей беседе не мешал.

В редакции «Огонька» мне сообщили, что в тот же день по «вертушке» звонил Севрук. Сказал, что встречался «с вашим корреспондентом», но интервью давать не стал.

Я задумался о трагедии исполнителей.

Ошибочно полагать, что Севрук, Ефимов и им подобные назначаются исключительно для того, чтобы проводить антидемократическую политику и вышибать из редакции негодных. Они призваны для того, чтобы исполнять приказы начальства. Если завтра Горбачев и Лукьянов уйдут, их портреты отправятся вслед за предшественниками (сколько их было?), но исполнители останутся на местах. Это старая истина, даже повторять ее скучно. Эпоха гласности и дозволенных свобод несколько усложняет эту простую картину. В рушащемся мире что-то меняется даже в душах таких людей, сквозь маску послушания начинают пробрезживать человеческие черты... То ли в себе усомнились исполнители, то ли в начальстве, то ли в его приказах.

Сердечный приступ и обморок на трибуне — это, знаете, не по приказу. И боль в глазах Севрука, и растерянность, и тревога — не наигранные, не случайные, не по приказу. Это вызывает сочувствие.

Беда наша в том, что главное начальство еще не усомнилось в себе и по-прежнему ловко играет в азартные игры с народом.

Давно махнули рукой на «московские новости», «огоньки», «знамена», «коммерсанты» — пусть себе печатают, что хотят. В любой день их можно прихлопнуть, да просто бумагу не дать! «Известия» даже на сутки выпускать из рук страшно. Это ведь единственная ежедневная всесоюзная газета центрального направления, и любой, даже самый робкий шаг ее влево (таких шагов, и неробких, известинцами совершено уже предостаточно) угрожает власти.

Существуют разные степени приближения к настоящей свободе. Известинцы тут добились немало. Тем обиднее было бы для всех нас, читателей, многомиллионной демократической общности, потерять «Известия». Ныне борьба за свободу слова часто в том и состоит, чтобы защитить честную газету, честную передачу, честного журналиста. На них — на газеты, на передачи, на журналистов — опять наваливаются всей тяжестью остаточного тоталитаризма.

Сегодня лучшие из известинцев подумывают об уходе, кое-кто уже бросил заявление на стол. Помоему, напрасно. Те, кто нарушает закон, устраивает провокации, мучает скрытой и явной цензурой, только того и ждут. На ваши места придут другие — исполнителей покуда хватает, — а газета погибнет. И некому будет возродить ее.

ПОЧЕМУ УМИРАЮТ ДЕТИ

Давно не испытывал такого потрясения, как от знакомства с несколькими цифрами, обнародованными в «Известиях» (Л. Ивченко «Отдача от правительственной дачи», № 146). Прошу читателя внимательно отнестись к следующей длинной цитате:

«Ежегодно в стране заболевают лейкозами около 3 тысяч детей. Большинство из них обречены — условия для интенсивной химиотерапии у нас нет. Кроме того, трансплантация костного мозга, которая могла бы их спасти, у нас практически не делается, хотя за рубежом она стала уже рутинной операцией... Нет достаточных средств. Трансплантация костного мозга и все ей сопутствующее и сопровождающее стоит 81 тысячу рублей на ребенка плюс 5 процентов стоимости некоторых компонентов в валюте — это калькуляция Минздрава СССР».

То есть, если я правильно понимаю: 81 тысяча наших «деревянных» рублей плюс 4050 так называемых «инвалютных». Множим на три тысячи больных детей. Выясняем: требуется 243 миллиона «простых» рублей и 12 миллионов 150 тысяч настоящих.

На нет и суда нет? Рождая детей в стране Чернобыля и Арала, мы не заработали на то, чтобы защитить их от последствий собственных смертоносных деяний?

Да нет же! Заработали! Но нас обокрали.

Правительство СССР сообщило, что за последние пять лет безвозмездная военная помощь нашей страны режимам разных стран мира составила 8,5 миллиарда рублей (см. «Огонек» № 24, В. Первышин «Разорение»), или 1,7 миллиарда рублей в среднем за год. 141,5 миллиона рублей в месяц. То есть двухмесячное воздержание от безвозмездной только поставки в Ирак и подобные ему страны танков, ракет, автоматов с ливной крышкой бы рублевые потребности на лечение всех трех тысяч ребятшек. А воздержавшись от таких подарков в течение трех кварталов, страна обеспечила бы себе расходы на этих больных на 5 лет вперед.

«А валюта?!» — воскликнет нетерпеливый читатель.

В той же огоньковской статье сказано, что один самолет МИГ-29 продается ныне на внешнем рынке за 30 миллионов долларов. Если приравнять один рубль к одному доллару, то выручки от продажи двух самолетов хватило бы на валютное покрытие лечения всех трех тысяч заболевших детей тоже на 5 лет. (А если не приравнять рубль к доллару, а оценивать по реальному курсу, то, возможно, на это хватило бы и нескольких танков.)

За пять лет надлежащего лечения можно было бы спасти 10 500 детских жизни (современные технологии лечения лейкозов позволяют добиться выздоровления 70 процентов детей).

А сейчас главное: два самолета или несколько танков за спасение десяти тысяч с лишним своих граждан для страны, будь она и в десятки раз беднее нашей, — пустяк. Я не говорю здесь о морали — только о цене в рублях-копейках. Именно несопоставимость малости этих рублей-копеек и громадности горя детской смерти и повергла меня в растерянность и отчаяние, когда я прочитал цифры, приведенные в самом начале этой заметки.

Что же это такое? Говорят, Куба спасает таких своих детей. На это у Кубы есть средства, хотя она не может вернуть нашей стране 15 миллиардов долларов долга. Однако, думаю, ни один нормальный человек не осудит Кубу за то, что жизнь своих детей для нее важнее. Наша великая советская Родина, наверное, единственное в мире государство, хладнокровно обрекающее на смерть детей, которые могут и должны жить, если бы только им повезло родиться в другой стране. «Я другой такой страны не знаю...»

За существование этого государства отдали свои жизни во второй мировой войне десятки миллионов наших людей.

За сохранение этого советского, социалистического государства проголосовало большинство населения на референдуме.

Так почему же умирают дети?..

Александр ЩЕРБАКОВ

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

Что вы так набросились на социализм и грызете его из номера в номер? Вы продаете строй, за который отдали жизни миллионы. А я знаю, что такое капитализм в русском варианте. Это наглая морда бизнесмена, едущего с девкой на «мерседесе». Вам, сладкоголовые свиристели горбачевской перестройки, никогда не дожидаться, чтобы я полюбил русского буржуя.

Ю. МИРОНОВ,
30 лет
Москва

Уверен, что Хонеккер знает о наших действующих и уже отошедших от дел, но еще могущественных лидерах такое, что они идут на все, чтобы уберечь его от суда и справедливого возмездия. Не удивлюсь, если скоро мы будем спасать Тодора Живкова, а быть может, и Саддама Хусейна.

В. С. КЛИМАСHEВСКИЙ
Сочи

Все мы размышляем и спорим, что же мы построили, как это назвать? Мы построили общество завистливых и непритязательных нищих, управляемое некомпетентными карьеристами.

Л. В. КАМЕНСКИЙ
Москва

От русского мата, видно, нам не удастся избавиться, тем более что все национальные меньшинства матерятся только по-русски. Но, уверен, если правительство и депутаты перестанут безграмотно употреблять иностранные слова, демонстрируя свою «образованность», то мы снова сможем разговаривать на могучем русском языке.

В. А. МАСТЕРОВ
Нижевартовск

Раскрестьянивание, к сожалению, свершилось, и фанатично настроенных на труд людей осталось очень мало. Им, конечно, надо выделить землю, помочь техникой, поощрять морально. Нужно помнить, что расслоение общества налицо и зависть бедных страшна потенциальной возможностью насильственного дележа.

В. БАРАНОВСКИЙ
с. Ванновка
Чимкентской области

■ Когда же милосердие дойдет до нас, зэчек? Зэчки — это женщины, отбывающие наказание наравне с мужчинами. Каждый день выстраиваемся мы на просчет, в кирзовых сапогах, с бирками на груди. У многих находящихся в колонии женщин, если нет опекуна, детей отдадут в детдома. По законам природы дитя и мать неразделимы, особенно в первые годы жизни ребенка. Неужели нельзя нам помочь, организовать совместное проживание с детьми, а если это невозможно, то хотя бы открыть при колонии детсад? Или считают, что все мы — 700 женщин — потенциальные убийцы?

За кражу госимущества мне дали пять лет лишения свободы. Да не столько украла, сколько списала недостачи с магазинов. Оспаривала я решение суда, но все без толку. Не могла смириться с несправедливостью и спустя два месяца по прибытии в зону сделала побег. За побег добавили еще три года.

Сын уже забыл меня, думаю, привык к казенщине в детдоме. За два года в заключении стала инвалидом II группы по зрению, а мне всего 23 года. Какой я приду к сыну? Так ли уж безупречно наше правосудие и общество, когда укравшие миллионы гуляют на свободе и процветают? На многих наших зэчек, не сомневаюсь, можно было наложить взыскание, не связанное с разрывом с детьми.

С. А. ЛАКТИОНОВА,
осужденная
Иваново

■ В этом году заканчиваю факультет иностранных языков Владимирского пединститута. Два года назад по студенческому обмену я две недели жил в немецкой семье в г. Эрлангене (ФРГ). С тех пор мы переписываемся. Мои немецкие друзья сообщили о приезде в Советский Союз с туристической группой. С 6 по 8 июня они должны были жить в гостинице «Клязьма» во Владимире. Естественно, я приехал на встречу, мы были рады увидеться и обменялись подарками. Договорились, что после обеда я поеду с ними на экскурсию по городу.

Пока они обедали, ко мне подошел сержант милиции и попросил пройти с ним в кабинет администратора. Затем он велел выложить все из сумки, сказав, что существует ответственность за связь с иностранцами. Выкладывать я ничего не стал, объяснил ситуацию, попросив пригласить моих друзей. Разумеется, он этого не сделал. Администратор добавила, что я специально узнал имена немцев. Чушь какая-то... Сержант вызвал машину, и меня отвезли в отделение милиции, откуда, правда, вскоре выпустили после «нравственной» беседы.

Мне неприятно было рассказывать немцам, что со мной произошло. Все были поражены и говорили только одно: перестройка, перестройка... Десять, пять лет назад можно было не удивляться, тогда произвол был нормой, но сейчас? Разве это не элементарное нарушение прав человека?

Роман ПОТАПОВ
Ковров Владимирской области

■ Приватизация жилья у нас в Алма-Ате началась гораздо раньше, чем в других регионах страны, три года назад, по решению горисполкома. Правда,

сначала к новому явлению отнеслись без особого энтузиазма. В первый год по заявлению генерального директора горжилкооперации было продано всего 28 домов. Когда же было разрешено продавать квартиры в домах государственного и общественного фонда, то к концу 1990 г. оказалось, что куплено 3850 квартир.

Наш президент Н. Назарбаев в связи с 45-летием победы в Великой Отечественной войне издал указ, по которому участникам войны передаются безвозмездно в личную собственность квартиры, где они проживали на 9 мая 1990 года. Как мы радовались! Когда я был в Красноярске на встрече ветеранов 382-й стрелковой дивизии, не утерпел, сообщил однополчанам об этом указе. Все встали и зааплодировали.

Однако документы на этот подарок оформили не многие участники. Почему, спросите. Да потому, что есть решение горисполкома, в котором указано, что правом наследования, дарения или продажи квартир можно воспользоваться только по истечении пяти лет с момента выкупа или получения площади в безвозмездное пользование.

Получается некая полусобственность. Может быть, для кого-то это и справедливо. Но мы, участники войны, протянем ли эти пять лет? Стоит ли бегать и оформлять бумаги? И справедливо ли это решение по отношению к фронтовикам?

И. Б. ТРАХТ,
инвалид войны
Алма-Ата

■ Высылаю плакат. Обратите внимание: какая плотная, белая, дорогая по нынешним временам бумага. И красок не пожалели. Розовощекий, незабвенный, пять раз золотомедальный Леонид Ильич поднял палец вверх и, прищурившись, наставляет: «КОГО УГОДНО, ТОЛЬКО НЕ... ЕЛЬЦИНА!!»

Сотворил сие «произведение» художник Д. Агаев, а выпустило издательство «Советская Россия», отпечатав тиражом в сто тысяч экземпляров.

В. Д. ПОНОМАРЕВ
Пенза

■ Обращается к вам майор Ларцев — преподаватель философии Киевского высшего военного авиационного инженерного училища. Да, пока я еще числюсь преподавателем. Дело в том, что

20 декабря прошлого года я вышел из КПСС по идейным мотивам. Правда, считаю себя исключенным из партии «за потерю идейной связи с парторганизацией» и невяку на партсобрание.

События развивались стремительно. Уже в начале января был поднят вопрос о том, что я не могу продолжать педагогическую работу, так как перестал быть коммунистом. В 20-х числах я узнал, что в училище на меня заведено «дело», в котором подшиваются все мои газетные публикации. А 31 января во время неожиданного вызова ночью в Главный штаб ВВС мне было сказано первым заместителем Главкома ВВС, что командование училища представило мои документы к увольнению из армии по сокращению штатов в связи с сокращением на кафедре общественных наук штатных единиц.

Естественно, я спросил: почему именно меня, ведь я еще не вышел из статуса молодого специалиста, после окончания академии проработал лишь два с половиной года. Первый заместитель начальника военно-политического управления ВВС откровенно ответил: из-за того, что я перестал быть членом КПСС, являюсь инициатором создания киевского «Союза социальной защиты военнослужащих, отставников и членов их семей», что участвовал в работе Демократической платформы в Компартии Украины и т. д.

Однако и начальник кафедры, и начальник политотдела убеждали меня, узнав о результатах вызова в Москву, что руководство училища данный вопрос перед вышестоящим командованием не ставило. Но 29 марта на аттестационной комиссии мне было сказано: мое личное дело представляется в возмездное объединение, чтобы подыскать мне должность в другом месте. Со всей ответственностью заявляю, что в училище есть места, где я могу применить свои знания: на кафедре освобождаются две равные должности в самое ближайшее время.

У меня не было взысканий. Но когда в июне газета «Вечерний Киев» в заметке «Упадут ли звезды демократа?» опубликовала факт, что я отстранен от несения ежемесячных дежурств по военно-политическому отделу из-за того, что вышел из КПСС, мне был вынесен строгий выговор за обсуждение приказа в прессе.

Нынешнему военному руководству важнее коммунистическая благонадежность, а не уровень профессиональной подготовки специалиста. Всего за три года работы в училище я написал кандидатскую диссертацию по философии,

7 июля
В ЦПКИО им. М. Горького
Государственный центр досуга «Времена года»
и Советский благотворительный фонд «Огонек» — АнтиСПИД
проводят
благотворительную акцию «Надежда».

В программе:
театрализованные представления для детей и взрослых,
шоу-программы на любой вкус:
рок, эстрада, фольклор, цирк, дискотека.
Что мы знаем о СПИДе?

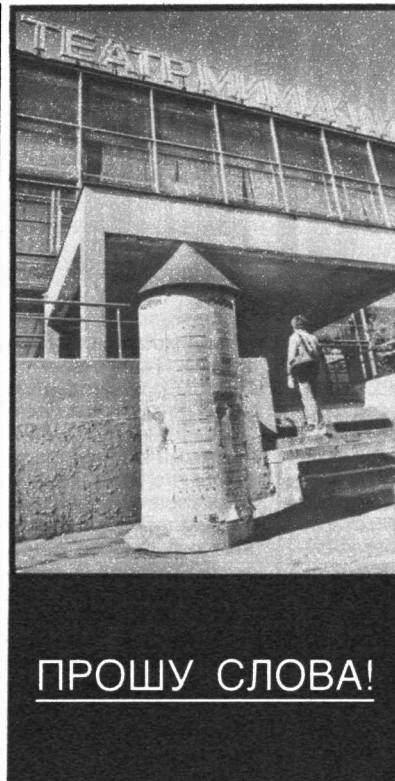
Консультации врачей, сексологов, психологов.
Вопросы и ответы.

Демонстрация видеofilмов,
викторина,ставка «Плакат против СПИДа».

Весь сбор от акции поттит
в помощь ВИЧ-инфицированным и больным СПИДом детям.

КТО УСЛЫШИТ ГЛУХИХ?

ПРОШУ СЛОВА!

«Компенсационные выплаты работающим в общественных организациях, их предприятиях, объединениях производятся за счет собственных средств этих организаций, предприятий, объединений».

(Из инструкции Госкомтруда СССР и Минфина СССР от 17.03.91 г., п. 5).

Это, так сказать, эпиграф. Конечно, чиновники из Госкомтруда и Минфина могли бы и попросить написать: дескать, спасение утопающих — дело рук самих утопающих, потому как сегодня тонут многие. Среди этих многих гибнет и Московский театр мимики и жеста, что на Измайловском бульваре. Через месяц-два около пятидесяти актеров этого театра могут оказаться на улице. На фоне социальных катаклизмов и общего неустойчивости в стране гибель театра может показаться кому-то мелким событием. Правда, если не учитывать одного существенного обстоятельства — все артисты театра мимики и жеста инвалиды по слуху.

Театр был создан в августе 1962 года при Всесоюзном обществе глухих (ВОГ). Почти три десятка лет существования — это более ста спектаклей различных жанров, ежегодные поездки по Союзу, гастроли в Польше, ГДР, Болгарии, театральные фестивали в Югославии, Японии, Испании, США. Словом, пристальное внимание к первому в мире театру глухих за рубежом. Благодаря его опыту похожие театры теперь существуют в Польше, Японии, Америке. Все они объединены благородной идеей милосердия и заняты конкретной задачей — реабилитацией инвалидов, возвращением их к полноценной жизни, творчеству. Но московский театр успешно решал и более высокие задачи — создавал спектакли, интересные для любого, даже слышащего зрителя.

Исчезает уникальный театр. Скажу без преувеличения: гибнет наше национальное достояние, то, чем мы по праву могли бы еще гордиться. Как ни парадоксально, гибель эта происходит среди всеобщих словотолков о гуманизме и милосердии. Но, пожалуй, самое удивительное в этой истории то, что «механизм гибели» до чрезвычайности прост, даже как-то классически прост. Помните грибоедовского Фамусова — «подписано, так с плеч долой»? Вот и весь «механизм».

Поясню. Ни для кого не секрет, что почти все театры страны убыточны. Театр мимики и жеста финансируется Центральным правлением общества глухих. За 1990 год дотация составила 446,8 тысячи рублей. В прошлом году расходы не превысили доходов, и театр кое-как свел концы с концами. В этом году дотация уменьшилась — 439 тысяч.

Всесоюзное общество глухих существует за счет доходов учебно-производственных предприятий, которые, кстати, тоже создавались для трудовой реабилитации инвалидов по слуху. Государство в конце 1990 года все эти предприятия освободило от налогов, но не от проблем. Из-за резкого роста закупочных цен и цен на товары увеличились и расходы предприятий.

За I квартал 1991 года все они не выполнили план и сократили отчисления в Центральное правление. А в обществе глухих, кроме театра, еще множество организаций, которые не приносят дохода, — дома культуры, клубы, учебные заведения, и при всем желании Центральное правление не может увеличить дотацию.

Средняя заработная плата работников театра 126 рублей. Понятно, что такие «гонорары» сейчас мало кого устраивают, и специалисты из театра уходят. Есть распоряжение о повышении зарплат, но нет денег. Есть творческий коллектив, способный создавать новые спектакли, но нет средств, чтобы заказать декорации, костюмы, осветительную аппаратуру и многое другое. В стране все дорожает, рубль не в той цене, что раньше.

Вроде бы и не много надо, 250 тысяч, чтобы коллектив выжил. Но где их взять? Сокращать штаты? Но как, кого сократишь — инвалидов по слуху? Отдавшие по двадцать — тридцать лет жизни театру, куда они пойдут? В подzemные переходы с протяннутой рукой?

И в заключение. Скоро, в июле, в Японии состоится Международный конгресс глухих, и до последнего времени поездка на конгресс могла не состояться из-за отсутствия денег. Но мир не без добрых людей: совместное предприятие «ВиС» выделило средства. Театр покажет спектакль «Вишневый сад» А. Чехова.

Но как жить дальше? Кто же услышит глухих?

В. ГРАЧЕВ
Москва
Фото автора.

а это не часто бывает, прошел предварительную защиту, на сентябрь запланирована в институте философии АН УССР моя официальная защита.

Ко всему сказанному хочу добавить, что за 12 лет службы не имел ни одной не только государственной квартиры, но и служебной. Стою на очереди на жилплощадь в училище три года, к тому же не имею еще права на 40 процентов пенсии, т. к. мне всего 33 года.

Но дело не только в этом. Формально согласившись с возможностью появления многопартийности в армии, командование Вооруженных Сил фактически осуществляет запрет на ряд военных профессий по партийно-политическим мотивам.

Майор В. С. ЛАРЦЕВ
Киев

Заболел мучительным, неизлечимым в советских условиях анкилозирующим спондилоартритом (болезнь Бехтерева) рок-музыкант Александр Чернецкий из независимой группы «Разные люди». Требуется эндопротезирование тазобедренных суставов. На сложнейшую операцию, за которую берутся хирурги Германии, требуется 60 тысяч марок, или 1 млн. 200 тысяч рублей. Песни под гитару 25-летнего Александра Чернецкого встречали с восторгом тысячи и тысячи его почитателей в различных рок-клубах страны. Не лежит душа обращаться за помощью, но иного выхода, видимо, нет: сегодня необходимо, чтобы любовь к артисту обрела более строгую, более жертвенную форму.

Адрес для денежных пожертвований: 310168, Харьков, ул. Блюхера, 13-6, кв. 133, Александру Чернецкому.

Юрий ШЕВЧУК,
Александр ГРАДСКИЙ,
Борис ГРЕБЕНЩИКОВ,
Константин КИНЧЕВ,
Андрей МАКАРЕВИЧ
и другие рок-музыканты СССР

Идет сбор средств в народный фонд «В защиту музея В. И. Ленина». Можно понять, когда перечисляют деньги коммунисты ЦКК компартии РСФСР или, допустим, преподаватели и слушатели социально-политического института ЦК КП РСФСР, или даже воины Н-ской части. Но дети? Читайте «Советскую Россию» от 30 мая с. г., где сказано: ученики 1-А класса средней школы № 7 г. Вязьмы пожертвовали 30 рублей, ученики Редькинской восьмилетней школы — 155 рублей.

Милые, доверчивые ребята, особенно первоклашки! Оказывается, еще не полностью обобрало вас наше родное правительство своими реформами. Вместо того чтобы дядям-коммунистам выделить часть миллиардных сумм КПСС на ремонт музея В. И. Ленина, они вымогают и принимают ваши еще не заработанные рубли. Ну точно, как лиса Алиса с котом Базилио у Буратино! И если уж своими ручками вы что-то заработали, не жертвуйте свои рубли здоровым и крепким дядям-коммунистам, а лучше купите спортивный инвентарь: футбольные мячи, клюшки, коньки и т. д., наверняка в ваших школах его не хватает.

Л. П. МЕЛЬНИКОВА
Вязьники Владимирской области

Службу я проходил в Ворошилове-Уссурийском, в отдельном гвардейском батальоне связи. Готовили из нас радиотелеграфистов. Сентябрьской ночью 1952 года разбудили, зачитали приказ. Уже рано утром мы загнали свою радиостанцию на железнодорожную платформу. На вокзале было много техники, слышался женский плач. Утром следующего дня мы увидели китайских железнодорожников у наших платформ. Начальник эшелона подал команду: «Всем снять погоны и красные звездочки. Спрятать их в вещмешок». Это нас насторожило.

В г. Аньдуне произошло непредсказуемое: нас встретили советские офицеры, переодетые в китайскую военную форму. Переодели и нас. Я получил пакет и срочно был переправлен с отделением через реку на территорию КНДР. Часа через два вручил пакет уже немолодому командиру батареи, который тут же разразился бранью: почему прислали только связистов, где же артиллеристы? Вскоре земля затряслась под нами от разрывов бомб и мощных залпов. Так произошла моя первая встреча с советскими «китайскими» добровольцами, посланными сюда по велению отца всех народов.

Провожали нас на войну тихо и встречали втайне от народа. Солдат хоронили тут же, офицеров, да и то не всех, отправляли в цинковых гробах на Родину.

При выдаче военного билета в графе об участии в Великой Отечественной войне у меня была запись: правительственная командировка в КНР и КНДР с сентября 1952 года по ноябрь 1953 года. Но при обмене военного билета на новый образец запись была выхолощена. Кто-то упорно старался спрятать эту войну. Да и нас, участников, заставляли десятилетиями молчать. Мой отец, фронтовик, офицер запаса, будучи смертельно больным, в 1959 г. спросил меня: «Сынок, где все-таки проходила твоя служба? Откуда шрамы?» Я рассказал ему перед его смертью всю правду, которую он унес с собой в могилу и которую до последних лет я прятал от своих детей. Хитрые и мудрые чинуши требовали молчания, боялись за свою шкуру: вдруг их призовут к ответу.

До сих пор сняты мне обгорелые, кровавые тела, вздыбленные снаряды и бомбы сопки. Федя Михайлов, Ваня Брылкин, Сережа Карих, Сеня Беляев, Дудкин Коля, если живы, отзовитесь! Офицеры, мои начальники, — Негода, Крымский, Стороженко, Бацман, Попов, отзовитесь! Может быть, еще успеем вместе помянуть погибших.

Кто и когда напишет правду о наших потерях в корейской войне?

П. Е. ЛЫСЕНКО
Ставрополь

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Лучшей работой за март — апрель признана новая разработка художественного оформления обложки «Огонька». Мы поздравляем главного художника журнала Николая НО-ВИКОВА с присуждением ему премии американской фирмы «КОМПЬЮТРЕЙД ИНТЕРНЭШНЛ».

Журналистский коллектив и редакционная коллегия назвали также лучшим очерк Нины ЧУГУНОВОЙ «Господа офицера» (№ 11). Ей присуждена редакционная премия.

Александр НЕКРИЧ

ДОРОГА К ВОЙНЕ

Известный историк, автор книги «1941, 22 июня», дополненное и переработанное издание которой выходит сейчас в московском издательстве «СКИФЫ», на основе новых архивных материалов рассказывает о событиях, предшествовавших началу войны.

Широко распространено мнение, будто Советский Союз вступил во вторую мировую войну лишь после нападения на него нацистской Германии 22 июня 1941 года. Но дело обстояло несколько иначе.

КАК ДЕЛИЛИ ПОЛЬШУ

23 августа 1939 года в Москве был подписан пакт о ненападении между Германией и СССР. Секретный протокол к пакту предусматривал раздел Восточной Европы на сферы влияния между обоими государствами. Позднее германский министр иностранных дел фон Риббентроп, подписавший вместе с Молотовым пакт и секретный протокол к нему, рассказывал о заявлении, сделанном им в Москве: в отличие от английских и французских военных делегаций он прибыл в Москву не для того, чтобы просить СССР о военной помощи против Англии. Германия достаточно сильна, чтобы справиться и с Польшей, и с ее западными союзниками.

В немецких архивах сохранилась реакция Сталина: «Точка зрения Германии, отклоняющей военную помощь, достойна уважения. Однако сильная Германия является необходимым условием мира в Европе, — следовательно, Советский Союз заинтересован в существовании сильной Германии». С формулировкой «все в порядке» акцент поставлен на слове «мир». Дальше уже проще: поскольку речь идет о поддержке мира, то нельзя допустить, чтобы западные державы поставили Германию в затруднительное положение. «В этом заключается общность интересов Германии и Советского Союза». «Правда» назвала тогда советско-германский договор пактом мира.

На рассвете 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, развязав таким образом вторую мировую войну.

Сталин при разделении Польши запросил сначала Люблинское воеводство. По мнению известного американского историка Адама Б. Улама, сделал он это из предосторожности: если Англия и Франция выступят и Германия окажется разбитой, то Сталин, взяв Люблинское воеводство, как бы сохраняет очаг польской государственности. Когда же он убедился в том, что ни Англия, ни Франция не готовы оказать немедленную помощь своей польской союзнице, то тут же высказался за полную ликвидацию польского государства.

Советская внешняя политика и в этот период исходила из доктрины Сталина, сформулированной им еще в 1925 году, но опубликованной лишь спустя два года после окончания второй мировой войны. Она гласила: «Наше знамя остается по-старому знаменем мира. Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, — нам придется выступить, то выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашу весов, гирию, которая могла бы перевесить». (Из речи Сталина на пленуме ЦК РКП(б) 19 января 1925 года.)

Теория использования противоречий в стане империализма была неплохо проработана. Главный ее тезис: стравить капиталистов, заставить их воевать друг с другом к выгоде большевиков и социализма. В ноябре 1940 года Жданов скажет в закрытой аудитории: «...тов. Сталин всячески рекомендует, чтобы мы тайники, связанные с механикой международной политики, знали, изучали, чтобы в этом отношении, как говорит тов. Сталин, не были вахлаками... Роль... медведя (то есть России. — А. Н.) заключается в том, что, пока дровосек дрова ломает, мы ходим по лесу и требуем попенную плату. Такого рода позицию... мы намерены вести и впредь». (Веселое оживление в зале, бурные аплодисменты, смех.)

Общность интересов Сталина и Гитлера, «правильно» понятая ими, проявляется уже через несколько часов после нападения Германии на Польшу. 1 сентября в 7.30 утра начальник генерального штаба германских военно-воздушных сил посылает телеграмму в Москву. В ней просьба, чтобы радиостанция в Минске немедленно «и впредь до дальнейшего в свободное от передачи время передавала бы для срочных воздухоплавательных опытов» непрерывные сигналы для германской авиации, бомбящей польскую территорию.

Но то было лишь началом военного сотрудничества. Германия всячески торопила Советский Союз послать свои вооруженные силы в Восточную По-

льшу, чтобы они действовали вместе с германской армией. Только военное выступление СССР против Польши могло гарантировать выполнение Сталиным обязательств, вытекающих из секретной договоренности в Минске.

Сталин ищет подходящую формулировку для официального коммюнике, которая позволила бы оправдать советское нападение на Польшу. Немецкие архивные документы донесли до нас многие нюансы этих переговоров. Сталин хочет свалить ответственность на немцев. Первоначальная формулировка гласит: Советский Союз вступает в Польшу в связи с угрозой, возникшей для белорусского и украинского населения со стороны Германии. Немцы, естественно, взбешены и решительно протестуют, указывая, что предложенная Молотовым формулировка «несовместима с содержанием московского соглашения». Сталин отступает. В конце концов согласованное коммюнике гласит: вступление советских войск в Польшу продиктовано заботой о судьбе проживающего в Польше белорусского и украинского населения, а также ситуацией, сложившейся на территории Польши.

После падения Варшавы Молотов соглашается с немцами, что в первоначальной мотивировке военного вмешательства СССР содержалась нота, «обидная для чувств немцев», но просит «не позволять подобным пустякам вставать на нашем пути». Молотов совершенно откровенен, ведь он разговаривает с партнером, объясняет, что другого предлога Советское правительство не видит, поскольку (внимание! — А. Н.) «до сих пор Советский Союз не беспокоился о своих меньшинствах в Польше...». Поистине умири, Денис! Лучше не напишешь! А затем уже и нота польскому правительству, извещающая, что Советское правительство не может оставить беззащитными «единокровных украинцев и белорусов»...

17 сентября Красная Армия ударила с востока по Польше. Именно в этот день, а не 22 июня 1941 года Советский Союз стал одним из участников второй мировой войны.

Началось военное сотрудничество с гитлеровской Германией. Задачи партнеров были сформулированы в совместном коммюнике, опубликованном 19 сентября. Они заверяли, что действия их войск не преследуют каких-либо целей, «идущих вразрез интересов Германии и Советского Союза...». Как говорил вождем советского народа, правда, по другому поводу, «и дешево, и мило!». Вводя в заблуждение несчастных поляков, а главным образом мировое общественное мнение, Германия и СССР обещали «помочь населению переустроить условия своего государственного существования». Спустя всего один день Сталин скажет немцам: он категорически против сохранения польской государственности в каком-либо виде. Одним из трагических последствий этого решения и было уничтожение польских офицеров в Катынском лесу, близ Смоленска, в апреле 1940 года.

20 сентября 1939 года представители вооруженных сил Германии и Советского Союза подписали в Москве формальное соглашение о ведении военных операций в Польше. С советской стороны оно было подписано наркомом обороны Ворошиловым и начальником Генштаба Шапошниковым.

28 сентября 1939 года фон Риббентроп снова прилетел в Москву, на этот раз для того, чтобы подписать вместе с Молотовым новый договор, теперь уже о дружбе и границе, а также сопутствующие ему секретный и конфиденциальные протоколы, углубляющие советско-германское сотрудничество.

Вызванного в Москву эстонского министра иностранных дел Молотов и Сталин заставили согласиться на договор о взаимной помощи. То было началом поглощения Прибалтийских государств, завершено в июне 1940 года. Недавние утверждения нынешних советских руководителей, будто между советско-германским договором о ненападении, передавшим Прибалтику в «сферу влияния» Советского Союза, и последующим ее включением в состав СССР нет связи, представляются, мягко говоря, странными и находящимися в противоречии с общедоступными теперь фактами.

Осложнения, возникшие в отношениях с немцами из-за дополнительных претензий СССР на часть литовской территории, были урегулированы затем пу-

тем выплаты Советским Союзом изрядной суммы золотом.

Выиграв в территории в результате пактов с Германией, Советский Союз проиграл в безопасности. Таково было самое важное последствие расширения советской территории. Польша и Прибалтийские государства служили в прошлом для СССР как бы «санитарным кордоном» против внезапного нападения с запада, поскольку СССР не имел общей границы с наиболее опасным потенциальным агрессором — Германией. Теперь же появилась общая граница с нацистской Германией и ее союзниками протяженностью около 5 тысяч километров, где почти в каждом пункте СССР был открыт для нападения.

Другое важное последствие договоров с Германией и изменения геополитического положения Советского Союза заключалось в том, что СССР превратился в важнейшего поставщика стратегического сырья и продовольствия для Германии.

Как происходило военное взаимодействие союзников? Советские и немецкие войска наступают на Львов с двух сторон, создается угроза их столкновения. Германское Верховное командование немедленно находит выход: оно предлагает произвести совместное наступление с последующей передачей города в руки советского командования. Договоренность достигнута, и германский военный и воздушный атташе в Москве генерал-лейтенант Кёстринг сообщает 24 сентября в отдел внешних сношений наркомата обороны: «Командир XVIII стрелкового корпуса, генерал Бейер, встретился лично с комкором Ивановым от стрелкового корпуса частей Красной Армии, находящегося под Львовом. Теснейшая связь между обоими командующими, так же как между командирами частей, восстановлена, которые сговорились о всех подробностях в товарищеском духе». (Документ на русском языке. Стиль и орфография сохранены. — А. Н.) Дело закончилось совместным парадом советских и германских войск во Львове. Таким образом, на первом этапе войны в Европе Советский Союз помог Германии, правда, далеко не бескорыстно, ликвидировать Польское государство.

ПАРТНЕРЫ

Военное сотрудничество между Германией и СССР продолжалось и после разгрома Польши. Оно принимало различные формы. Например, было налажено регулярное снабжение люфтваффе советскими метеосводками. Они облегчали бомбежку Англии, точно так же, как операция «Минск» помогала бомбить польские города. По просьбе Риббентропа Молотов и Микоян занялись изысканием подходящего места для создания немецкой военно-морской базы для ремонта немецких судов и подводных лодок, укромная гавань, расположенная в 35 километрах восточнее Мурманска, послужила германскому военно-морскому флоту вплоть до окончания операций в Норвегии.

Командующий германским военно-морским флотом гросс-адмирал Редер в специальном послании советскому наркому военно-морского флота Кузнецову высказал свою признательность. Со своей стороны, Кузнецов благодарил за признательность адмирала Федера. Ради укрепления сотрудничества между флотами в Берлин был назначен в конце сентября 1939 года советский военно-морской атташе. Позднее советский ледокол осуществил проводку через Арктический путь в Тихий океан немецкого рейдера, где тот с успехом пускал ко дну суда, направляющиеся с продовольствием и вооружением на Британские острова.

Осенью 1939 года Советский Союз безоговорочно поддержал «мирную инициативу» Гитлера, заявляя, что агрессорами являются Англия и Франция, а не Германия. Молотов осудил войну против нацизма.

В середине октября Сталин выдвинул новые лозунги и для Коминтерна. Они полностью соответствовали главной линии его политики — сотрудничества, а возможно, и союза с гитлеровской Германией. Среди лозунгов был и такой: «Прогнать правительства, которые за войну!» А для того, чтобы не было неясностей, Сталин уточняет в своей беседе с Димитровым в присутствии Жданова 25 октября 1939 года: «Мы не будем выступать против правительств, которые за мир!» Иначе говоря, против гитлеровско-

го правительства — ведь оно согласно установкам Сталина «выступает с мирными предложениями». Глава гитлеровской пропаганды Йозеф Геббельс отмечает в своем дневнике 8 ноября 1939 года по поводу очередной речи Молотова: «Яростные обвинения против капиталистических государств (имеются в виду Англия и Франция. — А. Н.). Также дружеские слова в наш адрес».

Советский Союз, оказывая политическую поддержку Германии, не упускал возможностей расширения собственной территории. Реализуя свои планы, Сталин втянулся в несчастную войну с Финляндией. Она обернулась большой кровью, а в моральном отношении — огромным поражением. Финская война обнажила военную слабость СССР и приободрила Гитлера на случай войны против Советского Союза.

Ослабленный финской войной, СССР все больше демонстрировал свою лояльность по отношению к Германии. Молотов выразил полное понимание «оборонительных мероприятий» Германии на севере Европы и пожелал ей (9 апреля 1940 года) полного успеха. Речь шла о вторжении Германии в Данию и Норвегию. После оккупации территорий этих государств Германией их дипломатические представительства в Москве были Советским правительством закрыты. Молотов с присущей ему грубой откровенностью заявил на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 года (то есть уже после капитуляции Франции), что если бы не поддержка Советского Союза, то Германия не могла бы реализовать свои военные планы. («...наше правительство... обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке»). Он упомянул также о попытках английской и проанглийской печати запугать СССР «перспективой усиления могущества Германии». Последнее должно было успокоить немцев: им не следует ожидать каких-либо враждебных акций со стороны СССР. И как еще одно подтверждение дружельюбия — 18 июня 1940 года Молотов передал послу фон Шуленбургу «самые теплые поздравления» Советского правительства по случаю «блестящего успеха» вермахта, только что завершившего военный разгром Франции.

За четыре дня до подписания советско-германского пакта о ненападении между СССР и Германией было подписано торгово-кредитное соглашение. Оно оказалось как бы прелюдией к заключению 11 февраля 1940 года хозяйственного соглашения. В одном из документов, подготовленных Наркомвнешторгом для опубликования, хозяйственное соглашение было оценено как «не имеющее по своему объему и значению прецедента в истории мировой торговли».

В Берлине, в министерстве хозяйства, было создано специальное управление по германо-советскому хозяйственному обороту. Немецкие деловые круги, не все, конечно, довольно тепло отнеслись к перспективам расширения торговли и обмена с СССР, традиционным партнером 20-х и начала 30-х годов. Напомню, что за 10 лет, с 1926 по 1936 год, в СССР было поставлено промышленного оборудования и машин на сумму 4 миллиарда марок. СССР оплачивал поставки сырья, сельскохозяйственными продуктами и золотом.

Выступая на открытии Германской Восточной ярмарки в Кенигсберге в середине августа 1940 года, посланник Карл Шнурре, возглавлявший немецкие экономические делегации на переговорах в Москве, отметил, что с СССР заключены невиданные по масштабам сделки на поставку в Германию 600 тысяч кип хлопка, 1 миллион тонн зерна, 1 миллион тонн нефти. Немецкие промышленные и финансовые круги, тесно связанные с военной экономикой, были удовлетворены интенсивностью и размахом советско-германских экономических связей.

СТАЛИН И НАЦИСТЫ

Интерес Сталина к НСДАП, как к возможной в будущем правящей партии, проявился еще в начале 30-х годов. Через полгода после прихода национал-социалистической партии Германии к власти А. С. Енукидзе, в то время секретарь ЦИКа СССР и близкий к Сталину человек, объяснял послу Германии фон Дирксену, что в Советском Союзе понимают трудности, связанные с национал-социалистической перестройкой. Подобные же затруднения испытывали и большевики после взятия власти. Но в конце концов верх берут государственные соображения, превалирующие над идеологическими, партийными.

Для Сталина партия Гитлера была прежде всего партией националистов, выступающей против «грабительского» Версальского договора и его ограничений. Сталин и сам выступал за ликвидацию Версальской системы, и, как известно, на этой почве и родилось тесное сотрудничество между рейхсвером и Красной Армией в 20-е годы. Оно оборвалось вскоре после прихода к власти Гитлера.

Программа же Гитлера была основана на признании принципа преемственности германской политики, краеугольным камнем которой, согласно нацистской мифологии, служило... овладение «жизнен-

ным пространством» на Востоке. Разрушение Версальской системы, возвращение утраченных после первой мировой войны территорий было лишь промежуточной целью Гитлера, необходимым шагом на пути установления германского господства на европейском континенте. Другим шагом должна была быть ликвидация Британской империи. Конечной же целью — обеспечение господства германской расы на обширном пространстве от Пиренеев до Урала. Для этого предстояло поставить на колени Англию, разбить Советский Союз и колонизировать его территории.

Будучи прагматиком до мозга костей, Сталин полагался на рациональное начало в личности Гитлера, отмечал искусность нацистской пропаганды, но, видимо, не придавал серьезного значения конечным целям Гитлера, сформулированным им еще в «Майн кампф». Для Гитлера пакт с СССР был необходимым военно-политическим маневром, чтобы, во-первых, обезопасить Германию от опасности войны на два фронта, а во-вторых, использовать советские сырьевые ресурсы для ведения войны. Для реализации этой программы на период до создания германской европейской империи, которая, согласно Гитлеру, будет существовать «тысячу лет», необходимо было обеспечить получение Германией сырья и продовольствия. Главная роль здесь отводилась ресурсам Советского Союза.

Осенью 1939 года Сталин играл с мыслью о возможности изменения позиций национал-социалистов. Он полагал, что так как мелкобуржуазные националисты не связаны с капиталистическими традициями, они «способны на крутой поворот, они гибки». Сталин рекомендовал своим соратникам «отбросить рутину, не держаться за установленные правила, видеть то новое, что диктуется изменившимися условиями». И немецкая печать, в свою очередь, писала, что благодаря экономическому соглашению с СССР, подкрепленному пактом о ненападении, английский план блокады («окружения Германии») потерпел фиаско. Особенно подчеркивались долговременная перспектива германо-советского экономического сотрудничества и их «естественные пространственно-экономические отношения». Все это связывалось в теоретическом плане с построением «новой Европы», где на смену традиционному либерализму Англии и Франции придет социализм. Что же это за «социализм»?

«Новое учение, — сообщал в сентябрьско-октябрьском номере ежемесячник по национал-социалистической социальной политике, — на этот раз идет не с Запада, а из центра Европы... Мы, немцы, социалисты по природе... Теперь, при помощи огня и меча, должна родиться новая социальная эпоха... Но, конечно, национал-социализм не является экспортным товаром. Мы не хотим предписывать ни одному народу того, как этот социализм будет осуществляться».

Национал-социалисты не приглашали СССР в «свой социализм», но старались использовать его ресурсы. Практически речь шла не только о снабжении Германии советским сырьем и продовольствием в крупных масштабах, но и об услугах советской стороны для закупок в третьих странах и транспортировки в Германию через советскую территорию стратегического сырья, особенно каучука, вольфрама, олова, в которых германская военная экономика отчаянно нуждалась. Советский же Союз был заинтересован получить в обмен современное вооружение и станки. Руководитель концерна «Шкода» Громадковский посетил в Москве в конце сентября — начале октября 1939 года наркомов Ваникова и Тевосяна (последний был затем с ответным визитом в Германию в 1940 году) и предложил гаубицы, зенитные орудия, морские орудия, оборудование, станки, прессы для производства стрелкового и артиллерийского вооружения, бронеплиты, дизели и компрессоры для подводных лодок и многое другое в обмен на советские поставки железной и марганцевой руд, железа, стали, ферросплавов, никеля, вольфрама, меди, олова, свинца, шарикоподшипников, а также продовольственных товаров. «Шкода» просил также разрешить транзит через СССР в ряд стран Востока, а также в Маньчжоу-Го.

Во время одного из визитов в Москву Шнурре и других немецких представителей Сталин, раздраженный замедлением немецких поставок, заметил в сердцах, что он рассматривает советско-германские соглашения как соглашения о взаимной помощи. Кстати, Молотов при ратификации пакта о ненападении высказал депутатам Верховного Совета СССР свое сожаление, что был подписан только такой пакт...

В течение семнадцати месяцев после подписания советско-германского пакта Германия получила из Советского Союза 865 тысяч тонн нефти, 140 тысяч тонн марганцевой руды, 14 тысяч тонн меди, 3 тысячи тонн никеля, 101 тысячу тонн хлопка-сырца, более 1 миллиона тонн лесоматериалов, 11 тысяч тонн льна, фосфаты, платину и почти полтора миллиона тонн зерна. Через советскую территорию осу-

ществлялся транзит стратегического сырья и продовольствия из стран Тихоокеанского бассейна, Ближнего Востока.

Об уровне советско-германских отношений можно судить хотя бы по тому, что советские специалисты побывали на немецких авиационных предприятиях Мессершмитта, Юнкерса, Хейнкеля. Среди советских визитеров были авиаконструктор А. С. Яковлев, директор одного из авиационных заводов П. В. Дементьев и первый заместитель наркома авиастроения В. П. Баландин. Советским гостям, по словам тогдашнего наркома авиапромышленности А. И. Шахурина, немцы показали все — включая заводы, конструкторские бюро, знакомили с новейшей авиационной техникой на земле и в воздухе, вплоть до того, что советские летчики-испытатели летали на немецких самолетах. Больше того, немцы разрешили приобresti несколько боевых самолетов новейших конструкций, а именно: истребители «Мессершмитт-109», «Мессершмитт-110», «Хейнкель-100», бомбардировщики «Юнкерс-88», «Дорнье-215». Естественно, советские инженеры и конструкторы тщательно изучали немецкие боевые машины.

Немцы, в свою очередь, приезжали знакомиться с советской авиапромышленностью. И, по словам Шахурина, были впечатлены неожиданным для них высоким уровнем советского авиационного производства. Но вывод, к которому пришли в СССР, был неприятным: немцы имели более мощную авиационную промышленность. Естественно, последовали решения о модернизации действующих и строительстве новых заводов: 300 решений в 1940 году и 488 — в 1941 году. Страсть к бумаготворчеству, постановлениям, а позднее к указам была характерной для советского руководства во все времена.

АППЕТИТЫ РАСТУТ

На вершине военных успехов Германии летом 1941 года Советскому правительству, казалось бы, стоило поразмыслить над курсом своей политики. Но практически дальше «окружения» территорий Советского Союза творческая мысль Сталина не сработала.

Победа, одержанная Германией на Западе в мае — июне 1940 года, подтолкнула Сталина к решению немедленно включить Прибалтийские государства — Литву, Латвию и Эстонию — в состав Советского Союза. Летом 1940 года Сталин, опасаясь скорого заключения мира на Западе (положение Англии многим казалось тогда безнадежным), хотел расширить территорию СССР до начала мирных переговоров. И каждый раз, когда Советский Союз двигал свои дивизии — за Прибалтикой последовали Бессарабия и Северная Буковина, — он немедленно заявлял о том, что эти акции не направлены против Германии, отношения с которой основаны не на конъюнктурных соображениях, а «на коренных государственных интересах СССР и Германии».

Решение Советского Союза занять Буковину, которая была частью Австро-Венгерской монархии, вызвало в Берлине недовольство. Сталин уступил, ограничив претензии на Буковину «только» ее северной частью. Немцы решили в конфликт с СССР по этому поводу не вступать и даже посоветовали румынскому правительству принять требования СССР.

В то время Риббентроп все еще носился с планом превращения «Антикоминтерновского пакта» 1936 года в союз по переделу Британской империи. Первоначально речь шла лишь о нейтралитете Советского Союза в этом случае. Возникло известное противоречие между решением Гитлера вести войну против Советского Союза весной 1941 года и планом разделения мира на сферы влияния между Германией, Италией, Японией и Советским Союзом.

Между тем вопреки ожиданиям Гитлера Англия не только не капитулировала, но даже не собиралась вести мирные переговоры. У Гитлера зрело убеждение, что сопротивление Англии покоится не только на мощи США, но и на надежде, что рано или поздно Сталин вынужден будет искать соглашения с ними против германской угрозы. Если невозможно добиться капитуляции Англии, то нужно повернуть против России, разгромить ее в быстрой кампании, тогда и Англия ничего не останется, как принять условия, навязанные победителем. Эти мотивы отчетливо прозвучали в ряде выступлений Гитлера на совещаниях с главнокомандующим.

31 июля Гитлер приказал Генеральному штабу готовить план операции против Советского Союза. Дата начала войны также была установлена — середина мая 1941 года. Позднее, в связи с осложнениями на Балканах (Греция, Югославия), начало военных действий несколько раз откладывалось.

В конце концов была создана и германская военная коалиция. На севере она начиналась у советско-норвежской границы и заканчивалась на юге, у дельты Днестра.

В сентябре — октябре 1940 года отношения между Германией и СССР ухудшаются в связи с транзитом немецких войск через территорию Румынии. Советский Союз также настаивал на том, что Болгария

должна войти в сферу его государственных интересов.

НАДЕЖДЫ, СТРАХИ, РАЗОЧАРОВАНИЯ

В октябре Риббентроп передал Молотову приглашение приехать с ответным визитом в Берлин. После чего сам Риббентроп выражал готовность приехать еще раз в Москву, на этот раз с представителями Японии и Италии, для обсуждения политики, которая, как он писал Сталину, «может быть только к практической выгоде всех нас». Во время берлинских переговоров 12—13 ноября 1940 года Советскому Союзу было сделано предложение примкнуть к Тройственному союзу Германии, Италии и Японии. В этом случае он стал бы союзом четырех держав.

Менее чем через две недели последовал советский ответ: СССР соглашался с германским проектом. Впрочем, об этом Молотов заявил еще во время пребывания в Берлине — участие СССР в Тройственном пакте кажется ему приемлемым в принципе, «имея в виду, что Россия должна сотрудничать как партнер, а не просто как объект». В советском ответе это соображение было полностью разъяснено: советская сфера влияния должна распространяться на районы южнее Баку и Батума, то есть включать Восточную Турцию, Иран и Ирак. СССР создает свою военно-морскую базу в проливах. Турция должна примкнуть к пакту четырех, после чего она получит от Германии, Италии и СССР гарантию своей территориальной целостности. А если Турция откажется от этого предложения, то «тройка» предпримет необходимые меры дипломатического и военного характера, чтобы обеспечить свои интересы.

СССР снова настаивал на выводе немецких войск из Финляндии, обвязываясь при этом уважать экономические интересы Германии. Болгария становится частью советской зоны безопасности, между ней и СССР заключается пакт о взаимной помощи. Япония отказывается от своих угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине. Такова была программа Советского Союза осенью 1940 года.

После возвращения Молотова Советский Союз решил расширить сумму поставок в Германию (до 11 мая 1942 года) до 1,6 миллиарда рейхсмарок. 10 января 1941 года было подписано расширенное хозяйственное соглашение, регулирующее товарооборот между СССР и Германией до 1 августа 1942 года. Советские поставки были настолько важны для Германии, что, несмотря на решение начать войну против Советского Союза, Гитлер распорядился замедлить на некоторое время выполнение заказов для вермахта, чтобы удовлетворить советские заказы на вооружение, танки и пр.

Сверх ожиданий немцев Молотов предложил выделить 150 миллионов рейхсмарок на оплату расходов по переселению немцев из Прибалтики. Желание Советского Союза быть исключительно скрупулезным в выполнении обязательств по поставкам в Германию, особенно усилившееся с марта 1941 года, выражалось даже в жалобах советской стороны, что немцы не подают достаточно вагонов, чтобы обеспечить доставку продовольствия и сырья из Советского Союза в Германию. Вероятно, это было связано также и с желанием Сталина не давать немцам ни малейшего повода для недовольства и поисков предлогов для военного конфликта. Внутри же Германии ширились усилиями пропагандистской машины слухи, будто Россия требует от Германии все больше оборудования, а так как Германия эти требования выполнить не в состоянии, то Россия прекратит поставки нефти и пшеницы и поставит Германию в критическое положение. Следовательно, у Германии не будет иного выбора, как обеспечить снабжение из России военным путем... Так немцы подготавливались к мысли о неизбежности войны с Советским Союзом.

После финской войны в Советском Союзе начался критический анализ состояния вооруженных сил, но основа советской военной доктрины — наступление на территории противника — оставалась неизменной.

Генерал П. Г. Григоренко писал в своих замечательных мемуарах, что серия мероприятий, предпринятая в войсках весной 1941 года, определенно свидетельствует о подготовке к наступательным операциям. Сталин в своей речи на выпуске военных академий 5 мая 1941 года определенно настраивал вооруженные силы не на оборону, а на наступление. В то же время, как свидетельствуют различного рода материалы и факты, Сталин надеялся оттянуть политическими маневрами начало войны. Речь могла идти о нескольких летних месяцах, а там пошли бы дожди, распутица, и в связи с наступающей зимой немцы, вероятно, предпочли бы перенести начало военных действий на весну 1942 года.

Обсуждая характер возможных военных действий с самого начала войны, нельзя пройти мимо распространенного в советском руководстве мнения, что

войной нужно воспользоваться для расширения территории «первой ударной бригады». В своих выступлениях перед коммунистами Ленинграда Жданов рассматривал идущую в Европе войну как очень подходящее время для расширения территории Советского Союза: «Политика социалистического государства заключается в том, чтобы использовать противоречия между империалистами, в данном случае военные противоречия, для того, чтобы в любое время расширить, когда представляется эта возможность, позиции социализма». И далее, уже более конкретно: «Из этой практики мы исходили за истекший год, она дала, как вы знаете, расширение социалистических территорий Советского Союза. Такова будет наша политика и впредь, и тут вам всем ясно, по какой линии должно идти дело (смех)».

Жданов вполне откровенен, холодно циничен, ибо он обращается к «своим»: «У нас нейтралитет своеобразный — мы, не воюя, получаем кое-какие территории (смех). Для того чтобы этот нейтралитет поддерживать, нужна сила». И снова: «Мы должны быть настолько сильны, чтобы эти позиции социализма отстоять и дипломатическим, и военным путем». Он призывает, «не теряя ни дня, ни часа, совершенствовать военную технику, военную организацию, учитывая опыт современного наступления, со всеми его ударными средствами и формами...». Эта часть выступления Жданова была из стенограммы изъята.

В апреле — июне 1941 года в закрытых аудиториях выступает и «дедушка» Калинин. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

«Если вы марксисты, — поучает Калинин, — если вы изучаете историю партии, то вы должны понимать, что это основная мысль марксистского учения — **при огромных конфликтах внутри человечества извлекать максимальную пользу для коммунизма**» (подчеркнуто мною. — А. Н.). И далее: «...Коммунист должен желать драки, если имеются шансы на успех. А разве у нас нет таких шансов? Они имеются, в этом у меня нет никаких сомнений», и, наконец, «я считаю, что самое лучшее для понимания марксизма — это изучение военного дела, а еще лучше, когда борются за него **с оружием в руках, лучшим методом для изучения марксизма нет**» (подчеркнуто мною. — А. Н.).

Давно уже не составляет никакого секрета, что Сталин располагал обширной информацией о подготовке Германии войны против Советского Союза по крайней мере с зимы 1940 года. Как бы он ни относился к ней, считая ее провокационной, «состряпанной» Интеллиженс сервис и тому подобное, игнорировать ее, не имея для этого серьезных оснований, не мог. Такими серьезными основаниями могли служить, между прочим, сомнения в боеспособности вооруженных сил, а также в «монологичной прочности» советской системы. Ведь одно дело управлять идеологическими, экономическими и террористическими методами в мирное время, другое — в военное, когда внешние удары по системе могут оказаться если не смертельными, то сверхчувствительными.

До заключения с Японией пакта о нейтралитете 13 апреля 1941 года опасность войны на два фронта в случае военного столкновения с Германией давила на решения Сталина. Заметим, что он принял на себя формальную ответственность за судьбу государства 5 мая 1941 года, когда стал Председателем Совета Народных Комиссаров. В тот же день на выпуске военных академий он повел речь о готовности к наступательной войне. В мае осуществляются крупные передислокации войск.

Все еще не разъяснен эпизод с посылкой Сталиным личного письма Гитлеру, о чем известно стало из «Заметок к биографии Г. К. Жукова» Константина Симонова, опубликованных «Военно-историческим журналом» в 1987 году. По словам Симонова, Жуков датировал посылку письма и получение ответа Гитлера (оба личные и конфиденциальные) началом 1941 года. Эта датировка представляется недостаточно точной. Жуков стал начальником Генштаба в конце февраля 1941 года. Интенсивная же переброска немецких войск в Польшу была отмечена в конце марта — начале апреля. Следовательно, обмен письмами никак не мог быть, судя по их содержанию (в передаче Жукова), раньше апреля.

Напомню, что в письме Сталин запрашивал Гитлера, не собирается ли он воевать против СССР, для чего же иначе он перебрасывает крупные силы в Польшу. Гитлер же объяснял: да, в Польше действительно находятся крупные немецкие силы. Но они выведены туда для переформировки и перевооружения с запада, дабы избежать налетов английской авиации. Он, Гитлер, ручается «своей честью главы государства», что будет строго соблюдать верность заключенному пакту. И далее Жуков говорит: «Насколько я понимаю, Сталин поверил этому письму». Ой ли? Скажу по совести, я отношусь к свидетельствам маршала Жукова с большой осторожностью, так как в двух изданиях своих мемуаров (1969-й и 1974-й) он дает совершенно противоположные версии относительно полученного агентурной разведкой «плана Барбароссы».

Если 5 мая Сталин говорил о том, что пора перестать военным говорить о мире и надо думать о наступательной войне, то еще спустя неделю у него, несомненно, появились новые сомнения: заместитель Гитлера Рудольф Гесс совершил 10 мая неожиданный перелет в Англию. Сталин тогда же, а впрочем, и до конца своих дней, был убежден, что Гесс послан в Англию, чтобы договориться о развязывании войны против СССР. В представлении Сталина это, естественно, была самая худшая из всех возможных политических комбинаций. Получалось, что все его усилия не допустить прекращения войны между Германией и Англией идут прахом. Не под влиянием ли этого события он решает задобрить Гитлера все новыми и новыми поставками сырья и продовольствия?

Таким может быть один из сценариев. Но, возможно, был и другой: предупредить возможность англо-германского сговора против СССР «упреждающим ударом» по немецким силам, концентрирующимся в Польше. Имел ли какое-нибудь отношение к «плану Гесса» план начальника Генштаба Жукова об упреждающем ударе, о котором сообщают, каждый по отдельности, Дмитрий Волкогонов и Владимир Карпов? Документ этот датирован 15 мая 1941 года. В нем указывались направления ударов советских вооруженных сил. Иными словами, речь шла о превентивной войне против Германии. Напомню, что соображения в пользу этой гипотезы неоднократно высказывались историками на Западе (Фабри, Суворов, Хоффманн) и, безусловно, заслуживают внимания.

Публикации Волкогонова и Карпова открывают новую страницу в этой многолетней полемике. Но прежде всего необходимо определить ценность и аутентичность документа. Писатель Карпов утверждает, что он был подписан Жуковым и Тимошенко. Нынешний заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник А. Клейменов опровергает Карпова и сообщает, что «документ Жукова» не был подписан и никогда не обсуждался. Однако тут же добавляет: «Нельзя исключать, что в Генштабе в той или иной постановке не рассматривался вопрос...» Но, оказывается, «никаких документов, кроме указанной черновой записки, по этому вопросу в Министерстве обороны нет». Не означает ли это, что документы могут быть в каком-то другом хранилище, куда доступ все еще заказан?

Генерал Клейменов разъясняет, что Красной Армии понадобилось бы не меньше месяца «для развертывания полностью боеготовых, отобраных, сколоченных стратегических групп». Признание очень важное. Суть его состоит в том, что состояние Красной Армии, по мнению генерала Клейменова, было к лету 1941 года таково, что она с успехом могла быть подготовлена в течение одного месяца к крупным наступательным операциям. Генерал лишь считает, что в конкретный промежуток времени — от 15 мая до 22 июня — привести в такое состояние Красную Армию в целом было невозможно.

В извлеченных мной из германских архивов сообщениях безымянного немецкого агента в Москве, посланных в пункт по сбору информации, находившийся в Праге, и датированных июнем 1941 года, говорится, что согласно самой свежей информации проект советского Генерального штаба ответить на сосредоточение немецких войск соответствующим контрсосредоточением Красной Армии Сталиным отклонен. Далее в сообщении указывалось, что надежды советского Генерального штаба покоятся на силе советских военно-воздушных сил и танковых соединений, которые приведены во вторую степень боеготовности.

У меня нет сомнения в том, что Сталин собирался принять участие в европейской войне в подходящее время. Но 1941 год в его понимании таким временем не был. Реализация основных планов по выпуску вооружения и завершение реорганизации вооруженных сил были намечены на 1942 год. Сталин старался оттянуть возникновение необратимого военного конфликта. Наверное, он в глубине души надеялся откупиться от Гитлера еще большими поставками зерна, нефти, стратегического сырья, внушал себе и своему окружению, что в 1941 году войны не будет.

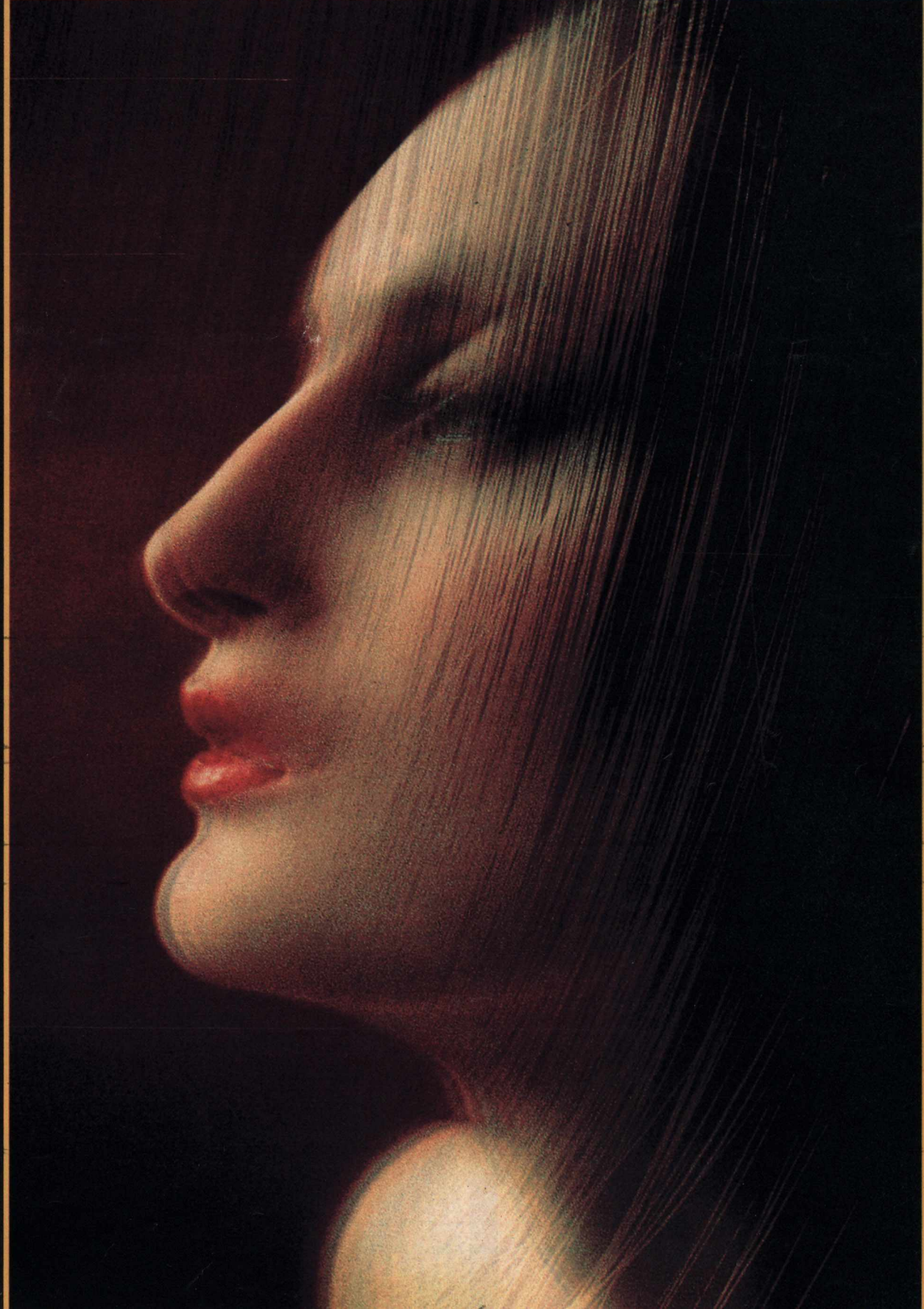
Между тем поставки вооружения и других товаров немецкого происхождения становились с течением времени все менее аккуратными. В бумагах Наркомвнешторга можно обнаружить длинные списки немецких фирм, задерживающих производство и выполнение советских заказов. К 1941 году таких списков накапливалось все больше и больше. То был действительно резкий контраст между точностью выполнения советской стороной договорных обязательств и бесконечными отсрочками на немецкой стороне. И это было своеобразным сигналом, что не все ладно в отношениях с Германией.

Похуже на то, что Сталин и в те роковые дни все еще надеялся на рациональность натуры Гитлера. Иначе как по-другому можно было бы истолковать обращенные в прошлое, сказанные им после войны слова: «Эх, с немцами мы были бы непобедимы!»?

ФОТОВЕРНІСАЖ

Владимир ОГЛЮБЛИН (Харьков)

ЖИНОЧЬ

Валерий Брайнин-Пассек родился в 1948 году в Нижнем Тагиле в семье австрийского политэмигранта. Непросто сложилась и судьба житейская, и судьба литературная. Как и многие поэты его поколения, долгое время работал «в стол». И вот — первый прорыв: в апрельской книжке «Нового мира» за прошлый год читатели познакомились с новым именем, новой интонацией, новым голосом. Сегодня мы продолжаем это знакомство.

* * *

Арсению ТАРКОВСКОМУ

Слава тому, кто плетется в фарватере...

* * *

Ради горения стоит ли пробовать
липкий озон, соловьиные яства?
Трогает бестолочь,
жившая впроголодь,
битые стекла, дремучая астма.

Птичье биенье и нежное зарево,
что половину души не пожрало,—
плата за пот, за газетное варево,
за перековку мечей на орала.

Дни Александровы веку завещаны,
альфа легка — неподъемна омега.
Как пауки, разбегаются трещины
на партитуре железного века.

Лепятся снега пушистые варезки
к незамерзающим окнам столетия,
сыплют мазурками
польские барышни,
вздохи, признания и междометья.

Перышком легким бумагу насилуя,
строчку дырявую мальчик латает,
смотрит в упор
на отчизну немилую
и восхищения слезы глотает.

Слава тому, кто плетется
в фарватере,
а для упряма веревка найдется.
Пахнет могилкой в утробе у матери
для нерожденного канатоходца.
1987

* * *

Наморщенная простыня
бутылочного стекла
уже к середине дня
густых небес голубее.
У края глаз пролегла
обманчивая западня,
серебряная игла,
сирены, Пантикапей.

С обрыва видно насквозь,
что листья травы морской
стремятся не на авось,
но как магнитные стрелы —
как будто властной рукой
Господь на земную ось
навел их поиск слепой,
несмелый и неумелый.

Кто б ни был ты — не спеши.
Пусть с этими заодно
побеги твоей души
направит Божья десница —

там тоже глухое дно
и тоже в сырой глуши
ни солнечно, ни темно,
но мрак золотой гнездится.
1987

* * *

С экрана летящий поезд
ладонью закрыт от глаз.
Писатель же, успокоясь,
уводит опасную повесть
в финальную кутерьму.
Что поезд ненастоящий —
он знает не хуже нас,
но что пассажир обрящет,
доверившийся ему,
неведомо никому.

А вот и читатель вздорный,
раскрывший смело глаза,
то белым путем, то черным
везомый себе гуртом,
рискующий ежечасно
свалиться с экрана в зал,
чаи распивать согласный
беспечно в поезде том.

Писатель — большой начальник.
Он может повелевать

громками и, глядя на чайник,
заставит его кипеть,
но даже и он не в силах
читателей двинуть вспять,
когда уже упротил их
ломать вместе с ним комедь.

И ангел глядит печально
с горних своих высот.
Есть у него начальник
поболе того, кто тут
бессильно машет руками,
другим затыкая рот,
покуда за облаками
с докладом ангела ждут.

Он явится и доложит:
— Идет своим чередом
кино. Никого не гложет
ни день, что напрасно прожит,
ни воздаянья ночь.
К обрыву сгоняет стадо
пастух в кинозале том.
Уже снесена ограда.
Погнать ли безумцев прочь?
Помочь ли им?
— Нет, не надо,
бессилен ты им помочь.
1987

ПАНИХИДА

Мертвые сраму не имут...

Песни из грома и стали.
Вихри гражданской войны.
Мертвые воины встали
С той и с другой стороны.

В диких подвальных расстрелах,
В расправах, в крови и во зле,
Сколько их — красных и белых —
Пало на нашей земле?!

Шли они с яростной верой
В смертные эти бои,
Полной платившие мерой
За идеалы свои.

Пулей пробитое знамя.
Кровь на понюх. За гроши.
Мечется яркое пламя
Незащищенной души.

Что вы! Опомнитесь, братья!
Вам ли, в походном строю,
Злобно тащить на распятие
Землю родную свою.

Сколько их — жизней прекрасных —
Стынет за смертной чертой.
Белых я вспомню. И красных.
В час панихиды святой.

Сергей ОСТРОВОЙ

Не очнется падшая душа...

ЛЮБЛЮ
ГРУЗИНСКОЕ
КИНО

Люблю грузинское кино.
Его лукавые извивы.
Его соцветья. И мотивы.
И все, что с ним сопряжено.
Люблю грузинское кино.

Люблю грузинское кино.
Его расклад. И genialность.
И где тут миф, а где реальность,
Не докопаться все равно.
Люблю грузинское кино.

Люблю грузинское кино.
Оно бездарностей карает.
Оно бурлит. Оно играет.
Как богоданное вино.
Люблю грузинское кино.

Люблю грузинское кино.
Его статистов. И артистов.
Чей темперамент так неистов,
Что все окрест потрясено.
Люблю грузинское кино.

Люблю грузинское кино.
За красоту. И за природность.
За ту душевную свободу,
Что только избранным дано.

...Люблю грузинское кино.

ПОХОРОНКА

Ночью в двери постучалось Лихо.
Громыхнула дальняя гроза.
Похоронка говорила тихо
И старалась не глядеть в глаза.

Второпях взялась за спинку стула.
Молча постояла у стола.
А потом поспешно и сутуло
От поникшей матери ушла...

ГРЕХ

Падали во прах монастыри.
Умирали старые монахи.
Всеблагое духа монахи.
Полубоги. И полуцари.

Полыхали в ризницах поленья.
Глохли тропы в брошенных скитах.
И взлетали жаркие моления,
Проступая кровью на крестах.

Зло стучалось в кованые ставни.
В Божий лик летели кирпичи.
И не стены рушились, не камни,
А душа, стенавшая в ночи.

И, бежав от праведного долга,
Почерневшей яростью дыша,
С той поры в России долго-долго
Не очнется падшая душа.

Но, пройдя грехи свои и страхи,
Ждет она восшествия зари...

Умирали старые монахи.
Рушились во прах монастыри.

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

лает невозможным или бессмысленным исполнение программы целиком или частями.

Едва ли разумно требовать появления таких «регламентов» для уже принятых программ: прежде всего потому, что их появление уже все равно ничего не изменит. Но на один вопрос все же ответ хотелось бы получить. И вопрос этот таков: **исходя из нынешней социальной и экономической ситуации в СССР — каковы шансы на успех каждой из имеющихся программ и на какой уровень продуктивности общественного производства страна могла бы рассчитывать при удаче?**

В мире существует немало стран, соответствующих представлениям о рыночной модели хозяйствования и тем не менее бедствующих. Следовательно, прогноз того, на каком месте очутимся мы и с чем на руках, может оказаться решающим при выборе той или иной модели реформ.

Еще в благополучном 1988 году валовой национальный продукт на душу населения в СССР составлял, по данным Организации экономического сотрудничества и развития, 5520 долларов. Нам тогда уже гораздо ближе были Испания, чей показатель равнялся 8659 долларам, Венесуэла (3323 доллара), Аргентина (2458), Бразилия (2151) и Турция (1158), чем Япония (23 тысячи долларов), США (19,5 тысячи) или Западная Германия (17,6 тысячи). Поскольку с тех пор наш ВВП упал примерно на десять процентов, а большинство названных стран свои показатели улучшили, ясно, что произошло смещение СССР в сторону не слишком высоко-развитых стран.

Эти рассуждения, однако, имеют смысл, если принять, что методология перехода к рыночной экономике, представленная в известных программах, сама по себе верна, то есть что курс на построение рыночного хозяйства посредством серии модификаций законодательства, института собственности, государственных органов, кредитно-финансовой системы и прочего — курс этот приведет к цели.

Но как раз в этом полной уверенности нет.

Набор трансформационных мер, с помощью которых предполагается переделывать планово-командную экономику в рыночную, неплохо известен и повторяется из программы в программу. Это — оздоровление денежного обращения, демонаполизация, приватизация, либерализация цен. И с точки зрения макроэкономической теории эти предложения не вызывают возражений.

Дело за малым: выяснить, в какой степени окружающая жизнь соответствует теоретической схеме.

Перечисленные шаги не изобретены специально для СССР. Они входят в типовой набор рекомендаций, раздаваемых довольно широко такими авторитетными организациями, как Мировой банк (МБ) и Международный валютный фонд (МВФ), по многим адресам.

Восточноевропейским странам от Польши до Румынии.

Развивающимся странам Африки, особенно тем, что именовались недавно «страны социалистической ориентации».

Латиноамериканским странам, никогда ничего общего с социализмом не имевшим.

Эти рекомендации даются вследствие сходства экономических проблем: нехватки капиталов для инвестиций, слабости инфраструктуры, засилья непродуктивного государственного сектора, общей разбалансировки хозяйственных связей в результате неумеренного государственного вмешательства, инфляции и так далее. И внешнее сходство действительно налицо.

Весь вопрос, однако, в том, означает ли это и сходство причин, порождающих эти явления?

Экономические структуры значительной части стран складывались почти целиком стихийно на протяжении мно-

гих веков. В полной мере это относится и к бывшим колониям, хозяйство которых через потребности метрополии все равно оказывалось включенным в мировой экономический порядок. Вмешательство государства в экономическую жизнь никогда (кроме, пожалуй, военного времени) не выливалось в прямое директивное управление конкретными товаропроизводителями, в их производственную программу и ценообразование.

Даже в период эйфории национализации, охватившей мир в пятидесятых — шестидесятых годах, не подвергались сомнению два принципа, на которых зиждется капиталистическая экономика: частная собственность и право беспрепятственного входа на рынок новых экономических субъектов и беспрепятственного выхода с него (кроме, конечно, узкого перечня занятий, законодательно объявленных исключительной монополией государства).

В результате большая часть экономического пространства этих стран оказывалась заполненной независимыми и конкурирующими друг с другом производителями товаров и услуг, а их взаимоотношения регулировались через рынок капиталов, рынок рабочей силы и рынков товаров. В силу разных обстоятельств деятельность этих механизмов может быть искажена и угнетена, но искоренить их начисто после того, как они существуют достаточно долго, — задача невероятно сложная.

Именно этим объясняется относительная легкость, с которой **возвращаются** к рыночным принципам государства, в силу каких-то причин экспериментировавшие с прямым директивным правительственным влиянием на экономику. Естественно, чем менее продолжительным был срок эксперимента, тем возвращение протекает безболезненнее.

И в этом случае указанные рекомендации МБ, МВФ и других аналогичных организаций воспринимаются органично, ибо природа заложенных в них действий совпадает с природой реформируемой экономики. В этом смысле показателен пример восточноевропейских стран, к которому мы вернемся чуть позже.

Что же касается советской экономики, то с ней положение особое.

Экономический потенциал СССР создавался фактически на пустом месте: не в том смысле, что Российская империя была промышленно неразвита страной, а в том, что она оказалась развита **не так**, как требовалось ее новым правителям. Это, однако, полбеды: прецеденты истории известны. То, что сразу и очень далеко вывело Советский Союз из ряда других современных стран, была схема, по которой принялись действовать захватившие власть большевики.

А они незамедлительно начали осуществлять любимую идею Маркса — Энгельса — Ленина: строить гигантское, никем не виданное государство-фабрику, или, по определению Ленина, «единый государственный синдикат».

Это должна была быть стопроцентно плановая экономика, в которой нет места независимым товаропроизводителям и стихии рынка со всякими беспрепятственными входами-выходами. Рынок не уничтожался: ему просто не позволяли возникнуть — в этом было удобство строительства с нуля. Социалистическая экономика должна была сооружаться как огромная машина, в которой все целесообразно, все подчиняется единому командо, нет ничего лишнего и никаких случайностей.

Экономика огромной страны действительно была выстроена в виде суперфабрики. Нелишне напомнить, на каких принципах базировалось это уникальное (без преувеличения) экономическое чудо.

Начнем с мельчайшей ячейки — предприятия. Оно жило в жестких границах фондов — план, заранее зная, сколько, какого и откуда получит сырья и комплектующих, сколько чего изгото-

КАК НАМ СТАТЬ

РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ СТРАНОЙ?

Сергей ПАНАСЕНКО

Необходимость построения в СССР экономики рыночного типа признана, кажется, огромным большинством отечественных и зарубежных специалистов.

Свою решимость идти к рынку подчеркивают все руководители страны и республик, лидеры ведущих политических партий и течений, всех парламентских фракций.

Нет ни одной серьезной программы реформ, разработанной в СССР или на Западе, принятой или отвергнутой, где бы движение к рынку не объявлялось задачей номер один, где оспаривалась бы важность переустройства советской экономики на рыночных принципах.

Правда, в трактовке сути и деталей рынка единства уже куда меньше. По-

чти одновременно увидевшие свет программы союзного и российского правительства содержат ряд взаимоисключающих тезисов, попытка точного исполнения которых будет означать новый раунд неразберихи и взаимных обвинений.

Тем не менее от программы к программе сохраняется одна общая черта: сосредоточение внимания на создании и отладке **внутреннего рынка** в СССР, на придании ему сходства с порядком, существующим в промышленных странах Запада. Речь везде идет о конструировании внутренних рыночных инфраструктур и механизмов на основе прецедента, «по образу и подобию».

За рубежом различные проекты и программы часто снабжаются особым приложением, называемым иногда «регламентом неудач». Это более или менее развернутый перечень временных, экономических, финансовых и иных условий, нарушение которых де-

вит и куда отправит, сколько заплатит рабочим — и все остальное. Благополучие руководителя предприятия зависело от выполнения трех вещей: плана, плана и плана. Ничто иное его не должно было интересовать.

Микроструктура предприятия соответствовала задаче. Отдел сбыта ничего не продавал, а лишь следил за своевременностью отгрузки продукции. Отдел снабжения не искал поставщиков по выгоднее, а занимался выбиванием добавочных фондов или «отовариванием» имеющихся. ОТК наблюдал не за качеством продукции, а за соответствием ее ГОСТам. И так далее.

Картина повторялась на более высоком уровне. В государстве-фабрике отрасли — это гигантские цеха по выпуску назначенной продукции. Цех самолетов. Цех кораблей. Обувной цех. Строительный. Транспортный. Заготовительный... Конечно, и здесь ни о какой экономической свободе не было и разговора. Отрасли (наркоматы, впоследствии министерства) распределяли выданный им план по подчиненным предприятиям, следили за исполнением, координировали усилия смежников, разбирали конфликты. Царило же над всем этим «заводоуправление»: ЦК, Совнарком (Совмин), ВСНХ и иные партийно-хозяйственные органы.

В такой экономике рудники, заводы, электростанции (ГОЭЛРО!) и даже целые города возникали не под влиянием рыночных конъюнктурных импульсов, а по решению «заводоуправления». Причем уже при возникновении было определено, изделя какой номенклатуры и в каких количествах будут здесь выпускаться. И каждая пуговица, отштампованная на одном конце страны, имела предназначенную ей петлю на рубашке, пошитой на другом конце.

Как следствие, советская экономика стала экономикой монополюстов. Почти все здесь выпускается либо на единственном предприятии, либо группой глубоко картелизированных предприятий одного министерства (а сейчас одного «концерна»). И поскольку экономика СССР умышленно строилась таким образом — хотя, по правде говоря, этот умысел не был злым, — в ней не было и не могло быть встроенных механизмов парирования негативных последствий этого явления.

Совершенно очевидно, что никакая фабрика вообще, а такая в особенности не может существовать без централизованного управления. Командно-административная система, о которой в последнее время столько споров, также возникла не сама по себе, не как плод большой фантазии Ленина, Троцкого или Сталина, но родилась для нужд государства-фабрики СССР, точнее, для нужд «заводоуправления» и как его инструмент. И одна из самых грубых ошибок, какую можно допустить при изучении советской социалистической хозяйственной модели, — это отрывать командную систему управления от строения экономики Советского Союза.

Легко заметить, что сделанное описание подходит, без особых натяжек, к любой крупной западной корпорации. Государство-фабрику СССР в том виде, как оно сформировалось к концу 30-х годов, однако, отличали весьма существенные для всего дальнейшего понимания особенности.

Первой из них было то, что СССР создавался как единый экономический организм, но не для решения экономической задачи. Экономические функции были лишь механизмом обслуживания идеологических установок — и в этом заключается главное отличие ленинско-сталинского «государственно-го синдиката» от синдиката капиталистического, создаваемого исключительно для достижения определенной экономической (точнее, коммерческой) цели.

Второе отличие отчасти связано с первым. Капиталистическая корпорация, вообще любое капиталистическое предприятие, создается для существования во внешнем мире. Советская со-

циалистическая модель изначально строилась как автаркия. Она экономически и финансово замкнута на себе (рубль сознательно был сделан неконвертируемым), ее контакты с окружающим миром были сведены к минимуму и осуществлялись по преимуществу через идеологическую «бойницу».

И третье отличие. Западная корпорация, даже самая большая, имеет дело с единицами, десятками, в пределе — сотнями наименований промежуточной и конечной продукции. В Советском Союзе с самого начала, даже помня об аскетичности быта и однобокости экономического развития, счет велся на десятки тысяч. Это на порядок или на два порядка усложняло задачу управления потоками материальных ценностей.

До определенного срока советская экономика по важнейшим показателям не слишком отставала от западной, или, во всяком случае, это отставание не бросалось резко в глаза. К тому же примерно десять лет было поглощено войной (с учетом интенсивной подготовки к ней и последующего восстановления), когда даже в традиционно рыночных странах нормальное течение экономического развития было нарушено. Но наступил момент, когда разрыв между капитализмом и социализмом в части общей экономической эффективности хозяйственной модели стал резко возрастать. Разумеется, возник вопрос о причинах этого явления и способах борьбы с ним.

Началась полоса мелких реформ и экспериментов, целью которых было как-то подстегнуть экономику СССР, не затрагивая ее характера. Химизация, совнархозы, НОТ, АСУ — можно назвать довольно длинный список многочисленных попыток разными способами откорректировать явные слабости социалистической экономики в производстве и распределении товаров и услуг. Но успех, когда он был, носил временный характер и не менял ситуации в целом.

Тогда-то и оформилось в советской политэкономии течение, связывавшее все беды с отсутствием в стране нормальной рыночной экономики западного образца.

Лишь через двадцать лет опальная рыночная ересь вырвалась на простор общественно-политической мысли и взяла ошеломляющий реванш. За два-три года идея слома командно-административной системы овладела массами и вытеснила апологику плановой экономики туда, где прежде находилась сама: в кухни и курилки. Корень зла сторонники радикальных рыночных реформ видели в том, что командные методы управления, доставшиеся нам от прошлого, вступили в противоречие с уровнем развития экономики и даже стали препятствием на пути прогресса. В частности, отмечалась неспособность командно-административной системы обеспечить экономический рост на базе новейших научных достижений.

К тому же, по мнению экономистов рыночной школы, советская экономика уже внутренне готова к рынку, «беременная» им, и стоит только снять внешние путы, как произойдет чудо.

В описаниях развала и неразберихи, в которые постепенно погружается экономика СССР, мы уже давно недостатка не испытываем. И развал действительно налицо.

Однако гадкая ли командно-административная система в первую очередь повинна в наших зловониях?

Командная, административная, авторитарная — называйте как хотите — система управления социалистической экономикой государства-фабрики СССР не была ей, этой экономике, навязана, не упала с неба и не прокрадась к нам из-за границы. Управление промышленным предприятием еще и сегодня, после всяких находок и выдумок из области менеджмента, администрирования и социальной психологии, в значительной степени сохраняет признаки командования и авторитарности.

В тридцатые годы оно тем более другим быть не могло. И советская командно-административная система экономического управления возникла одновременно с советской экономикой, вместе с этой экономикой и как неотъемлемая часть этой экономики.

Поскольку в ту пору и на протяжении длительного времени ни у кого не возникало подозрений в несоответствии способов управления объектами управления (или наоборот), надо предположить, что несоответствие это образовалось сравнительно недавно. Но не претерпевавшая существенных изменений командно-административная система управления (а именно на ее консерватизм указывают сторонники прыжка к рынку) может перестать соответствовать управляемой корпорации при единственном условии: что кардинально, принципиально изменилась корпорация, что ее архитектура и связи между элементами стали совершенно иными. То есть что «беременность рынком» — реальный факт, и в недрах прежнего государства-фабрики вывели и готовы к самостоятельному и независимому существованию новые экономические единицы.

Однако с этим я согласиться не могу. Что коренным образом изменилось в приведенном выше довольно беглом описании характерных черт государственной синдикативной экономики? Может, наши предприятия уже больше не звенья в жесткой и не ими составленной производственно-технологической цепи? Или полная приватизация уже проведена и предприятия уже не принадлежат государству и совершенно свободны в выборе производственной программы, в поиске поставщиков и потребителей?

Конечно, нет. Ни о каком «беспрепятственном входе на рынок и уходе с него» нет и помина, а в структуре производимой продукции если и есть изменения, то в худшую сторону (чему тут удивляться, если в каждом договоре об аренде или о создании кооператива в числе первых пунктов стоит сохранение в полном объеме планового задания предприятия). Расширение прав предприятий в части оплаты труда и распоряжения сверхплановой продукцией носит, как правило, декларативный характер, но даже при выполнении не меняет сути взаимоотношений предприятия и государства, предприятия и других предприятий.

Не претерпела никаких изменений и монополизированная структура экономики. Рынок — это конкуренция, но никто не сможет указать область, в которой налицо хотя бы реальные предпосылки конкуренции.

Состояние, в котором находится торговля, иначе как бедственным назвать нельзя. Оптовая почти свернута, процветает бартер. Но падает и розничный товароборот. Самым наглядным проявлением нерыночности имеющихся экономических структур можно считать тот факт, что повышение в несколько раз розничных цен не вызвало ответной реакции в виде скачка предложения и производства.

Кооперация, на которую возлагалось столько надежд, также не может претендовать на то, чтобы считаться серьезной рыночной силой. Во-первых, она малочисленна (всего четыре процента рабочей силы) и технически маломощна (средняя фондовооруженность в производственных кооперативах обычно в несколько раз ниже, чем на госпредприятиях того же профиля), во-вторых, научилась отлично ладить с государством-фабрикой. Две трети кооперативов ныне работают при госпредприятиях, причем половина сосредоточена в оборонном комплексе. Из рук государства они получают до 80 процентов доходов. Развращенные таким сотрудничеством, в холодном воздухе рынка они не просуществуют и недели.

Ни один из ныне действующих в СССР экономических субъектов не создавался для рынка и ни один не прошел через реформы, делавшие

его пригодным к существованию в рыночной экономике. Именно потому все разговоры о какой-то **внутренней готовности** советской экономики к прыжку в рынок — самообман. Конечно, можно разработать программу быстрой внутренней трансформации экономики такого сорта, как советская, в рыночную. Но тогда надо ясно видеть и честно сказать, что на долгое время главным инструментом подобных реформ станет динамит, поскольку негибкий характер имеющихся экономических связей не допускает их плавного изменения.

В сущности, речь должна вестись о том, что данная экономика пойдет почти целиком на слом, а на ее месте с нуля будет строиться нормальная рыночная. И остается только найти того, кто согласится кормить нас все это время.

Маловероятно, однако, что таковой отыщется. Значит, имеет смысл оглядеться в поисках альтернативного варианта проведения реформ. И, к счастью, он имеется. Правда, чтобы воспользоваться им, потребуются отказываться от некоторых уже усвоенных постулатов, и прежде всего от того, что источник нынешних экономических проблем страны лежит в противоречии между устаревшей командно-административной системой управления экономикой и самой экономикой, дозревшей до рынка.

Безусловно, система управления экономикой страны нуждается в совершенствовании. Но говорить о ее ломке сейчас — наивно и опасно.

Я утверждаю, что жесточайший **экономический кризис в СССР есть не что иное, как внутренний кризис все того же государства-фабрики**, весьма типичный кризис, в котором в разное время оказывались различные западные промышленные гиганты, в упоении от собственного могущества и силы преступившие особый порог экономической безопасности и утратившие в результате необходимый для нормально существования динамизм.

Характерными приметами этого кризиса, через который, повторяю, проходили многие известнейшие корпорации (сейчас, например, с подобными трудностями столкнулся голландский «Филипс»), являются следующие:

- существенное падение прибыльности или даже прямая убыточность деятельности корпорации на протяжении относительно долгого срока;
- рост накладных, непроизводительных расходов выше разумного уровня;
- падение производственной и технологической дисциплины;
- резкое замедление роста или даже падение производительности труда;
- потеря управления региональными филиалами и дочерними предприятиями, затрудненность координирования их усилий;
- существенное падение сбыта, связанное прежде всего с падением конкурентоспособности продукции, и так далее.

Легко заметить, что каждому из этих пунктов есть почти буквальный аналог в печальном перечне наших нынешних экономических несчастий. Безусловно, СССР — не «Филипс», здесь совершенно иные масштабы и запас прочности иной, что и обусловило затяжной характер кризиса (десять лет подряд убыточной работы уничтожили бы любую западную фирму, нас же только сильно пошатнули). Тем не менее поразительное сходство процессов очевидно.

Два слова о восточноевропейских странах. Само собой разумеется, что характер их проблем колеблется между тем, что я только что сформулировал для СССР, и «чистыми» моделями западных экономических экспертов, о которых речь шла раньше. При этом чем экономическая модель данной восточноевропейской страны ближе к советской, тем полнее соответствие с выставленным мною диагнозом, и наоборот.

Надо иметь в виду, что для этих стран важным подспорьем будет наличие в живых достаточного количества людей, для которых капитализм был привычной повседневностью. К нашему глубочайшему несчастью, нам и в этом придется начинать от печки.

Итак, корпорация СССР в тяжелом кризисе. Однако шанс на спасение есть. И связан он с тем, что на Западе накоплен немалый опыт по санации раздувшихся, обрюзгших и забюрократизировавшихся (а бюрократическая вакханалия — еще одна типичная примета такого кризиса) монстров-корпораций. Существует множество фирм, в том числе весьма авторитетных, из представителей которых следовало бы собрать «команду», включив в нее, разумеется, и советских специалистов, и затем поручить ей, а не уважаемым университетским профессорам-макроекономистам разработать стратегию и тактику выхода СССР из тяжелейшего положения.

Предугадывать план, который могла бы разработать такая группа, — занятие бессмысленное. Однако общее направление логики предсказать несложно.

Разумеется, отдаленной конечной целью всего процесса реформ должно быть возникновение в СССР обычной рыночной экономики, причем по возможности европейского уровня. Произойти это может только в процессе последовательного дробления и разукрупнения нынешней корпорации СССР. Предварительно сама эта корпорация должна заработать эффективно и безубыточно. Вопрос в том, как этого добиться.

Совершенно очевидно, что начать надо с ликвидации трех отличий государства-фабрики СССР от обычной западной корпорации. Что касается идеологической детерминанты, то, похоже, процесс этот уже начался, хотя идет он медленнее и тяжелее, чем хотелось бы. Привычка оценивать экономические решения с идеологической прокоммунистической позиции вьелась в плоть и кровь советских граждан. Не в последнюю очередь по этой причине многие ведут такую ожесточенную борьбу против легализации частной собственности на средства производства, в том числе на землю, попутно парадоксальным образом признавая большую экономическую эффективность частно-предпринимательской модели хозяйствования. Все же, надо полагать, экономические реалии и просвещение сделают свое дело и экономические решения перестанут согласовываться в кабинетах идеологов.

Разумеется, надо решительно кончать с культивированной замкнутостью экономики СССР, с «опорой на собственные силы». Прорыв на внешний рынок важен для нас по многим соображениям, поэтому о нем здесь следует поговорить подробнее.

Во-первых, мировой рынок — реально существующий механизм, законы которого известны и тысячекратно описаны, их не требуется изобретать и сочинять. Приспособление к ним будет лучшей школой для создания рыночных механизмов внутри страны, причем проникать в страну эти правила и механизмы будут автоматически и ровно в той степени, в которой экономика уже готова будет их принять.

Во-вторых, мировой рынок — это единственный способ сделать советскую экономику прибыльной. Мировой опыт не знает исключений: быстрого экономического роста и наполнения внутреннего рынка добивались только те страны, которые концентрировали усилия на прорыве на рынок внешний. Только там можно заработать капиталы, необходимые для модернизации советской экономики.

Факт корпоративного строения советской экономики дает нам при этом колоссальные преимущества, ибо позволяет концентрировать огромные промышленные и человеческие ресурсы на избранных «прорывных» участках. Обычно при этом задают вопрос: но ведь управление экономикой почти уте-

ряно, правительство никто не слушает — о какой концентрации усилий можно говорить? Конечно, речь идет не о принуждении. Но дело в том, что только правительство, только государство в состоянии предложить отдельным товаропроизводителям — а тем более таким «неполноценным», как наши, — эффективную помощь для прорыва на внешний рынок. Только оно в состоянии обеспечить их экспортными кредитами и гарантиями, технологической и дипломатической (а иногда, о чем надо помнить, и военной) поддержкой. У него в руках налоговая политика, таможенные пошлины и тарифы.

Если весь этот арсенал будет использован умело и с умом, никого не потребует принуждать: строптивые директора, у которых впереди замаячат доллары, станут послушнее ягнят. Программа государственной поддержки экспорта должна, следовательно, быть центральным разделом **любой** программы оздоровления советской экономики. В связи с этим достойно удивления, что в российской и союзной программах реформ внешнеэкономическая деятельность мелькает где-то на периферии, да и то с упором на западные инвестиции в СССР.

Тесно связана с этим и необходимость избавиться от излишней многопрофильности производства в советской корпорации. Во-первых, ряд товаров, как уже предлагали многие экономисты, выгоднее покупать за границей, продавая для этого то сырье, которое сейчас безобразно переводится при их изготовлении. Во-вторых, номенклатура товаров корпорации СССР должна быть решительно сжата за счет массивной приватизации, проводимой не с целью изъять «горячие деньги» или выявить мафиози (это рецидив все того же идеологического перекося в экономике), а для того, чтобы освободить руки и голову «заводуправления» от беспокойств по поводу тысяч мелких вопросов.

Таким образом, приватизация становится по важности разделом номер два в общей программе оздоровления экономики.

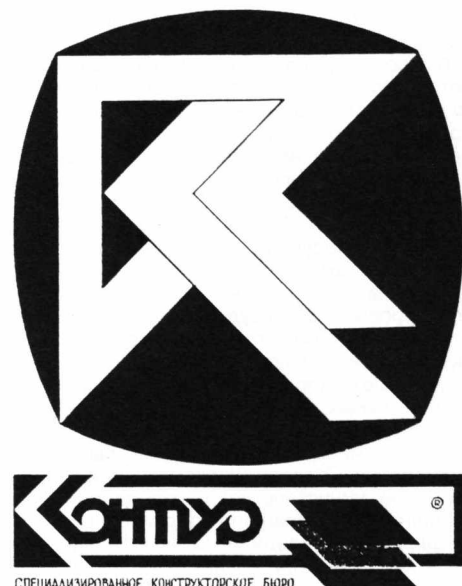
По мере того как отдельные отрасли или предприятия в борьбе на внешнем рынке и лишь отчасти на внутреннем будут реально превращаться в жизнеспособные экономические единицы, они должны отпускаться «на волю», и механизмы этого процесса (его условно, для избежания путаницы, можно назвать денационализацией) на Западе также отработаны и проверены.

Необходимо также учитывать, что советским людям, выросшим и воспитанным — нравится нам это или нет — в условиях, весьма далеких от рыночных, такой «алгоритм» вхождения в рынок психологически будет, видимо, принять проще, чем перепрыгивание пропасти хоть в один, хоть в несколько прыжков.

И последнее. Я понимаю, что описанный подход потребует иначе взглянуть на многие вещи, ставшие уже как бы привычными за последние несколько лет. Всего один пример: монополизм. Он объявляется сейчас чуть ли не злом номер один для советской экономики. В общем-то, конечно, никакой радости он нашему потребителю не доставил. Но в экономике нельзя оперировать категориями кровной мести. Наши монополии, по мировым меркам, — жалкие пригостишки, и на внешнем рынке их ждет незавидная судьба аутсайдеров, а то и банкротов.

С точки зрения внутреннего рынка их надо раздробить, и поскорее, — что, собственно, и предусматривается нашими «рыночными» программами. Но для обеспечения того экспортного прорыва, о котором я говорил, их надо не разбивать, а, напротив, усиливать и поддерживать. Конечно, подходить при этом надо с умом, исходя из единственного критерия: потенциального закрепления на внешних рынках. Какой из этих двух вариантов выгоднее — предоставляю судить читателю.

ПЕРЕВЕДЕМ ВАШЕ ПРОИЗВОДСТВО НА КНОПЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ КОНСТРУКТОРСКОЕ БЮРО

Из пятисот предприятий, которые пользуются сегодня программами СКБ «Контур», четырнадцать нашли эти системы управления производством и бухгалтерией столь удачными, что приобрели у «Контура» право на торговлю этими программными продуктами.

На сегодня в активе СКБ «Контур» — система оперативного управления производством СОУП с очень высоким быстродействием. Она берет на себя все оперативное планирование и регулирование производства, учет ресурсов и затрат, выдает мгновенно любые

справки и вообще чрезвычайно облегчает работу руководителя.

Обладая, как правило, большим быстродействием, гибкостью и технологичностью, программные продукты «Контура» значительно дешевле прочих своих отечественных аналогов. Эти программы давно уже пересекли границы Среднего Урала и без шумных рекламных кампаний завоевывают страну. Продукция говорит сама за себя, годами надежно работая на предприятиях самого различного профиля.

Сделано это по адресу:
620144, Свердловск, ул. 8 Марта, 24,
или (для почтовых отправок)
620077, Свердловск, а/я 118,
СКБ «Контур».

Вы всегда можете позвонить по телефону:
(343-2) 57-88-20. Только не забудьте,
что в Свердловске начинают работать
на два часа раньше,
чем в Москве.

Наверное, поэтому им удастся сделать так много.

На международной выставке «Форум ПК»,
которая с 9 по 14 июля
пройдет в 4-м павильоне ВДНХ,
будет и СКБ «Контур» со своими новыми разработками.

ЭСКАРТ

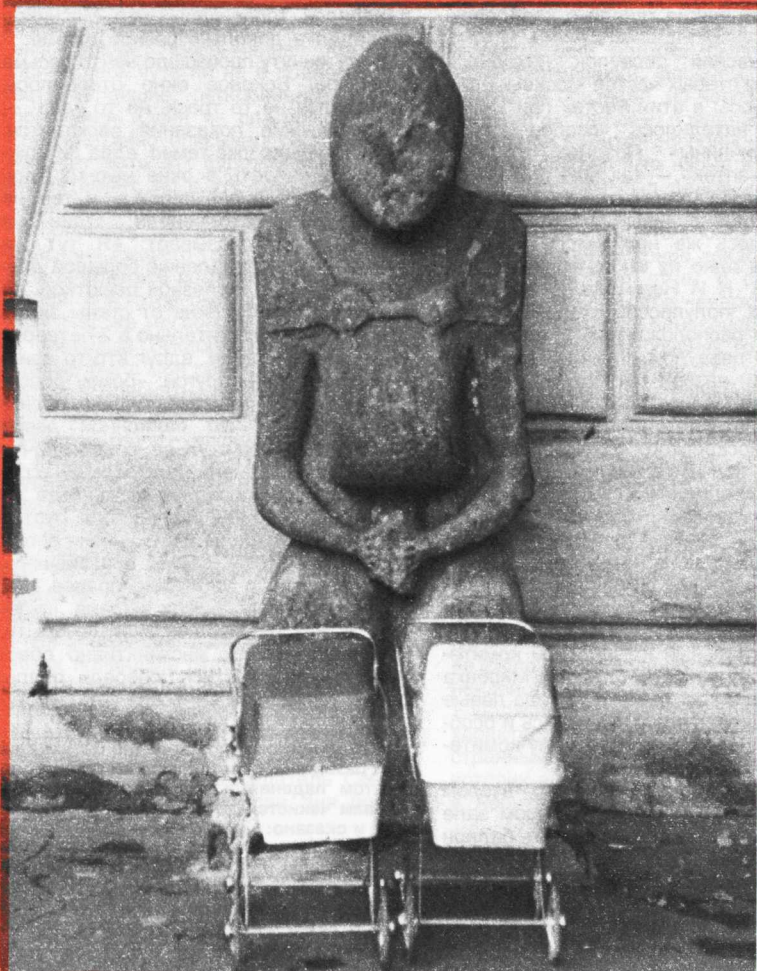

Земля
у нас
одна

ФОТОКОНКУРС

ЛЕТО. ОКАМЕНЕНИЕ.

Фото А. КРЕЙМЕРА (Москва) и В. ФИЛИМОНОВА (Владимир).

В литературном приложении к журналу «Огонек» выходит шеститомное собрание сочинений Марка Александровича Алданова, крупного писателя русской эмиграции. В нем представлена главным образом историческая проза. А между тем Алданов был не только талантливый романист — почти все его произведения сопровождалось «шлейфом» очерков. В них рассказывалось о заговорах, покушениях, об экстравагантных людях, каждый из которых мог бы стать героем книги.

Очерк «Взрыв в Леонтьевском переулке» знакомит с Алдановым — мастером политической публицистики. Не менее важно и другое. В последнее время появилось немало публикаций, закрывших многие «белые пятна» на фальсифицированной карте истории Октябрьской революции и гражданской войны. Однако тема, которой посвящен предлагаемый очерк, — исключение. О взрыве 25 сентября 1919 г. в Москве в его организации обвиняли сначала монархистов, потом — анархистов) известно до сих пор немного. А ведь значение этого эпизода трудно переоценить. Взрыв в Леонтьевском послужил сигналом для начала нового витка красного террора.

Изучив во многом тенденциозные статьи о взрыве, помещенные в советской печати, сравнивая их, отмечая их противоречия и неполноту, Алданов восстанавливает подлинную картину событий.

В конце 20-х — первой половине 30-х годов писатель работал над трилогией «Ключ» — «Бегство» — «Пещера», посвященной судьбам интеллигенции в русской революции. Эту его трилогию часто сравнивают с «Хождением по мукам» А. Н. Толстого.

Второй том «Пещеры» вышел в свет в 1936 году. В том же году в феврале — марте в парижской газете «Последние новости» был напечатан очерк «Взрыв в Леонтьевском переулке». Время действия одно и то же, но события, описанные в очерке, не вошли в роман, и это очень характерно для Алданова: его очерки —

дополнительный материал для читателя, желающего узнать больше. К трилогии примыкают очерки об убийстве Мирбаха, об убийстве Урицкого, очерки-портреты Черчилля, Клемансо, Сталина, Луначарского. Каждый из них — образец чеканной работы.

Писатель знал тайны лапидарной афористической характеристики, умел найти «сладкие», то есть врезающиеся в память, цитаты.

Один из мемуаристов так суммировал его взгляды на историю: «Будут всегда бороться, будут борцы и страдания, а в итоге все останется по-старому, как уже было тысячи лет тому назад, только вместо лошадей будут ракетные самолеты и вместо стрел — атомные бомбы».

Предисловие и публикация А. ЧЕРНЫШЕВА

ВЗРЫВ В ЛЕОНТЬЕВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

Марк АЛДАНОВ

25 сентября 1919 г. в Москве, в Леонтьевском переулке, в доме Московского комитета РКП, состоялось многочисленное большевистское совещание. В повестке значились два вопроса. Национальный Центр и партийные школы. Второй из них был вполне нормальный. Известно, что большевики придают очень большое значение партийным школам. Какими людьми окажутся впоследствии воспитанники их школ — это, как говорится, «покажет будущее». Но едва ли подлежит сомнению, что за 18 лет владычества большевиков школы оказали им немалую услугу. Как бы то ни было, в заседании 25 сентября участвовали виднейшие партийные деятели. Их даже было что-то уж слишком много для вопроса о школах. Добавлю, что в этот день в московских газетах появилось сообщение, поименно приглашавшее виднейших большевиков прибыть на заседание: «явка обязательна». Ленин поименован не был, но в Леонтьевском переулке ждали и его, — что-то помешало ему приехать. Был на заседании и контроль явившихся. Как рассказывает один из участников, «пришла товарищ женщина и стала переписывать товарищей на память...».

Я склонен думать, что главное было не во втором, а в первом вопросе, — к сожалению, довольно таинственном. В августе 1919 года Ч. К. раскрыла «заговор Национального Центра». По ее сведениям, в эту тайную организацию входил какой-то коммунист. По крайней мере так утверждали докладчики Бухарин, Преображенский и Покровский. Один из участников заседания, следователь М. Ч. К. Сазонов, сообщает, что после доклада Бухарина настроение было очень тяжелое. «Всех угнетала мысль, что в среде нас, коммунистов, есть предатели, участвовавшие в Национальном Центре... Во время доклада тов. Покровского и Преображенского атмосфера еще более накалилась, чувствовалось большое напряжение. Товарищи подозрительно оглядывали друг друга (мое личное мнение). У каждого вертелся вопрос: кто-то из нас «Иуда»?

О существовании «Иуды» в Национальном Центре мне ничего не известно. По-видимому, ни к каким выводам не пришло и собрание, — да о подобных выводах и не говорят в присутствии 120—150 человек: кроме вождей, была на заседании и партийная демократия, обозначаемая в официальном документе как «представители районов, лекторы, агитаторы и пр.». Затем перешли к вопросу о школах, начали выступать разные «и пр.». Собравшиеся стали понемногу расходиться. Вожди (или, по крайней мере, часть их) остались на заседании. В зале было человек восемьдесят. Другие гуляли в коридорах.

Леонтьевский переулок находился в одной из старых частей Москвы. Если не ошибаюсь, в этих местах при Иване Грозном находилось «особое хозяйство опричнины». Позднее это был квартал «аптек», — так еще при Петре забавно назывались питейные дома, потом переименованные в «фартыны». Где-то здесь же находилось в конце XVIII века одно из многочисленных учреждений Н. И. Новикова, — полукommerческих, полупросветительных и мажорских; расположенный поблизости Газетный переулок (прежде Вражский Успенский) назван так потому, что тут впервые, по инициативе Новикова, стали продаваться газеты.

Дом Московского большевистского комитета (№ 18 по Леонтьевскому переулку) принадлежал до революции графине Уваровой. Это был большой прекрасный барский особняк с садом, выходивший также на Большой Чернышевский переулок. В начале советской революции особняк был отдан партии левых с.-ро.в, которая в нем разместила свой центральный и городской комитет. После убийства графа Мирбаха и июльского восстания 1918 года левые с.-ры лишились всего, лишились и особняка, отошедшего к городскому комитету большевиков.

Заседание происходило во втором этаже дома в довольно большом зале с балконом. По-видимому, этот балкон тянулся вдоль всего зала или значительной его части. Он выходил в сад, идущий к Большому Чернышевскому переулку. У стены зала стоял рояль. Был, вероятно, стол для президиума. Другие

участники заседания разместились, естественно, по чинам, — в этом отношении большевики не нарушают общего закона всевозможных собраний. Обстоятельство это оказалось весьма важным: без него, по всей вероятности, погибла бы вся так называемая верхушка большевистской партии.

Шел девятый час вечера; заседание началось в шесть. Говорил кто-то из «и пр.». Слушали его плохо. «В зале стоял гул, как в пчельнике», — показывает Н. Сазонов. Один из прилежных участников заседания попросил даже председателя Мясникова «привести в порядок товарищей», что Мясников и сделал в довольно резкой форме.

В эту минуту произошло нечто весьма страшное. Боковое окно отворилось, и раздался не то треск, не то удар¹, — свидетельские показания расходятся. За окном было уже темно, едва ли можно было увидеть в окне чью-то руку, удар был не очень силен, — и тем не менее все остолбенело. Один из очевидцев рассказывает: «Я тут же взглянул по направлению большой двери, она была с железной решеткой, но рядом во втором окне от стены зияло отверстие приблизительно в 2 четверти (?); зал весь замер, вдруг кто-то крикнул: «бомба!», — другой: «бомбу бросили!...» И сразу мертвая тишина сменилась криками. До балконной двери было пять рядов стульев, сидели почти все женщины, очень мало мужчин, сразу товарищи бросились со стульев на пол, около бомбы получилось пустое место... Я смотрю налево, у меня перед глазами у рояля стоит, притаившись, тов. Кропоткин и немножко правее тов. Сафонов. Вдруг бомба издала шипение. Я, как фронтовик, зная по опыту, что надо делать, инстинктивно обернулся, куда спастись: спереди рояль, сзади гряда человеческих тел и сту-

¹ По-видимому, при падении снаряда на пол разбилось оконное стекло. Между моментом падения и взрывом прошло, по словам чекистского отчета, около 45 сек. (так и сказано: «около 45 секунд»). Как ни трудно измерить в подобных случаях время, на хронометр никто не смотрел, — расхождение в этом вопросе свидетельских показаний удивительно: Мясников говорит о «4—5 минутах»! (Здесь и ниже — примеч. автора.)

льев, я сообразил: моментально согнулся и юркнул под рояль, но, дурак, не лег к стене или к двери лицом, а лег лицом в зал, и меня это погубило. Шипение продолжалось еще секунды три, и раздался адский взрыв. Я почувствовал, что оглох. Дышит трудно. Чувствую мертвую тишину, открыл глаза — мрак. Вдруг слышу справа ужасный стон: «Помогите!..» Слева: «Воздуху!..» Я оцепал руками пространство: рояль стоит на двух передних ножках...»

Это был один из самых кровопролитных террористических актов истории. Убито было двенадцать человек, ранено пятьдесят пять. Так как снаряд упал у предпоследнего ряда, то ни один из сановников не погиб, если не считать сановником убитого напав на секретаря московского комитета Загорского. Но среди раненых были Мясников, Бухарин, Стеклов, Сафаров, Ем. Ярославский. Пострадали почти все находившиеся в зале люди. Это немудрено: бомба, начиненная динамитом, весила более пуда. Дом графини Уваровой был разрушен взрывом. «От трехэтажного здания, — рассказывает Мясников, — в доброй своей половине почти ничего не осталось»².

Во многих отношениях замечательно это кровавое дело. По способу подготовки и выполнения оно принадлежит к тому, что можно было бы назвать кустарным террором. Судьбы террора таинственны. Я думаю, специалисты полицейского дела должны с некоторым недоумением читать в курсах римской истории главы, посвященные убийству Юлия Цезаря. Грозные записки, подбрасывавшиеся к подножию разных статуй, зловещие видения Кальпурнии, слухи о мартовских идах — все это как будто свидетельствует и о кустарном характере заговора, и о кустарной организации римской полиции. Но тут все можно сваливать на фатализм диктатора, — Цезарь говорил ведь: «лучше умереть один раз, чем дрожать всю жизнь». Большевики тоже отнюдь не разделяли этого мнения, а Ч. К. в сентябре 1919 года была уже далеко не столь беспомощной, как в первые месяцы своего существования. Тем не менее, дело в Леонтьевском переулке удалось.

На место покушения явились пожарные, врачи; Чрезвычайная Комиссия принесла чуть ли не в полном составе. Уцелевшие, легкораненые давали показания. Один из спасшихся, Борисов, картинно описывал свои чувства: «Может быть, это будет беллетристика и сентимент, но в эту тяжелую и кошмарную минуту я вспомнил «Враги» М. Горького, там есть место, где ради спасения лучшего товарища и борца молодой товарищ согласился жертвовать собой, и я готов был пожертвовать собой. Как же могло случиться, — я жив, а товарища Бухарина я не вижу. Но какова была моя радость...» — едва ли нужно пояснять причину радости: Бухарин оказался жив. Однако не все участники совещания вспомнили в минуту взрыва о «Врагах» Максима Горького и не все тогда думали о том, как бы отдать жизнь за Бухарина. Н. Сазонов бесхитриво говорит: «У всех на лице читаешь животную радость: «Я не убит...». Здесь он явно забыл сделать свою оговорку: «Мое личное мнение...»

На следующий день в московских газетах появились статьи, в которых виновниками дела объявлялись «белогвардейцы» и «кадетские Иудушки»³. То же самое официально сообщили 26 сентября председатель Комитета обороны Каменев и председатель Совета Сопронов. Еще через два дня появи-

лась совершенно безумная статья⁴ о взрыве Бухарина; приведу из нее небольшой отрывок: «Читатели, вероятно, не забыли, что генерал Юденич является вождем «Лиги убийц», которая даже за границей действовала фомкой, ядом, кинжалом и мертвой петлей. У «Лиги убийц» были особые изысканные приемы удушения: зашить человека в холщовый мешок, предварительно задавив его и разрубив на куски, опустить этот мешок в воду...» Далее следовал дикий бред о кадетских агентах, о кадетской интеллигенции и о главных злодеях, бар. Штротберге, кн. Андроникове, кн. Оболенском и кн. Долгоруком. Смысл статьи был такой, что взрыв организовали кадеты и, в частности, кадетские князья, не забывающие о своих именинах «и даже ночных (мягких) рубашках». Эти «ночные (мягкие) рубашки» как будто не оставляют сомнений в том, что контузия, полученная при взрыве, отразилась на умственных способностях Бухарина.

29 сентября, в воскресенье, хоронили погибших при взрыве людей. Все было по ритуалу: колонный зал Дома Советов, могилы на Красной площади, венки, — приведу наудачу несколько надписей: «Да здравствует красный террор!», «Ваша мученическая смерть — призыв к расправе с контрреволюцией...» «Бурлацкая душа скорбит о вашей смерти — Бурлацкая среда убийцам не простит!...» Первую речь сказал Троцкий, давший полную волю своей бурлацкой душе. «Кто их убил, — сказал он, — это знают все. Имена белогвардейского центра у всех перед глазами; там князья, б. бароны, б. крупные сановники царизма, б. домовладельцы, кадеты, эксплуататоры разных рангов...».

Я не знаю, сколько лиц перечисленных Троцким категорий было расстреляно Чрезвычайной Комиссией после этой погромной литературы. Не знаю также, действительно ли ошибались авторы последней или сознательно призывали к истреблению заведомо неповинных людей. Однако ни «белогвардейцы», ни «кадетские Иудушки», ни князья, ни бароны, ни домовладельцы не имели к взрыву в Леонтьевском переулке никакого, ни малейшего, даже самого отдаленного отношения. Это впоследствии должны были признать сами большевики. Впрочем, они этого прямо не признали, но через шесть недель в «Правде» появилась статья, в которой комитет обороны не без смущения сообщал, что взрыв в Леонтьевском переулке был делом «анархо-деникинцев»⁵ (не берусь сказать, что, собственно, значило это слово). А еще немного позднее, в конце декабря, «Известия» поместили отчет о следствии⁶, где больше не было и «анархо-деникинцев», — произошло, наконец, сказать правду: взорвали особняк гр. Уваровой левые с.-ры и анархисты.

Состав группы заговорщиков, устроившей взрыв в Леонтьевском переулке, был странный, очень странный; я думаю, такого не было ни в каком другом террористическом акте истории. В деле участвовали люди идейные, сознательно шедшие на смерть, как левый с.-р Черепанов; участвовали в нем и темные, невежественные люди, и уголовные преступники, которых трудно назвать иначе, как бандитами. Ни общей цели, ни общей идеи у участников дела не было; их объединяла только общая ненависть.

Должен тут сделать оговорку личного характера. Я пишу об этой трагедии со странным и тяжелым чувством. Ни один историк еще не касался дела о взрыве в Леонтьевском переулке. Мне прихо-

дится работать исключительно над сырыми материалами, да и их очень немного: «Красная книга ВЧК», показания свидетелей, статьи большевистских газет. Я не знал ни одного из участвовавших в деле людей. В предшествовавших очерках моих по истории октябрьской революции я говорил о том, что видел своими глазами, или, по крайней мере, переживал на месте. Но в сентябре 1919 года я был уже в эмиграции. Возможны важные ошибки если не в фактах, то в догадках и оценках. Понять это мрачное дело очень нелегко. Для романиста оно было бы кладом, — какой роман мог бы написать о нем Достоевский!

II

ДАЧА В КРАСКОВЕ

В 25 верстах от Москвы, по Казанской железной дороге, находится поселок Красково. Я никогда о нем не слышал. Нет упоминания об этой железнодорожной станции в брокаузовском словаре. Предполагаю, что станция была как станция; жили здесь поколениями мирные люди, трудились, пили водочку, играли в стуколку и в винт, сходили в могилу. Вокруг поселка расположен густой сосновый лес. Вблизи леса стояла дача Горина, ничем не отличавшаяся от тысячи других дач тихой чеховской России.

В конце лета 1919 года дачу эту сняли у владельца две девушки, Мина и Таня. С ними там поселились или постоянно туда приходили еще несколько человек, с именами в большинстве странными и упрощенными: Васья Азов, Яшка Глагзон, Федька Николаев, Митька Кривой, Митька Хорьков, Шура Ратникова, Хиля Цинципер, Андрей Португалец, Петяка-просто, Фроська-просто, еще какой-то «Дядя Ваня», он же Иван Приходько, он же Леонид Хлебныйский, по профессии «помощник начальника штаба 46-й дивизии», — так, по крайней мере, он показывал на следствии. Официальных занятий большинство жильцов и гостей дачи не имело. Мина и Таня содержали кофейню в Москве, у памятника Гоголю; но это было не настоящее их ремесло; кофейня, видимо, была тоже конспиративная.

Судя по именам и кличкам этих людей, можно было бы сделать вывод, все они были жуликами или бандитами. Однако это неверно, или, во всяком случае, не вполне верно. Некоторые из жильцов дачи, несомненно, занимались, по выражению, принятому в XVII веке, «делами татебными, разбойными и убийственными». Но обыкновенными преступниками их считать нельзя. Уголовного кодекса они, конечно, не признавали, но имели свою мораль. Разбойничьи клички им, вероятно, нравились: в этом кругу, кроме своей морали, был и свой снобизм. Настроены эти люди были мрачно-иронически. Один из них впоследствии свои письменные показания чекистам начал словами: «Вы просите песен, их нет у меня...» В духе этого юмора надо, верно, понимать и клички вроде Митька Кривой или «Дядя Ваня». Красковцы считали себя анархистами. Князь П. А. Кропоткин, оказавшийся на старости лет хорошим, очень культурным кадетом, мог с разными чувствами смотреть на этих людей. С разными чувствами могли относиться к нему и они, — если слышали об его существовании.

Жильцы и гости дачи в Краскове совершали экспроприации в большевистских учреждениях, — некоторое продолжение лозунга «грабь награбленное». Но деньги у большинства к карманам не прилипали. Были, впрочем, тут самые разные люди. Один из них, располагая огромными средствами, откупал себе в тысяче рублей для покупки новых брюк: все должно идти на дело. Но другой, разыскивая при грабе-

же спрятанные деньги, пытал пленников огнем. Главное свое дело они делали без малейшего расчета на личную выгоду и из-за него рисковали головой; все они и погибли. Во всяком случае, это были страшные люди. Как появились они в мирной чеховской России? Что они делали до революции? Как образовалось это неправдоподобное сообщество? Как могла создаться эта жуткая дача?

В одной из комнат в жару лежал больной сыпным тифом человек (Сашка Барановский, — тот, что применял пытки). В другой — Васья Азов (и еще какой-то Захар, — если это не одно лицо) изготовлял динамитные бомбы. Вероятно, Васья Азов имел не очень глубокие познания в химии; но при помощи одной из его бомб был взорван особняк в Леонтьевском переулке. В третьей комнате помещалась типография. Здесь печатались газета «Анархия» и анархические прокламации против большевиков. Я читал кое-что из литературы, издававшейся в Краскове. Большевики отзываются о ней с презрением. «Вот как толкуют наши робята», — говорится в их официальном издании. «Наши робята» в действительности писали не хуже большинства советских публицистов. От мыслей же их, от исполненной страсти диалектики не отказались бы ни Бакунин, ни прежний Кропоткин. Поистине, странных людей рождала старая Россия, — но никак нельзя допустить, что писали это рядовые уголовные преступники из низов. И трудно, очень трудно понять, кто же все-таки были все эти Петьки, Федьки, Васьки и Яшки. Бланки, знавший толк в революционных делах, говорил, что в Париже всегда найдется пятьдесят тысяч человек, готовых пристать к любой, какой угодно революции. В России таких людей оказалось гораздо больше. Однако жильцы красковской дачи составляли среди них особую группу.

Вожди организации не жили на даче, они, по-видимому, только наезжали. Бывал в Краскове Петр Соболев — тот самый, который не решался тратить на свои личные нужды деньги, добытые им посредством экспроприаций. Я почти ничего не знаю об этом человеке и не берусь судить о нем. Могу лишь сказать, что он был фанатик, в настоящем смысле слова, фанатик, носившийся с замыслами грандиозными. Основная мечта его заключалась в том, чтобы взорвать Кремль. Он считал свою мечту осуществимой. У него было для ее осуществления приготовлено четыре пуда динамита; Соболев рассчитывал еще получить или изготовить в Краскове не то шестьдесят, не то сто двадцать пудов. Были у него какие-то связи в большевистском окружении. Наметил он и день: 25 октября 1919 года — вторую годовщину октябрьской революции. В этот день должны были взлететь на воздух все виднейшие большевики во главе с Лениным. По его расчетам (в химическом отношении весьма сомнительным), взлетел бы на воздух и весь Кремль. Это несколько Соболева не останавливало: он обсуждал и возможность взрыва Красной площади в день октябрьского парада, со стотысячной толпой на площади. Никаких личных целей у него быть не могло. Только ли ненависть им руководила? Или же надежда, ценой неслыханных жертв, покончить со злом в мире: «исправи землю русскую от татей»? Как бы то ни было, для достижения своей цели он объединился с головорезами самых разных видов. Именно он собрал всех этих Яшек и Федек, он руководил, он с ними грабил советские банки, он каким-то непонятным образом подчинил их всех своему влиянию. Самое удивительное, пожалуй, то, что никто из них его не предал в первые же дни. Один из второстепенных членов организации в своих покаянных показаниях говорит,

² На фотографиях дом двухэтажный. Фотографии, появившиеся после взрыва, очень жуткие.

³ Статьи Керженцева и Гойхбарга в «Известиях» 26 сентября 1919 г.

⁴ «Правда», 28 сентября 1919 г.

⁵ «Правда», 6 ноября 1919 г.

⁶ «Известия», 28 декабря 1919 г. и 1 января 1920 г.

что Соболев был «наивное дитя». «Я знаю, что представлял из себя Соболев, человек безумной храбрости, способный сам индивидуально перевернуть многое. Вся работа его была направлена на торжество революции. Бескорыстная натура».

Будучи вождем организации, Соболев принимал на себя и роль исполнителя в наиболее опасных делах. Он собственноручно бросил и тот страшный снаряд в окно особняка в Леонтьевском переулке. Тогда, 25 сентября, ему удалось спастись. Чекисты выследили его лишь позднее, незадолго до второй годовщины переворота, к которой он им готовил сюрприз — «взрыв октябрьских торжеств». Он оказал на улице отчаянное сопротивление, долго отстреливался из револьвера, бросил бомбу, — очевидно, всегда при себе носил бомбы, — и был убит. В одном из советских изданий помещена фотография мертвого тела Соболева. Лицо у него странное и необыкновенное.

Не знаю, бывал ли на даче в Краскове второй из трех организаторов взрыва в Леонтьевском переулке — человек тоже, во всяком случае, незаурядный. Это был Донат Андреевич Черепанов.

Читатель, быть может, помнит: я говорил о нем в очерке «Убийство графа Мирбаха». Черепанов, один из вождей партии левых с-ров, принимал близкое участие в подготовке этого убийства и в устройстве июльского восстания. После катастрофического провала дела, как всегда в таких случаях бывает, начались нелады в ушедшей в подполье партии. Образовались три крыла: назывались они, естественно, правым, левым и центральным, но эти названия не вполне соответствовали тому, что обычно связывают с политическими понятиями левизны и правизны. Черепанов, оказавшийся вождем левого крыла, стоял за упорную, беспощадную террористическую борьбу с большевиками.

Мне и о нем известно очень мало, хотя я опрашивал всех, кого мог и кто должен был его знать. Это был образованный человек: он окончил юридический факультет и был оставлен при университете по кафедре уголовного права (или уголовного процесса). Февральская революция застала его молодым и, по-видимому, очень его увлекла. Он в 1917 году все левел: из с-ров стал левым с-ром, потом, повторяю, главой левого крыла левых с-ров. Идеи у него были странные: он желал, чтобы Россией правили профессиональные союзы трудящихся, считал необходимой «революционную войну с Германией». «Лично я о захвате власти никогда не думал», — показывал Черепанов в Ч.К. в день своего ареста. Говорят эту фразу все, но он, думаю, говорил это искренно или почти искренно.

По-видимому, им, со времени провала восстания левых с-ров, руководила преимущественно жажда мщения большевикам. Никаких надежд на захват власти больше не было. К тому же он совершенно разочаровался в своих товарищах по партии — по крайней мере в руководителях его главного крыла. Отзывы его о Штейнберге, о другом левом с-ре, не так давно покончившем с собой, ужасны. Именно ему пришла мысль о взрыве в Леонтьевском переулке. Вероятно, в план Соболева, желавшего взорвать Кремль, он верил плохо; или, может быть, москвичу, человеку, который хотел стать профессором, было жаль — не большевиков, конечно, а архитектурных, исторических сокровищ Кремля. В устройстве взрыва он участвовал и непосредственно: ушел с места действия лишь за несколько минут до того, как Соболев бросил бомбу. «Подготовка этого взрыва, выработка плана и руководство до самого последнего момента было возложено на меня», — показывал он в Ч.К., — в самом же метании бомбы я, по постановлению

штаба, участия не принимал. Не будь этого постановления, я бы охотно принял на себя метание бомбы». Кое-что в этих словах, по-моему, неверно: едва ли существовал и самый «штаб». Но в том, что Черепанов взял бы на себя и метание бомбы, сомневаться не приходится: это был человек совершенно исключительной храбрости.

Его арестовали лишь через несколько месяцев после дела: 17 февраля 1920 года. По-видимому, радость Чрезвычайной Комиссии была необычайная: поймали очень опасного зверя. Для допроса Черепанова в тот же день, 17 февраля, собрались Держинский, Лацис, Ксенофонов, Романовский и другие виднейшие чекисты. До нас дошли его показания; привожу из них отрывки. — Подобных показаний не так много в истории русской революции. Черепанов выражал сожаление, что при взрыве в Леонтьевском переулке не погибли большевистские главари: ведь «на этом собрании предполагалось присутствие гражданина Ленина... Конечно, только нужно сожалеть о том, что жертвами взрыва были не более видные партийные работники, и никто из более крупных не пострадал... Об одном я сожалею: при аресте меня схватили сзади, и я не успел пристрелить ваших агентов...»

Лацис впоследствии уверял, что Черепанов был сослан в Сибирь и там умер от тифа. Я из весьма осведомленного источника слышал, что он был казнен. Утверждать тут, разумеется, ничего не могу. Но как могли в СССР не казнить человека, который был главным организатором взрыва в Леонтьевском переулке, да еще вдобавок давал показания в указанном выше роде?

Третий вождем организации, Казимир Ковалевич, был, пожалуй, самый таинственный из всех. Большевики приписывали ему очень важную роль. С этим согласуются и слова Черепанова: «Я совместно с Казимиром Ковалевичем организовал Всероссийский Штаб Революционных Партизан, который главной целью своей наметил ряд террористических актов...» Ковалевич был литератор или, во всяком случае, вел литературную группу заговорщиков. Едва ли кто у нас слышал о литераторе Ковалевиче, — была ли это его настоящая фамилия? Он погиб вместе с Соболевым. «Главные вдохновители и организаторы контрреволюционных разбирательств толка» — Казимир Ковалевич и Петр Соболев — погибли при аресте. Оба они отстреливались из револьверов и бросили по бомбе, — кратко говорит «Красная книга ВЧК». Большевики опубликовали в свое время и его фотографию; лицо у него чисто русское, — имя же как будто скорее польское.

На нем лежали денежные дела организации. Ее бюджет был темный. Боевая группа произвела экспроприации в двух отделениях Народного банка, на Б. Дмитровке и на Серпуховской площади; похищены были сотни тысяч рублей, но это, по тем временам, означало не очень большую сумму; Ковалевич платил рядовым членам организации по 15 тысяч в месяц жалованья. Вероятно, он получал деньги и из других источников. Как и некоторые другие члены организации, он часто отлучался из Москвы; ездил преимущественно на юг. По-видимому, через него поддерживалась связь организации с Нестором Махно.

III

НЕСТОР МАХНО

«Кто хоть раз видел батько Махно, тот запомнит его на всю жизнь», — говорит эмигрантский мемуарист, довольно близко его знавший... Небольшие темно-карие глаза, с необыкновенным

по упорству и остроте взглядом, не меняющие выражение ни при редкой улыбке, ни при отдаче самых жесточайших приказаний, — глаза, как бы все знающие и раз навсегда покончившие со всеми сомнениями, — вызывают безотчетное содрогание у каждого, кому приходилось с ним встречаться...

Я именно один раз видел Нестора Махно — и не вынес от его наружности впечатления на всю жизнь. Правда, было это совершенно не в той обстановке, в которой его наблюдал автор приведенных выше строк. Несколько лет тому назад мне показали Махно на кладбище, в Париже, где «жесточайших приказаний» он отдавать не мог. Он шел за гробом старого политического деятеля, который с ним поддерживал добрые личные отношения. Я минут десять шел в двух шагах от него, не сводя с него глаз: ведь об этом человеке сложились легенды. Ничего замечательного в его наружности не было. У него был вид очень слабого физически, больного, чахоточного человека, вдобавок живущего под вечной угрозой нападения. Здесь было бы уместно клише: «озирался, как зверь». На этих похоронах он и в самом деле не мог себя чувствовать в дружеской или хотя бы только привычной обстановке (его присутствие вызывало у многих крайнее негодование). Махно быстрым подозрительным взором оглядывал всякого, кто к нему подходил. Этим он напомнил мне одного знаменитого русского террориста, — тот и в Париже, давно порвавший с революцией, не любил ходить по тротуару; держался все мостовой, точно каждую минуту опасался, что на него из подворотни бросятся люди.

Со всем тем внимание окружающих, смешанное с другими чувствами любо-

пытство, которое он возбуждал, было, кажется, приятно Махно. Он не прочь был, по-видимому, и познакомиться. Глаза у него были злые; но выражения «все знающего», «раз навсегда покончившего со всеми сомнениями» и т. д. я в них не видел: самые слова эти тут совершенно не подходят. Нет, ничего демонического в наружности Махно не было: все это литература.

Литература давно его себе присвоила: описывали его и эмигрантские беллетристы, и советские, и иностранные. Для иностранных он был настоящим кладом. Батько⁷ Махно по стилю был в высшей степени Batelier de la Volga⁸, — лучше просто и желать нельзя. Ни один Стенька Разин в литературе неприемлем и невозможен без «стрелы», без «простора речной волны» и без персидской княжны. Персидской княжой при Махно оказалась роковая еврейка, — было бы крайне странно, если б роковой еврейкой не оказалось. Как сообщают мемуаристы, звали ее Соней и была она курсисткой и дочерью богача. Махно хотел было сжечь ее живьем («зажарить ее я хотел»), но, разумеется, тотчас влюбился в нее без памяти. Соню крестили, она стала называться Нина Георгиевна, батько на ней женился в Гуляй-Поле. — «на тачанках, покры-

⁷ «Батько» был его официальный титул. Он подписывал свои приказы: «Командующий революционной повстанческой армией Украины Батько Махно». И фамилия его, и титул, и название его столицы «Гуляй-Поле», — все, как нарочно, было в удалом, черноземно-шашлычном стиле. Для полноты художественного эффекта Махно должен был бы оказаться незаконным сыном царского любимца, князя Ладисласа Иримова.

⁸ Лодочник с Волги (франц.).

Фото из Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР.

тых дорогими коврами, по ковровой дорожке ехали в церковь Махно, его невеста и почетные гости...». П. Е. Щеголев, по старой привычке к исторической точности, нерешительно выражал сомнения относительно женитьбы этого странного героя эпоса. Можно было бы в самом деле написать целое исследование только на тему о том, как звали роковую подругу Махно. Сведения советских писателей не вполне согласуются со сведениями авторов эмигрантских. У г. Пильняка, например, подруга бабки именуется Марусей; у г. Яковлева она Федора. Анархист же Аршинов утверждает, что при Махно находилась лишь его законная жена Галина Андреевна Кузьменко.

Соня — Нина — Маруся — Федора тоже была без памяти влюблена в Махно. Но относительно ее роли при нем сведения несколько расходятся. Естественно было бы, по всем правилам словесности, предположить, что она была злым гением бабки. Однако эмигрантский мемуарист пишет: «1918 год принес бабку Махно не только кровавую славу, но и жгучую любовь странной девушки... У нее было прелестное, матово-розовое с правильными тонкими чертами лицо, ласковые темно-серые красивые глаза с длинными ресницами, стройная изящная фигура. Слабая улыбка освещала ее лицо и делала его детски-милым». Нет, она была не злым гением, а добрым ангелом Махно: «Соня быстро выпрыгнула вслед за ним и горячо, держа за руку Махно, стала просить пощадить плененных офицеров. — Прогнать... Отпустить их, и только, — бросил Махно конвоирам»...

Я потому останавливаюсь на вопросе, никакого значения не имеющем, что

он чрезвычайно характерен для биографии Махно. В сущности, мы почти ничего о нем вообще не знаем. По одним сведениям, он сын малоземельного крестьянина, по другим — сын мелкого торговца. Г. Герасименко утверждает, что Махно провел детство в мариупольской галантерейной лавке, где хозяин «обломал на его спине и голове совершенно без всякой пользы до сорока деревянных аршинов». Но, по сведениям г. Аршинова, Махно в детстве был пастухом. Принята версия говорить, что он по профессии школьный учитель. Однако в выпущенном Госиздатом труде о махновщине эта версия решительно отрицается: никогда учителем не был, а был маляром. Попал он на каторгу не то за убийство пристава Корачевского, не то за ограбление бердянского уездного казначейства и т. д.

Не знаю, правда ли, что в детстве он развлекался, подливая в чайник домашних касторовое масло; правда ли, что порол его чуть не каждый день; что на каторге его наказывали плетью. Мемуаристы сообщают, что отбывал он каторжные работы в Орловском центре, в Акатуе и в Горном Зерентуе. Люди старшего поколения помнят, что именно эти три места заключения пользовались при старом строе мрачной известностью. Поэтому несколько подозрительно, что Махно отбывал заключение как раз в этих местах, — последовательно во всех трех. Репутацию мученика ему создавали усердно — отчасти и с беллетристической целью. Роковая еврейка поклонялась ему за выпавшие на его долю страдания: «она его за муку полюбила», — традиция Дездемоны не умерла в беллетристике (классический русский перевод шекспировской фразы, впрочем, не верен).

Не подлежит сомнению, что и без художественного нагромождения ужасов молодость Махно была очень тяжелой. Вполне допускаю, что он мог из нее вынести лютую ненависть к «привилегированным слоям населения». Вероятно, и по природе он был человек злой и жестокий: Махно, несомненно, обладал умом, большой силой воли, даром влияния на людей. Совокупность этих свойств может создать Стеньку Разина. Потенциальных Разиных и Пугачевых везде в мире сколько угодно. Но в последние века история очень редко создавала обстановку, в которой такие люди имеют возможность показать себя по-настоящему. Революция создала эту обстановку для Нестора Махно.

«В смутное сие время по казачьим дворам шатались неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хозяину, то к другому... Он отличался дерзостью своих речей, поносил начальство и подговаривал казаков бежать в области турецкого султана... Сей бродяга был Емельян Пугачев, донской казак и раскольник...» (Пушкин). Не сомневаюсь, что Пушкин точно изобразил исторического Пугачева, разве только чуть преувеличив в иных местах «Капитанской дочке» благодушие самозванца. «Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъясняли ничего свирепого...» «Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостью, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная, чему... Тот же Пугачев, однако, сдирает с живых людей кожу».

Я знаю, поклонники Махно считают его человеком, оклеветанным большевиками и «белогвардейцами». Допускаю большую долю преувеличения в рассказах о нем врагов и на эти рассказы ссылаются не буду: вполне достаточно того, что рассказывают о нем его поклонники. Анархист-теоретик Волин, человек образованный и даровитый, в предисловии к труду анархиста Аршинова признает, что «махновщина, — как и всякое дело рук человеческих, — имела свои тени, свои ошибки, свои уклоны... Действительно. Для того, чтобы можно было лучше судить об этих «тенях» и «уклонах», приведу лишь несколько строк из воспоминаний Аршинова (ближайшего друга Махно): «В основу партизанских действий был положен принцип, по которому всякий помещик, преследовавший крестьян, всякий вартовой (милиционер), всякий офицер русской или немецкой службы, как злейшие враги крестьянства и его свободы, должны быть только (!) убиваемы. Кроме того, по принципу партизанства, предавался смерти каждый, причастный к угнетению бедного крестьянства и рабочих, к попранию их прав или к ограблению их труда и имущества... Быстрые, как вихрь, не знающие страха и жалости к врагам, налетали они (Махно и его партизаны) на помещичью усадьбу, вырубали всех бывших на учете врагов крестьянства и быстро исчезали. А на другой день Махно делал налет уже в расстоянии ста с лишним верст от этой усадьбы на какое-либо большое село, вырубал там всю варту, офицеров, помещиков и исчезал».

Это насколько не мешало Махно считать себя человеком идейным. В своих воспоминаниях (совершенно неинтересных) он неизменно себя называет учеником Кропоткина. По словам г. Аршинова, Кропоткин в июне 1919 года послал бабке привет: «Передайте от меня товарищу Махно, чтобы он берег себя, потому что таких людей, как он, в России немного». Этому, поистине, трудно поверить. Многие, — впрочем, далеко не все, — идейные анархисты считают Махно гениальным вождем, по-

литиком, полководцем. «Гению Махно было предъявлено величайшее испытание...» «В военном отношении он, несомненно, огромный талант...» Я слышал, что сам Махно чрезвычайно гордился именно своим военным гением. Черта, тоже замеченная Пушкиным: «Да! — сказал он (Пугачев) с веселым видом. — Я воюю хоть куда. Знают ли у вас в Оренбурге о сражении под Юзеевой? Сорок енаралов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?» — «Сам как ты думаешь, — сказал я ему, — управлялся ли бы ты с Фридрихом? — С Федором Федоровичем? А как же нет? С вашими енаралами ведь я же управляюсь; а они его бивали».

Вероятно, способности к военному делу у Махно и в самом деле были. Я слышал от военных, что передвигался он со своей «армией» на тачанках с быстротой совершенно изумительной. Человек он был храбрый, — об этом свидетельствуют и его многочисленные ранения. Учеником Кропоткина он называл себя по таким же приблизительным основаниям, по каким Пугачев себя называл великим государем Петром Федоровичем. Но это был настоящий атаман.

Махно довольно долго служил у большевиков. По-видимому, они ценили и его способности, и влияние, которыми он пользовался. В новейшей советской литературе мне попалось указание, что и сейчас в красной армии есть «ряд талантливых командиров, прошедших боевую школу в армии бабки» (имена, к сожалению, не названы). По характеру, по решительности, по своей полной готовности на все Махно был к большевикам очень близок. Но диаматом он не владел. «У Махно была недостаточная теоретическая подготовка, недостаточные исторические и политические знания», — говорит г. Аршинов (стр. 219), сам, по словам г. Волина, «слесарь по профессии, упорным личным трудом добившийся известного образования». Да и Махно в воспоминаниях (стр. 3) замечает: «Одно меня угнетало: это отсутствие у меня надлежащего образования и конкретно-положительной подготовки в области социально-политических проблем анархизма». Отсутствие «конкретно-положительной подготовки», конечно, не мешало бы ему сделать у большевиков блестящую военную карьеру: он отлично мог стать маршалом, как унтер-офицер Буденный или как слесарь Ворошилов. Однако замыслы его шли гораздо дальше. Думаю, что в пору высших своих успехов он подумывал и о ленинском престоле в Москве — или по крайней мере в Киеве.

Путь к этому престолу был трудным, — мечтали ведь о нем и люди, вполне диаматом владевшие. Но и честолюбия, и энергии, и смелости у Махно было достаточно. Допускаю, впрочем, что порвал он с большевиками не только из стремления к высшей власти. Верю в искренность его анархизма. Большевицкое учение и тесно с ним связанная партийная дисциплина были непереносимы для этого типичного представителя воляницы. Полагалось ему быть и интернационалистом. Однако он и к «русской семье народов» (не говоря уже о всемирной) относился, кажется, без особого восторга. Нестор Махно был украинец. Предисловие к своим воспоминаниям он заканчивает словами: «Об одном лишь приходится пожалеть мне, выпуская этот очерк в свет: это — что он выходит не на Украине и не на украинском языке».

Странно сложились, вдобавок, и обстоятельства. Та связь, которая установилась между Махно и некоторыми из организаторов взрыва в Леонтьевском переулке, была отчасти случайной.

Окончание следует.

ТОВАРИЩ БАШМАКОВ

Анатолий ПРИСТАВКИН

РАССКАЗ

Случилось зимой сорок третьего, в детдоме, в сибирской деревне Таловка, близ Кургана, меня поразила болезнь ног: подошвы покраснели, покрылись мелкими язвками, которые слились в одну гнойную рану, так что я не мог ходить.

Конечно, это произошло не сразу. Сперва прихрамывал, потом едва волочил ноги, всхлипывая от боли при каждом шаге, пока однажды вообще не смог встать с постели, так и остался на ней сидеть. Впрочем, это никого в спальне не взволновало.

Если кого-то я и заинтересовал, это наших шакалов из младшей группы. Они сразу пронюхали, что ты не просто сидишь, а сидишь так, будто не хочешь идти на обед, а чтобы не ходили на обед, такого в детдоме не бывает.

До сих пор, во всяком случае, не было.

И кто-то из самых опытных, а опыт у нас исчисляется количеством побегов да умением промышлять жратве, последнее же особенно в цене, не без насмешки произнес, что, дескать, сидят в предварилровке да тюрьме, и то не по своей воле, но там как бы положено на пустое брюхо сидеть, и то иногда рыбкин суп приносят... Остальное же все туфта и чернуха, а как кликнуть к миске, наш сидун, это про меня, поскачет впереди всех, как чемпион какой!

Я не поскакал.

Ни в тот день, ни в другой, ни в третий.

Шакалы из младшей группы мои порции аккуратно подбирали, но и мне приносили корочку-другую, не из милосердия, конечно, а чтобы не загнулся, чтобы не очокурился раньше срока.

А срок такой: пока им перепадает, ты им нужен живой, пусть и не ходячий. На жмуриков, известно, пайку не дают.

Обирая меня, они тут же, у моей койки, громко обсуждали между собой мои дела, сколько, например, я еще протану: неделю или две... Или три... Но говорили не только о кормежке, их еще мои ноги интересовали.

Самые практичные предлагали: отпилить их, и дело с концом. Сразу легче станет!

— Может, и легче, — возражали другие. — Килограмма на три легче, а пилить все равно жалко. Как без ног ходить?

— А как инвалид на станции... Который на тележке! Ему еще и рублевки кидают! Ног никаких нет, а они его кормят!

— И поят! — добавляли знающие. — Вечно пьян!

И уж кто-то с нескрываемой завистью:

— Во житуха!

Меня их разговоры не трогали.

Я восседал на казенном топчане, на жестком матраце, набитом сопревшей соломой, невозмутимый, как Будда, которого я однажды видел на картинке в книге для чтения. Я даже сидел в его позе, скрестив по-восточному ноги, так они меньше болели. Отсюда я мог заключить, что у Будды, который на картинке, ноги болели, как у меня.

Прошло немало времени, пока воспитатели не пронюхали о моем таком странном сидении и не доложили самому директору. Не о том доложили, конечно, что их воспитанник ни черта не жрет, это для них без разницы... Доложили о том, что в школу не ходит, пионерские сборы не посещает, опять же в тимуровской команде не работает, дров не пилит, воды не носит...

Словом, так: незадействован, бесконтролен, не управляем.

Тем и выделяется среди прочих, тоже не лучших, дурно влияя на весь коллектив, который по примеру, очень даже заразительно, завтра может захотеть тоже ничего не делать и станет разлагаться, сидя в спальне, как статуя!

Что же тогда станет с нашим образцовым, с нашим передовым, лучшим в районе детдомом?

Да ничего хорошего не станет. Анархия станет, беспорядок и вред обществу и стране в целом, которые доверили педагогам и директору товарищу Башмакову из нас, вырождаков, недоносков и ублюдков, создать полноценных советских граждан, достойных нашей героической эпохи.

Создашь с такими!

Воспитатели имели в виду в первую очередь, конечно, меня.

Я же, вообще не догадываясь, что моя болезнь таит для окружающих страшный вред и даже является дерзостным вызовом обществу, продолжал день за днем свою добровольную отсидку, окруженный любопытствующей малышкой, взирающей на меня кто

с интересом, а кто и с завистью: повезло же человеку, чтобы так шикарно заболеть, ни в школу ему, ни на работу, никуда вообще, а при этом еще и жратву приносят, от которой, правда, он, то есть я, воротит нос, ждет небось, чтобы ему, как барину, «каклет» подали!

Про котлеты упоминали лишь потому, что считали их высшим шиком, из другой, не из нашей жизни, недоступной даже в мечтах, никто из нас в ту пору котлет не видел. А вот есть те корочки, которые мне несли заботливые по-своему шакалы, и правда не хотелось.

Странное это было чувство, среди общего хапежа, когда все у всех кланчили что-нибудь пожевать, как недавно я и сам кланчил, быть голодным и при этом ничего не желать, и ничего не кланчить, и даже отказываться, когда тебе предлагают...

Целыми днями, сидя на койке, я рассматривал свои подошвы, вывернув их из-под себя, чтобы лучше видеть, и на виду охочей до зрелищ малышки, не спускавшей с меня глаз, ковырял пальцем в нарывах, раскорячивая их до крови и испытывая, как ни странно, не только острую боль, но особое, ни с чем не сравнимое удовольствие.

Но все до поры, пока однажды не появился директор.

Он возник неожиданно и еще от дверей будто прицелился глазом в мою сторону. Я не увидел, я лишь почувствовал на расстоянии его испытующий взгляд.

Шагнув в комнату, он осторожно опустился на стул в отдалении от меня и негромко спросил:

— Это?

Не у кого-то, а вообще спросил, упершись глазами в пространство.

— Это он! Он! — подсказали ему охотно.

Время для визита было не случайно выбрано под вечер, такое, когда все, и старшие и младшие, находились в спальне.

— Не ходит? — поинтересовался директор.

Меня он в упор не замечал.

Разноголосый хор тут же отвечал, что я, и правда, не хожу, потому что ноги в болячках, а болячки — во какие!

Последнее было произнесено не без восторга и даже не без некоторой гордости.

— Отказываешься, что ли, ходить? — переспросил директор, скользя глазами по стенам, по потолку, по соседским койкам.

Я промолчал, поняв так, что меня не спрашивали. Охотников говорить за меня было и так много.

— Отказываешься! Он от всего отказывается! — закричали вокруг и начали даже перечислять, от чего я успел отказаться, но директор перебил, не дослушав:

— А вот мы сейчас поглядим, как он ходит... А если он научился ходить, мы его поучим... — И тут он кивнул Жене, который до поры молча стоял у входа, загородив медвежьей фигурой дверной проем. — Как ты считаешь, Женечка, мы научим его ходить?

Женя посмотрел на меня издали по-особенному и, как мне показалось, жалостливо, был он невероятный добряк и никого еще по своей воле не обижал. Ни, Боже упаси, даже кошку или собаку, не говоря уж о нашей детдомовской братии.

Впрочем, у нас, как в каждом таком гадюшнике, в первую очередь обожали сильных. Но таких сильных, что умеют драться и постоять за себя. Женя хоть и был могуч, но при этом на диво беспомощен, и оттого сходил за великовозрастного дурачка: он даже школу не посещал, а занимался хозяйственными делами. Целыми днями он торчал на конюшне, запрягал, распрягал лошадь, возил продукты и был тих и безотказен, как и его послушная лошадка.

Но я-то с ним успел пообщаться раз-другой, когда мы выезжали в лес за дровами, и я точно знал, что Женя вовсе не дурачок, а может, он и поумней других, он умел устроиться по-своему в этой жизни, и еще он умел помалкивать и улыбаться.

Женя нерешительно, боком, придвинулся ко мне, но при этом он все время оглядывался на директора, наверное, ему заранее успели внушить, что и как он должен со мной делать.

Я же сидел как посторонний, хоть и на спектакле, который устроили в мою честь и даже сделали поневоле главным героем. Не помню, трусил ли я тогда. Но я сразу почувствовал, как забарабанило в ушах сердце, а в животе возникла тоскливая пусто-

та, которая появлялась в опасные для жизни минуты.

За спиной громко выкрикнули:

— Башмаков и не таких обламывал!

Я вздрогнул и оглянулся: окружив койку, вся детдомовская братия, слившись в одно лицо, смотрела на меня и ждала, чем закончится этот безрассудный поединок.

А может, она уже знала, в отличие от меня, чем он закончится, и только ожидала этого уже предreshенного финала?

Но тут кто-то возразил:

— А я говорю, не пойдет! Как же он пойдет, если он не может идти?

— Значит, поедет, — было произнесено не без насмешки.

— На кладбище, что ли!

— А Женя куда хошь свезет.

Врали они про Женю. Врали.

— Заткнись, кодла, — прикрикнули из старших. — Не товарищу Башмакову вашу дурость слушать! Он, если надо, и к доктору свезет!

Не знаю, не думаю, что все это, особенно про кладбище, говорилось всерьез. Но доктора, уж точно, упомянули для того, чтобы как-то разжалобить нашего директора, душу его заржавевшую смягчить.

Но что мы знали о его душе?

Я-то уж точно ничего не знал.

Меня перевели сюда из зырянского интерната вместе с шестилетней сестрой, над которой вели расправу старшие девочки, отбирая у нее еду. Они бы и вовсе ее угробили, но в счастливый момент кому-то пришла идея в юргомышском районе перетащить нас сюда, где была организована дошкольная группа. Нас с сестрой и Володю Полякова с маленьким братишкой.

В первый же день приезда я полез в чужой огород за морковью, не рассчитывая по привычке, что нас тут накажут, и надо же случиться, что огород этот принадлежал сестре Башмакова, тоже воспитательнице в детдоме.

Меня наказали. Наказали даже дважды, потому что не дали есть и не дали встречаться с сестренкой. А мы не могли не встречаться, мы тем и держались все время, что неотрывно были рядом, и нас никто не смог до сих пор разъединить.

Никто, кроме Башмакова.

Он умел наказывать так, чтобы было не просто плохо, а было очень плохо. А что может быть страшней, чем разлучить близких людей... Башмаков и разлучал, он бил в самое больное место.

С этого и началось мое знакомство с товарищем Башмаковым. Как потом я смог убедиться, он был внимателен вообще, а тем из ребят, кто хоть раз посягнул на его личную собственность, никогда и ничего не прощал.

Был случай, когда курица Башмакова по своей дурости снесла яйцо под детдомовским крыльцом, а Вовка Поляков его нашел и сожрал, сырым сшамал, прямо вместе с кожей. Эта самая кожа, прилипшая нечаянно к верхней губе его, и выдавала. Уж как над ним ни изгибался директор, и без хлеба, и без воды держал, и в район посылал на предмет проверки психики. Он довел Вовку до заикания, напугав криком во время сна, да и сбегил в конце концов в челябинскую ремеслуху, хотя тому не исполнилось четырнадцать лет.

С братишкой их, конечно, развели и, должно быть, навсегда.

Жил Башмаков в соседнем с нами доме, кругом высокий забор и свое немалое хозяйство. Кроме упомянутых кур, водились у него утки, гуси, даже свиньи. Обслуживал все это добро наш молчаливый, наш безотказный Женя.

В семье был культ старшего Башмакова: он царствовал по ту и по эту сторону забора.

Когда он отчитывал за какие-то провинности своих домашних, а виноваты у него были все и всегда, мы из-за забора тоже слышали его сильный, рубящий, бьющий как колуном по голове голос, и даже самые развязные среди нас становились смиренней и надолго затихали.

Не боялся его лишь младший сынок Вовка, по возрасту он был мне ровня. Но он вообще мог никого не бояться, имея такого всеильного папу. С нами он не водился и не играл, а лишь показывал, завидя нас, язык, когда мы глядели к ним через забор, да еще плевал в нашу сторону.

Любимым же занятием Вовки было маршировать вокруг дома и громко читать такие стихи:

*Товарищ Башмаков
Уверен и толков,
Веди меня вперед,
Товарищ Башмаков!*

Эти слова, наверное, он услышал от старшего Башмакова у себя в доме, а может, от его сослуживцев еще в Москве. Но из этого следует, что «товарищ Башмаков» в прежней, довоенной своей жизни был какой-нибудь большой шишкой, а здесь, в Сибири, за

спинами детей, временно спасаясь от фронта, сберегая для светлого будущего свою драгоценную жизнь.

И вот о чем я сейчас подумал: скольким же тиранам и нашим мучителям, ловко прилипшим к детским учреждениям, мы одним лишь своим жалким существованием спасли жизнь!

Они-то нас преследовали, они морили нас голодом, изводили, как могли, а мы их спасали. Их самих и их близких.

Не странно ли, правда?

Но так было. И если я тогда выжил и до сих существую, то я обязан в первую очередь самому себе. А вот товарищ Башмаков и его терпеливая сестра, и ненавидящая нас жена, и даже сын Вовка, все они выжили потому лишь, что были такие, как я, да Вовка Поляков, да безропотный Женечка, и остальные, нам подобные.

Потому-то я полной мерой, как другие ребята, изведал громкий гнев и все немилости товарища Башмакова.

Впрочем, кричал он редко, но зато железным тоном прокурора (а может, он и был до войны прокурор — вот поздняя догадка!) наказывал, будто шпиц-рутеноем сквозь строй прогонял: «без завтрака, без обеда, без ужина, без завтрака, без обеда...»

И так несколько кругов голодного ада, в зависимости от того, насколько запаса воздуха у него хватит, а легкие у него были ефрейторские, хватало зараза выпалить на троих и на четверо суток, а в сильном гневе и на все пять!

Вот что означали слова, произнесенные за моей спиной о Башмакове, который и не таких, как я, обламывал.

Я оценил их много позже. Иначе я бы сдался сразу, а не пытался глупо сопротивляться. Тем более, что обламывал он с помощью других, вот, как сейчас, с помощью добряка Жени.

Но что Женя, он был лишь прислугой, рабом у Башмакова, хотя... Я вот сейчас подумал, а не такие ли покладистые да смирные ребята, тоже добряки, охраняли зону, служили верой и правдой в конвоях да пересылках, а при случае и стреляли заключенных в сталинских лагерях?

Это потом в Москве, на Казанском вокзале, наш молчаливый Женя, почувствовав, что кончилось время Башмакова и тот ему более не хозяин, все накопившиеся чувства выразит одним, но весьма красноречивым движением, грохнув огромный ящик с вином, когда пришлось ему в последний раз перетаскивать многообъемную поклажу бывшего директора.

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

Все знали, и Женя знал, то есть он-то знал лучше других, что был тот ящик вымечен Башмаковым на целое поле капусты, которое мы все лето, по десять часов в день, пололи и поливали. И брызнуло из ящика красное вино, будто наша, выкачанная из нас, кровь.

Я и сейчас вижу эту картину, как волочит Женя, обхватив ручищами, будто клешнями, тот неподъемный огромный деревянный ящик... Но воровски оглядывается, замедляя шаг, и, убедившись в отсутствии хозяина, с неожиданной силой шарахает ящик о каменный цоколь вокзала.

Нас он не видит, выгруженные из другого вагона, мы торчим кучкой на противоположном краю платформы и от нечего делать глазами по сторонам и, конечно, на Жению.

Побив ящик, Женя очень тихо, даже бережно, опускает его наземь и рассматривает со всех сторон, по-детски удивляясь, что он так сильно покорежился, что даже лопнул по швам... А из швов сочится красная жидкость...

Оглянувшись еще раз, Женя проводит по доскам ящика ладонью, а ладонь подносит к лицу, смотрит и нюхает, чтобы наверняка убедиться, что грохнул он и в самом деле то, что следовало.

Вот тут он замечает нас... Но вовсе не тушует, чего ему теперь бояться, а как-то по-дурацки хмыкает и разводит руками, мол, вот видите, как бывает. И при этом подмигивает в нашу сторону...

Женя приблизился ко мне, шумно вздыхая и отводя в сторону глаза.

Он обхватил меня сильными своими руками, легко приподнял, прижимая как младенца к груди, и мягко поставил на ноги.

А я тут же сполз на пол, стоять я не мог. Башмаков прищелкнул языком, то ли удивляясь, то ли восхищаясь. Мне показалось, что ему нравится не только сам процесс моего такого обучения, но даже и мое ему сопротивление.

— Еще разочек! — воскликнул он с азартом, оскаливая желтые зубы.

Женя, стоявший тут же в ожидании приказа, в ватнике, с опущенными руками, чуть ссутулившись, наклонился надо мной и принял меня на грудь, обнимая как родного, и так же бережно, с той же виноватой улыбкой, приподнял с пола и поставил на ноги. А я снова сел, ловя краем уха невольный вздох спальни.

— Еще разочек! — произнес Башмаков усмехаясь, но глаза его при этом были холодны, как у железного памятника. Он и сам был, как железный, и все в нем, даже его ненависть ко мне, было вылитое из железа.

— И еще разочек! И еще! И еще! Хотя до вечера! Мы никуда не торопимся, правда, Женечка?! Мы и ужин можем пропустить ради такого урока!

Это, последнее, был уже удар и не по мне, а по невинным свидетелям нашей борьбы, которые не могли не понимать, что такое пропустить ужин.

Пусть, если могут, терпят другие, Башмаков там, или Женя, или... Но жить без ужина, когда и до ужина мочи нет терпеть, такой удар выдержать никто бы не смог, и ребята из спальни тоже не выдержали.

Я уже не слышал ни споров, ни голосов. Не почувствовал я теперь и молчаливой, пусть выраженной одним лишь нечаянным за спиной вздохом, поддержки.

Оседая на пол в который раз, я непроизвольно оглянулся и вдруг ясно понял, что они уже навсегда уверовали в силу товарища Башмакова и теперь, собранные, как статисты на площади, нетерпеливо ожидали конца своей собственной участи. Моя-то для них была давно решена.

В их молчании я прочел приговор самому себе. И тогда я встал на ноги. Сам встал. И остался стоять.

— Ну, вот, — буднично произнес директор, будто и не ожидал ничего другого. — Кто же нам врал всякие тут глупости: «Не ходит! Не ходит!» А он — ходит. И побежит, если будет надо... Как, Женечка, ведь побежит?

Женя кивнул, натянуто улыбаясь. Башмаков сидел, широко расставив ноги, и глядел он в упор не на меня, а на Женю. Но я-то кожей ощущал, что смотрел он на меня и видел лишь одного меня. Женя его никак не интересовал.

— Как наш вождь и учитель дорогой товарищ Сталин говорил... Как он говорил, Женечка? Ну, правильно, правильно... Он говорил нам: «Не можешь — научим, не хочешь — заставим...» Умница, Женечка, именно так ведь говорил лучший друг советских детей! И твой, твой друг, между прочим, — это уже обратись ко мне, и даже как бы с укором.

Тем же самым беспристрастным железным тоном Башмаков приказал:

— А ну, иди! — И повторил, ухмыльнувшись: — Иди, иди, говорят, а не то всем коллективом поможем... Ведь поможем, правда, ребята?

И ребята громко и очень дружно, все до одного закричали, даже сам директор вздрогнул:

— Пра-а-а-да!

Это они уже как бы не директору, а самому родному товарищу Сталину отвечали, лучшему другу советских детей, которого здесь представлял их тоже лучший друг товарищ Башмаков.

Я посмотрел на них и поразился, увидев у них тот же металлический цвет башмаковских глаз и ту же объединяющую ненависть ко мне. А ведь не было, я мог поклясться, не было этого еще пять минут назад.

Они сейчас, в эту самую минуту, стали такими! И боевыми, и непреклонными. Таковыми же непреклонными, как сам товарищ Башмаков.

Все, кроме, конечно, доброго Жени, который лишь смиренно улыбался.

Тут я и понял, что они меня сломали. Не Башмаков сломал, они все меня сообща сломали, даже в первую очередь сломали именно они, в том-то и была, наверное, сокрушительная сила товарища Башмакова.

И я исполнил приказ товарища Башмакова: пошел.

Чуть покачиваясь, пошел от тихого кружения в голове и еще от необычного ощущения, что ступаю я по воздуху, из которого торчат острия тысяч стальных спиц, и они протыкают мои ступни насквозь, и меня протыкают насквозь, доставая до живота, до груди и до моей черепушки. Но при этой адской боли я испытал вдруг в своей душе успокоение, почти радость, именно потому, что эту боль можно, оказывается, вытерпеть. И быть на ногах. И идти. Так, тихохонько, по воздуху, по спицам я пронес себя до двери, а потом и до лестницы, и крыльца... До улицы, словом. До той самой улицы, куда я не чаял попасть уже никогда в жизни.

Помню, что был сильный мороз, но никак мной не ощущаемый, и воздух был литой и звенящий, как из куска серебра.

Без верхней одежды я окунулся в него и растворился в нем, как пар, так мне тогда показалось. На самом же деле я шагнул на дорожку, но попал ногой в сугроб, увяз в нем и упал...

Тут меня и догнали.

Ловко приподняв, нахлобучили до глаз шапку и телогрейку натянули, утащили в дом.

Как потом я узнал, они следили за мной из окна.

В тот-то момент я о них и не помнил, мной владело одно счастливое чувство, что их больше со мной нет и их никогда со мной не будет.

А они были. Они стояли тут же, за окном. Сгрудившись, они смотрели на меня и ловили каждое мое движение. И, наверное, обсуждали, а может быть, они хихикали, видя, как я трепыхаюсь на снегу.

— Глянь, изображает!

— Ну, ну! — обрешал насмешников Башмаков, не оборачиваясь на голоса, но тонко чувствуя за спиной обстановку. — Ступайте-ка лучше ужинать!

Хотя знал: сейчас не пойдут.

Дыша в заледенелое стекло, Башмаков взором полководца определил, что военную кампанию он выиграл и бунт подавил. И армия ему до конца послушна.

Он тут же приказал Жене поднять меня из сугроба и вернуть обратно в спальню. Не для того они поднимали меня с койки, чтобы я героически замерз на глазах ребятни. Такой героизм — это Башмаков понимал — нам не нужен!

Что же было нужно?

А вот что: каждый день был я нужен ходячий, чтобы доказывать ходьбой свое послушание. Поэтому завтра...

— Завтра он пойдет сам, — так сказал Башмаков. И он не ошибся.

Я ничего этого не знал, но я на другой день встал сам и сам добрел без всякой помощи до середины улицы. А еще через день — и до школы. До нее и было-то идти метров триста.

Я догадывался, но я не знал, что они все, вся спальня и сам Башмаков, следят за каждым моим шагом, это мне потом рассказали. И когда я дошел до ворот школы в самом конце улицы, Башмаков, оторвавшись от окна, произнес удовлетворенно: «Вот и научили». И ушел к себе домой.

Он не знал остального. Никто не знал, что я в тот день так и не пошел в школу. Завернув за угол, я миновал еще три дома, это стоило мне всех моих сил, и вышел к опушке леса прямо за домами. По глубокому насту, утопая по пояс, я добрел, дополз до первых деревьев, вовсе не думая, что придется мне возвращаться, привалился к какому-то стволу и заплакал, завыл... Я грыз мерзлую кору зубами, чтобы не закричать, а потом я и правда завыл, встал на четвереньки и легко исторг звериный вой, тонкий и протяжный.

Теперь-то знаю, так воеет смертельно раненный зверь, он кричит от вселенской тоски по живому, перед тем как покинуть этот не приспособленный ни для чего мир.

ДОВОЛЬНО сетовать на качество овощей и дороговизну цветов в магазинах!

ХВАТИТ жаловаться на безгрибье в лесах!

ВСЕ В ВАШИХ РУКАХ,

ЕСЛИ ВАШ ПАРТНЕР — НПО «ВИСХОМ».

У вас нет земли, которую нужно еще культивировать, удобрять и... приватизировать? Или есть, но далеко? Да еще рядом с шоссе или с химзаводом. Тогда мы можем предложить вам гидропонные установки и мини-теплицы. Автоматика оставит вам только приятную роль наблюдателя и потребителя.

К вашим услугам также ручная алюминиевого литья сеялка точного высева овощных семян, разработанная специалистами Голландии и СССР.

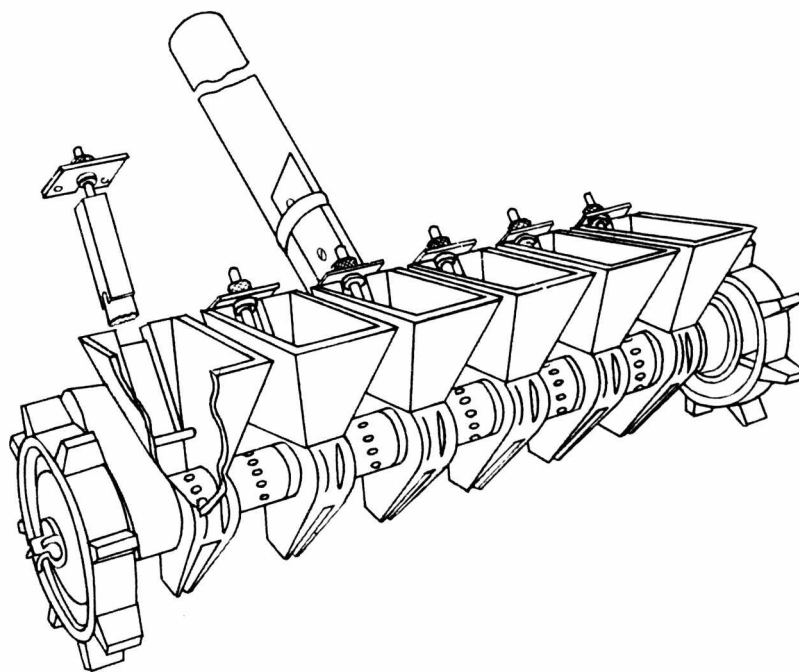
ВНИМАНИЕ!

ВЫ МОЖЕТЕ ЗАКАЗАТЬ ЕЕ У НАС ИЛИ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ЕЕ ПРОИЗВОДСТВЕ!

А если хотите знать ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ о новейших технологиях производства экологически чистой растительной продукции, ЗАКАЖИТЕ — и мы ВЫШЛЕМ ВАМ:

Аналитический обзор материалов международной конференции ЮНИДО по этой теме;

Энциклопедический сборник «ВСЕ О ТЕХНОЛОГИЯХ ПРОИЗВОДСТВА ГРИБОВ».

Наш адрес: 127247, Москва, Дмитровское шоссе, 107, НПО «ВИСХОМ», «Гринхауз».

Телефоны: 485-56-66, 485-57-00.

Факс: 485-65-18.

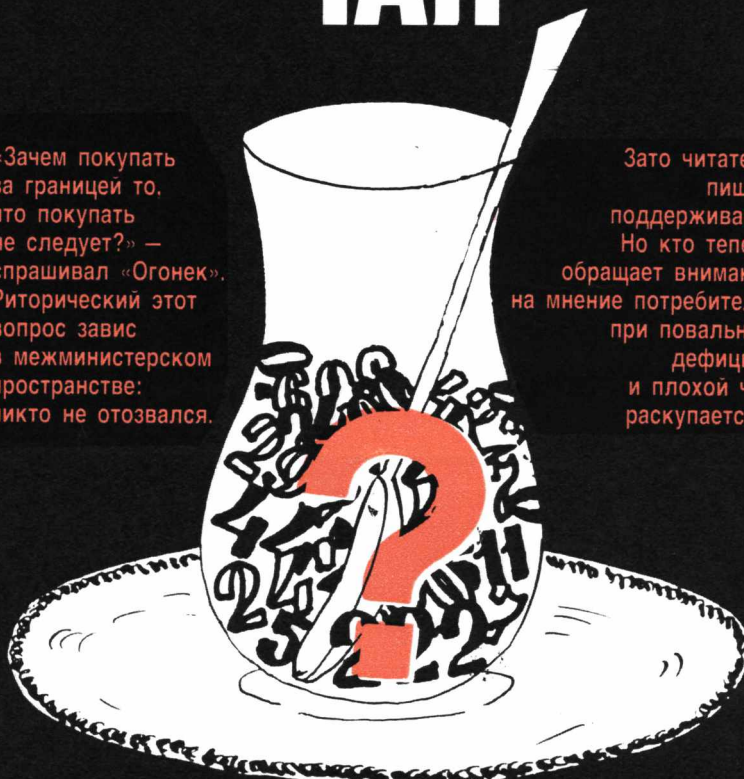

Константин БАРЫКИН

СИНДРОМ ТУРЕЦКОГО ЧАЯ

«Зачем покупать за границей то, что покупать не следует?» — спрашивал «Огонек». Риторический этот вопрос завис в межминистерском пространстве: никто не отозвался.

Зато читатели пишут, поддерживают. Но кто теперь обращает внимание на мнение потребителя: при повальном дефиците и плохой чай раскупается...

Образцовы были только образцы. Знатоки мне рассказывали, что первые упаковки турецкого чая нареканий не вызвали. Им даже назначили самую высокую розничную цену. Но, когда начались массовые — тысячами тонн — поставки, стало ясно — чай плох. Назывался он очень красиво: «Риза», «Камелия», — но по вкусу больше напоминал распаренный веник.

В доброе старое время наша страна турецкий чай не закупала. Крупная, многотысячная сделка состоялась лишь в 1989 году. Мы выложили почти 22 инвалютных миллиона и получили за них 20 218 тонн чая. Вскоре «турецкий десант» оказался на полках магазинов. Ему обрадовались — у нас любят все импортное. Разочарование наступило, едва выпили первые чашки. Мутный, без чайного вкуса и аромата напиток. Автор великолепной книги о чае В. Похлебкин дал свое тому толкование: «Чай в Турции нельзя было покупать ни в коем случае: во-первых, он низок по качеству; во-вторых, это позор для нашей страны, ибо всегда Турция закупала чай у нас, там научились его делать лишь после второй мировой войны... Турецкий чай для нашей страны, для чаепьющих народов в СССР и особенно для России совершенно нетрадиционен».

Фирмы-поставщики, похоже, заволновались. Последовал рекламный залп. Затем деликатно, но настойчиво стали предлагать свои рецепты, отметили также, что турецкий чай — напиток для гурманов. Дескать, вы еще не развлеклись до подходящей кондиции? Запестрели магазины плакатами: «Турецкий чай пьем за дружбу и любовь».

Механизатор большого тюменского совхоза признался со страниц центральной газеты, что «мужики, народ находчивый», наловчились курить турецкий чай, смешивая его с сушеными листьями хрена. Крестьянин, однако, предупредил: «Пока наша деревня будет курить вместо «Беломорканала» турецкий чай, не перестроится она...»

И все же тысячи тонн чая раскупались. В Роспотребторге мне дали справку: запасов турецкого чая в оптовом звене практически нет. В рознице, в столичных магазинах, его много. Остаток этот обременителен (срок хранения чая не обговорен по чьей-то «забычивости» — контрактно. Определили по ГОСТу — восемь месяцев), и, окажись возможность, булочные, бакалейные и рыбные магазины (а торгуют турецким чаем даже на сельхозочках прилавках) охотно избавились бы от него. «Променять бы на что-то путное», — мечтательно рассуждала заведующая небольшого магазинчика.

Охотников на обмен (по-иностранному — на бартерную сделку) пока не обнаружилось. И допродадут чай, ведь и осталось его немного — несколько сотен тонн. Все остальное мы с вами купили. И выпили.

...И вместе с ним приняли изрядную долю радиации. Сколько? Сколько с первыми 20 тысячами тонн мы получили цезия-137 и цезия-134?

— Это легко подсчитать...

Пришел мой черед удивиться. Я-то полагал, что необходимые характеристики давно просчитаны и проанализированы...

Начали считать. «Поставщик рекомендует две ложки на стакан? А в ложке два грамма...»

Нам помогал калькулятор. Получилась значительная цифра. Она, как выяснилось, озаботила не только меня.

В прошлом еще году А. А. Собчак, народный депутат и президент Федерации защиты потребителей, сделал по сему поводу запрос. Прогнорировать письмо авторитетного человека не решились. Была создана комиссия. Полторы убористых, деловых странички ушли Собчаку — ответ. Три заместителя министра СССР и первый заместитель председателя Госкомиссии по продовольствию и закупкам заверяли, что «содержание радионуклидов в исследованных образцах не превышает международных норм». Отмечалось, что норма эта — 600 беккерелей на кг. «Условия контракта с Турцией предусматривают поставку чая с содержанием не выше международных норм», — уговаривали авторы ответа. Но здесь же приводили таблицу, из которой явствовало, что чай «Эни-экстра» по анализу, что проведен в российской республиканской СЭС, имеет 222 беккереля, по данным Всесоюзного научно-исследовательского института сельскохозяйственной радиологии — 447, а Центральная арбитражная лаборатория Торгово-промышленной палаты СССР дала такой расклад — 247 беккерелей. Еще большим разброс был по чаю «Риза-турист» — 248, 511 и 320 беккерелей соответственно. Анализ чая «Ко-

кулу-Харман» — 427, 517, 297 беккерелей на килограмм.

Никак не мог понять: отчего такая разноречивость никого не насторожила? Почему те, кто отвечает за продажу чая, не озаботились тем, что от критической черты — 600! — чай отделяет менее сотни беккерелей? К тому же таблица не скрывала и сравнений: цейлонские чаи содержат от 0,4 до 2,6 беккереля на тот же вес. Различие в сотни раз! Даже наш грузинский чай показал всего 82,3 беккереля, а азербайджанский еще меньше — «4,3 БК/кг», как отмечено в справке.

Полученные результаты не дают оснований запрещать реализацию каких-либо сортов чая, так как указанные уровни содержания радионуклидов не представляют опасности для здоровья, — сделали вывод три заместителя министра и один первый заместитель председателя Госкомиссии. Но все же, «учитывая обеспокоенность населения», рекомендовали (цитирую): «В дальнейшем при закупке импортного чая отдавать предпочтение продукту с наименьшим содержанием радионуклидов».

Все ясно! И вот... Вы уже поняли, что я сейчас скажу о новых закупках. По контракту (№ 589/1859950/00505-01)

в 1990 году снова был закуплен турецкий чай!

30 тысяч тонн. На десять тысяч больше, чем год тому назад.

Закупал Востокинторг. И вновь: не сам по себе, а по указанию свыше. Кто дал указание? Никто не мог мне ответить. Специалист, который вел многие переговоры, «уехал в долгосрочную, на несколько лет» зарубежную командировку. Прямых документов-указаний вроде бы нет, во всяком случае, о них если и знает, то все тот же уехавший внешторговец. Пришли новые люди, они «пока не в курсе дела».

— Да негде нам больше закупать чай, поймите: негде! Традиционные поставщики — Индия и Китай. Но у нас нет валюты.

Я это тоже знаю, газеты и радио уши прожужжали: нет валюты. Но мне известно, что в мире существуют не только дорогие традиционные чаи. Такие, как «Липтон», «Мессмар», «Пиквик», как индийские чаи из провинций Дарджилинг и Ассам. Практически всюду торгуют также цветочными, фруктовыми, травяными чаями. Одна из крупных западных фирм, «Группа Мартин Бауер», не раз предлагала нам начать переговоры о поставках недорогих, отличных, даже превосходных — уж поверьте мне! — чаев. Я обстоятельно беседовал с представителем фирмы Г. Тором, говорил и с президентом фирмы «Крюгер». Они никак не могли уразуметь, отчего мы так консервативны. «Плантации натурального чая сокращаются даже в Индии. Чай дорожает, и в ближайшие годы эта тенденция сохранится. В Европе и Америке это поняли и включили травяные чаи в ежедневный рацион».

Тем более выяснилось: такие чаи очень полезны.

— Не можем объяснить себе позицию наших уважаемых советских партнеров, — говорил мне Г. Тор.

Что я мог ему сказать на это?..

Но я мог предположить, что дурной пример с турецким чаем еще доставит нам неприятности. И не только своим «радиоактивным вкладом». Другие поставщики увидели, что мы без шума и скандала (а потребители любой другой страны предъявили бы, пожалуй, иск за то, что потчуют их подобным напитком) «освоили» далеко не лучший товар.

Не сработал ли именно этот турецко-чайный синдром в еще одном внешнеторговом скандалчике? По контракту с французской фирмой через Голландию к нам было занаряжено египетское туалетное мыло «Аида». Посылали его в спешке, затаривали горячим, в небрежной упаковке. В итоге пришел к нам брак. «Одновременно информируем, что мыло артикула «Аида» не обладает приятным запахом, характерным для туалетного мыла (цитирую письмо Мосгорторга. — К. Б.), не соответствует стандартам СССР как туалетное и по этому признаку больше напоминает хозяйственное мыло». Куда только не писал Мосгорторг, как только не воевал с закупщиками — ничего не помогло. Помнится, и я купил несколько брусочков, а потом никак не мог понять, отчего это в ванной комнате такой непереносимый запах. В суматохе суматох большая часть мыла была распродана, но «остаток его, с учетом забракованного, составляет 641,8 тонны на 2,8 миллиона рублей».

И я недоумеваю: почему наше внешнеторговое объединение не несет никакой экономической ответственности за те товары, которые оно покупает, чтобы облагодетельствовать нас «импортом»?

ПарКультуры

Отдел
искусств
представляет:

ЗАКУЛИСЬЕ

С чеховских спектаклей
Юрия Погребничко чеховедов
выносят вперед ногами.

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Шагал, забытый, неизвестный,
запрещенный, удивил
Западную Европу
и скоро прибудет в Россию.

КОНЕЦ ВЕКА: ОБЗОРЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК

Фотомастера эпохи краха
идеологии.

Александр МИНКИН

*Словно девочки-сестры
Из непрожитых лет...
Иосиф Бродский*

В первый раз Юрий Погребничко ставил «Три сестры» на Таганке. В 1980 году. В новом (к Олимпиаде-80) роскошном здании. Долго мучился. Спектакль взял в хозяйские руки главный режиссер Таганки Юрий Любимов. На ночной генеральной репетиции переполненный зал грохнул: на реплику «Полковник! Из Москвы!» — полковник Вершинин появился с двумя авоськами: в одной — апельсины, в другой — колбаса. Эту и подобные «таганские штучки» цензоры приказали из спектакля убрать. Премьеру сыграли в апреле 1981-го. Успех был огромный: весь достался Любимову. В финале артиллерийский дивизион отправился в Царство Польское. Чеховская реплика звучала грубым намерком: ограниченный контингент Сороковой армии уже трудился в Афганистане, а Польша ввела военное положение, лишь бы избежать братской помощи.

...Теперь русские артиллеристы из Царства Польского вернулись.

Во второй раз Юрий Погребничко поставил «Три сестры» в собственном театре — в аварийном полуподвале на

улице Станкевича. В 1990-м. Десять лет спустя. И каких!

Гробовые годы. Мор на правителей, мор на мальчишек; позолоченные — у Кремлевской стены, цинковые — на остальной территории СССР.

По ужасной печали этот спектакль — не наследник Таганки. Он — от «Трех сестер» Эфроса. Та печальнейшая постановка родилась весной 1968-го и предсказала август 1968-го, и запретили ее вместе с Пражской весной. За чеховские постановки Анатолий Эфрос получил ярлык пессимиста — тогда опасный.

«Три сестры» Эфроса — комедия отчаяния.

«Три сестры» Погребничко — шутовство обреченных.

Каким-то чудом, каким-то чутьем Погребничко осенью 1990-го угадал и предсказал тоску, разбитые надежды и траур января 1991-го.

Спектакль переполнен сценами прощания. Он весь — бесконечное прощание. Без надежд на встречу впереди.

Разве что там, где ни плача, ни воздыханий.

(Сытая бюргерская постановка Питера Штайна, где все правильно, все хрестоматийно, все по-Станиславскому, где даже птички поют по ремаркам, где трогательные Schwestern старательно страдают по немецкому учебнику о русской душе, — спасибо, Штайн, вы сделали нам красиво. На Западе нам все время делают красиво: красивого доктора Живаго — в Голливуде, красивого Ивана Денисовича — в Лондоне... Полезный безвкусный фарш в красивой коробке, — спасибо.)

Дивизион уходит. Офицеры зашли попроситься.

Четырежды подряд повторяют актеры сцену прощания! С теми же объятиями, с теми же репликами. Но это типичное для Погребничко театральное хулиганство не ощущается ни как телевизионный повтор, ни как кинодубль. Это не четырехкратный повтор одной сцены. Это просто одна сцена, где нелепые люди, обнявшись, поцеловавшись, про-

НЕ СУДЬБА!..

ми руками, удивленно глядя вслед уплывшему вину.

— Пара-ад!.. Смир-на!.. — пропел маршал на невидимой далекой площади.

И опять прошла женщина с шампанским, и опять не дала; и протянутые руки остались пустыми, но теперь Тузенбах и Ирина, кажется, что-то поняли. И когда шампанское поплыло мимо в третий раз, они рук уже не протянули, даже не взглянули в сторону счастья, даже отвернулись. Они поняли. И не хотели просить даже взглядом. Зачем унижаться, если не судьба.

Я понимаю. Я с ними. И если Бог приведет дожить до третьей оттепели — я даже головы не поверну.

Но не грустите. Не все так печально. Кому-то везет, жизнь меняется к лучшему, и Наташа, которая во втором акте говорила по-французски ужасно, в четвертом — парле франсэ безукоризненно. Парфэтман.

Фото
Юрия
ФЕКЛИСТОВА

стившись, заплакав, начинают, произнося те же слова, прощаться и плакать снова. И снова. И снова. Нелепая сцена. Смешно до слез.

За шутовством — горечь. Офицеры действительно уходят навсегда. И не потому только, что это царские офицеры — белые, как их скоро назовут красные. И впереди: кому — стенка, кому — Париж. Ушло время, ушла эпоха, а не только белые люди. И нам никогда не дожидаться, чтобы самая интеллигентная женщина города сказала:

— Самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди — это военные!

Не дожидаться, не дожить. И дело уже не в белых, не в красных, не в личном благородстве честных майоров и пылких полковников.

Кого сейчас опечалит уход гарнизона. Кого осчастливит приход.

Никогда прежде не замечал (замечали ли чеховеды?), сколько раз звучит в «Трех сестрах» усталое обреченное «Все равно!». Больше двадцати! — слишком много для случайного повторения.

Пьеса пишется долго, мучительно; десятки раз читается вслух. Будь бесчисленные «Все равно!» случайными, профессионал Чехов их, конечно, заметил бы и сократил.

Оставил. Более того, поставил в финал Чебутыкина — запойного алкоголика, врача-убийцу, усталого циника, который десять минут назад спокойно рассудил: «Одним бароном больше — одним бароном меньше, — все равно!», а теперь заканчивает весь спектакль тем же безнадежным равнодушным «все равно!» и бессмысленной, как вся эта жизнь, «тара-ра-бум-бией».

Из Киева в Москву, в Москву приезжает актриса Наталья Рожкова, чтобы потрясая по-ресторанному, по-шантанному, по-парижски-эмигрантски, с огромной силой, с надрывом, но без грана пошлости петь в спектакле По-

гребничко сумасшедшие романсы времен первой мировой войны и третьей русской революции. Что же, режиссер в Москве не нашел певичку? Такую — не нашел. Такая нашлась только в Киеве. Ездит. Три дня в дороге, три минуты на сцене. Я ее понимаю. В таком спектакле играть — хоть на край света.

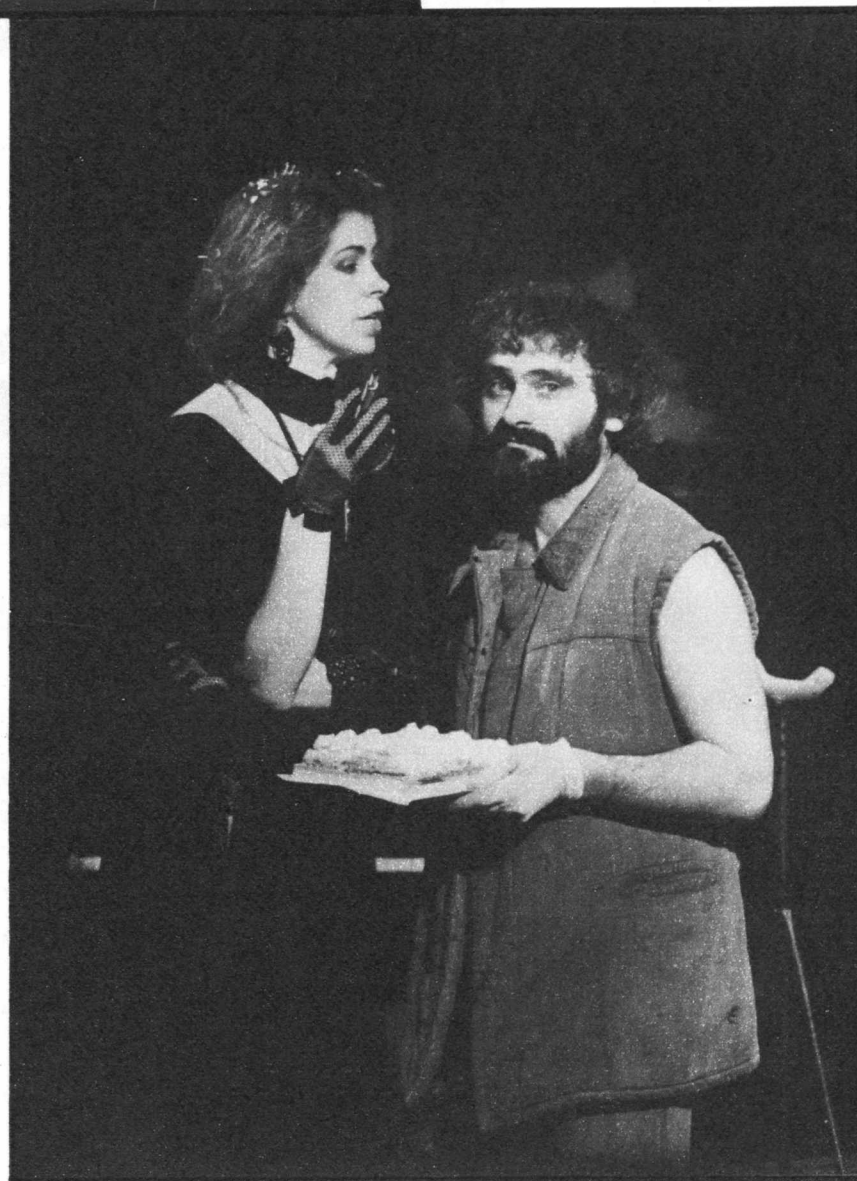
Прощаются с Ириной и бароном офицеры дивизиона. Издалека еле слышно доносятся команды — там уже построились:

— Пара-ад!.. Смир-на!.. К торжественному маршу!.. Побатальонно!..

Господи! Какой немец, какой иностранец в этих, чуть слышных, тише комариного звона, с края света летящих криках, узнает маршальскую оттяжку и ни с чем не схожее эхо главной площади, мечущееся между главным магазином и зубчатой стеной: ия! ия! ия!.. аю! аю! аю!..

Они в Москве! Я знал, что они в Москве! Еще когда Ирина просила «в Москву! в Москву!» — по ее блуждающей, полубезумной, полусмущенной улыбке я догадался, что это — старая, давно никому не смешная семейная шутка; слова, когда-то с рыданием звучавшие в провинции, потом — со счастливым смехом — в Москве, а потом... все равно. От себя не убежишь. Да и что в той Москве, если живешь в аварийном подвале и нет надежд, и забыт с трудом выученный, но так и непригодившийся итальянский, и некрасивого нелюбимого жениха холодный офицер зачем-то убьет через полчаса.

Но пока — прощание. Пока еще живы. Хотя и сидят (на дорожку!) на длинном цинковом прозекторском столе. И длинная худая женщина в белом несет мимо них поднос с шампанским в длинных бокалах. Ирина и Тузенбах доверчиво потянулись к бокалам, но поднос, не остановившись, проплыл мимо, и они, удивленные, еще не понимая, в чем дело, застыли с протянуты-

ОН НЕ НАВИДЕЛ СЛОВО «ЭМИГРАНТ»

Майра САЛЫКОВА

История такова. Два с половиной года тому назад, в самый эйфорический период так называемой перестройки, в Москву из Парижа приезжает известный искусствовед — красивая блондинка с весьма решительными намерениями. Приезжает, воспользовавшись отсутствием «железного» занавеса, желая осуществить то, что в прежние времена сделать было просто невозможно: представить Западу ранний период творчества Марка Шагала, сосредоточенный в основном в запасниках советских музеев.

По правде говоря, общая концепция выставки, которую задумала осуществить Кристина Бюрюс, не выглядела очень уж оригинально. Но детали, которые можно было добавить в собрание известных уже миру полотен Шагала, сделали бы экспозицию «Русский период Шагала» сенсацией.

И пока мы с вами, загипнотизированные магическим и неведомым до времен перестройки словом «плюрализм», резали правду-матку направо и налево, госпожа Бюрюс, заручившись поддержкой некоторых французских и советских лиц, искала в запасниках Третьяковской галереи то, за чем приехала. И, представьте себе, нашла.

Судьба декораций Марка Шагала для Театра еврейского искусства, созданных им в 1920 году, драматична и загадочна, как, собственно, и вся история нашего многострадального отечества. Десятилетия пролежав невостребованными в разных местах, они со временем

Шагал пишет этюд большого панно (Театр еврейского искусства, Москва).

Марк Шагал, Белла и Ида.

оказались в запасниках Третьяковской галереи. К счастью. Но, к сожалению, в состоянии более чем удручающем. Через несколько лет отдельные части панно и декораций восстановить было бы уже крайне трудно. Поэтому, включив театральные декорации в список будущей выставки, Кристина Бюрюс немедленно приняла участие в восстановлении бесценных полотен Шагала. Она нашла для этого и средства, и материалы. За период подготовки выставки ей пришлось побывать в Союзе двенадцать раз.

Весь проект финансировал Леонард Джинадда — президент Фонда Пьера Джинадда. Расходы, которые понес Фонд, кстати, до сих пор еще не окупались. Но, помимо денег, необходимы были еще и люди, способные выполнить тонкую реставрационную работу.

И они нашлись — наши соотечественники: мастер Алексей Ковалев со своими ассистентами Галиной Ушкевич и Леонидом Астафьевым. Какое счастье, что эти профессионалы не оказались ввернутыми в политический вихрь, не стали, например, депутатами, не ушли в чиновники Министерства культуры, не рванули в иные страны подзаработать настоящих денег или насовсем.

Слава Богу, сидели и делали дело и в нужное время оказались на своем месте.

...Итак, выставка «Русский период Марка Шагала» открылась в швейцарском городе Мартини в начале этого года и сразу же вызвала огромный интерес. Западными любителями Шагала начальный период его творчества был плохо известен. А уж отреставрированные полотна декораций Театра еврейского искусства никто никогда не видел. Открытием стала и графика Шагала — иллюстрации к «Мертвым душам» Гоголя.

Весь «русский период» Шагала — это страшные времена для России: 1914—1920 годы. Но даже его «взорванный мир» оказался способным одарить нас темами: любви, творчества, упоения обычной человеческой жизни. Впрочем, мне бы не хотелось навязывать вам свои ощущения. Тем более что скоро «Русский период Марка Шагала» придет в Россию. Об этом мне и удалось поговорить с дочерью художника, Идой Шагала.

Я встретила с ней в Париже. Согласно на интервью для «Огонька» Ида Шагала дала немедленно.

— Шагала уехал из России в 1922 году. Наверное, эмиграция была единственной для него возможностью для нормальной работы и жизни?..

— Я хочу вам сразу сказать, что для Шагала отъезд из России не был эмиграцией. Больше всего в жизни он ненавидел слово «эмигрант».

— Разве он не считал себя таковым?

— Никогда. Свободным русским художником.

— Испытывал ли Шагала до отъезда какие-то притеснения, преследования?

— Никаких. Мы уехали свободно и официально.

— И никто не пытался его удержать, остановить?

— Нет.

— Видимо, можно предположить, как сложилась бы его судьба, если бы он остался. Скорее всего трагически.

— Это никому не известно.

— А как он относился к политике? Мне кажется, что сейчас в нашей стране политикой заняты все — от стариков до детей...

— Политика для нас, извините, что говорю — для нас, — это всегда было только искусство. И еще политика — это любовь к Родине.

— Для России выставка, которая сейчас проходит в Мартини, больше, чем культурное событие. В какой-то степени это и покаяние, и возвращение, и встреча с тем, что всегда принадлежало России.

— Я счастлива, что почти все представленные на выставке картины, за небольшим исключением, принадлежат Советскому Союзу. Официально.

— Видели ли вы раньше декорации для Театра еврейского искусства?

— Всего один раз, когда приезжала в Советский Союз. Это было почти тридцать лет тому назад. Их развернули и показали специально для меня. И уже тогда они были в очень плохом состоянии и требовали реставрации. Их история — это трагедия. Ну а то, что их спасли, — почти чудо. К сожалению, я не знаю подробностей, но слышала, что те писатели, актеры, режиссеры, которые их спасали, в какой-то степени заплатили за это своими судьбами...

— Будете ли вы на открытии выставки в Ленинграде?

— Конечно! Для меня приезд на выставку в Россию — это не вопрос приглашения советской стороны. Это — обязательство.

— Что бы вы хотели передать читателям «Огонька», будущим посетителям выставки?

— Папину любовь к России. И самый сердечный привет Родине.

Выставка «Русский период Марка Шагала» будет проходить в Ленинграде этим летом. И я очень боюсь, как бы за митинговыми страстями, переименованием городов, забастовками мы не пропустили той соломинки, которая плывет к нам через годы. Не пропустили бы этот глоток воздуха.

Ведь разве мало еще невостребованного, необходимого для нормальной человеческой жизни лежит под нашими ногами, подобно забытым полотнам Шагала?

ОБРАТНАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

ОГОНЁК

МАРК ШАГАЛ — «НЕИЗВЕСТНЫЕ» ПОЛОТНА

Недавно отреставрированные декорации для Театра Еврейского искусства (Москва, 1920 год) — сенсационная часть выставки «Русский период Марка Шагала», с успехом прошедшей в Швейцарии.

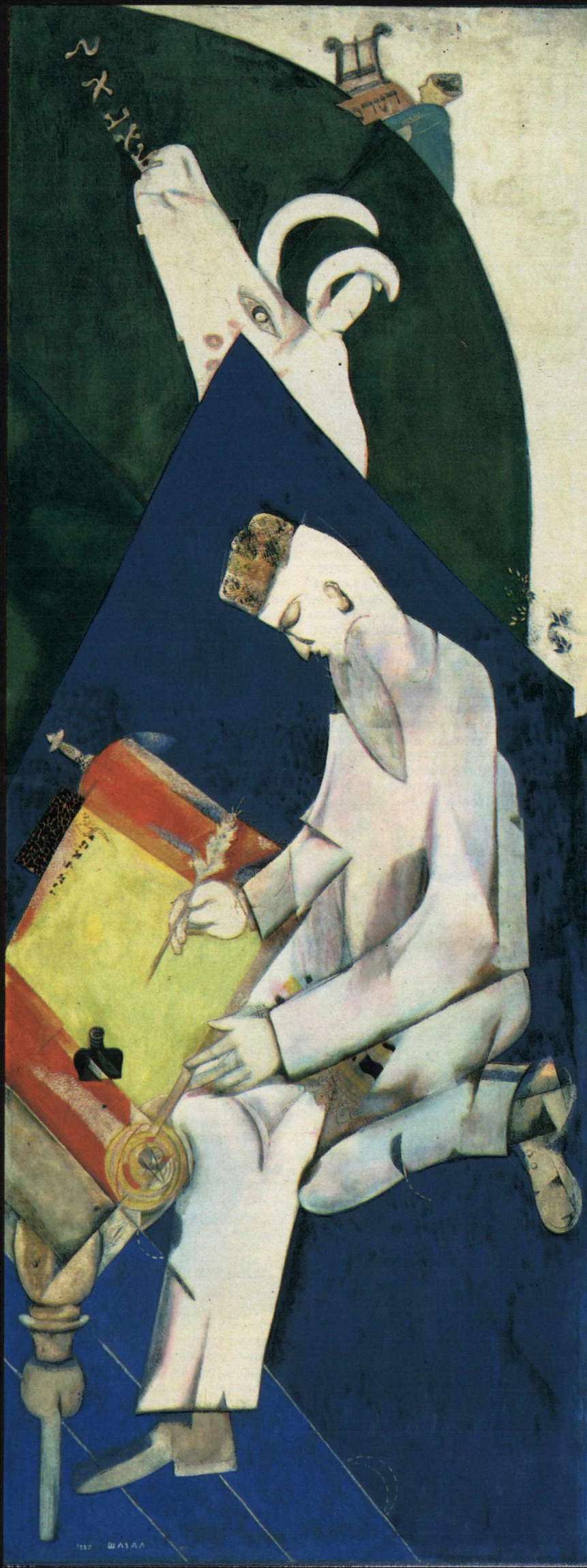

Фрагмент декорации
«СВАДЕБНЫЙ СТОЛ»

Панно декораций
«МУЗЫКА»
«ТАНЕЦ»

Панно декораций
«ЛИТЕРАТУРА»
«ТЕАТР»

Фрагменты декорации
«ВВЕДЕНИЕ»

Илья ЦЕНЦИПЕР

Читатели, не удивляйтесь, что статья эта напечатана на черно-белых страницах «Огонька» вместо цветной вкладки. Дело не только в цвете или отсутствии его: просто — увя! — искусство фотографии существует на периферии нашего художественного мира и внимания публики.

Художник-фотограф — что-то неопределенное, промежуточное, как само это неуклюжее слово. Он не фотограф — нечто большее, чем приложение к камере, изготовитель карточек на паспорт и на случай, чьи изображения не имеют никакого прикладного значения, не сообщают никаких фактов. Он и не художник, он — человек-с-фотоаппаратом, чьи работы не объясняются, не описываются, не выставляются, не видятся, не продолжают традиций. Он любитель, будь он даже профессионалом.

Фотография у нас отсутствует, хотя существует и даже имеет где-то успех. Это беззвучие, кажется, увлекло Ирину Пиганову, сделавшую первую выставку открывшейся в Центре современного искусства фотогалереи «Школа». Выставка называлась «Реплика».

- Писатель?
- Пушкин.
- Фрукт?
- Яблоко.
- Авангардный фотограф?
- Родченко.

Сказать «яблоко» — все равно что ничего не сказать. Показать хрестоматийные фотографии Александра Родченко — все равно что ничего не показы-

и цинизма, эстетского упоения вульгарностью и вульгарного — эстетизмом, любви и презрения к модели. По рассказам, Бахарев много лет работал фотографом в заурядном фотоателье, зарабатывая на жизнь лакировкой провинциальной повседневности. Его искусство — своего рода брак этой основной работы.

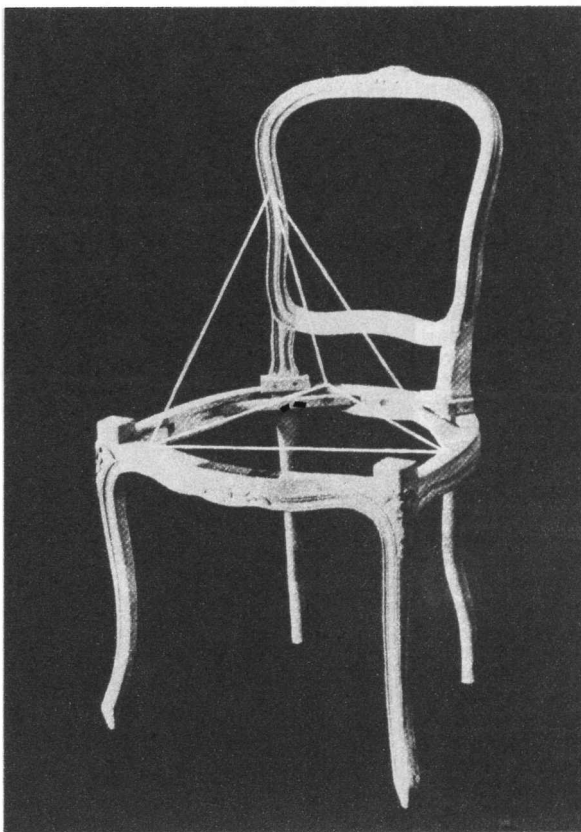
Первая же виденная мною фотография интригует: тахта, ковер с тиграми, олеографическая собачка; с тахты изпод «халатика» рыхлыми кусками торчит девушка, местами упакованная в чулок крупной клетки, со сладостно-тупым взглядом чудовищно накрашенных глаз. Тоскливо имитированная похоть — незамысловатый эрзац соблазнительности, и сбоку — самое трогательное: тщательно выстроенный по канонам рекламной фотографии из заграничного журнала натюрморт. На месте «Кампари» — аккуратно развернутая этикеткой на зрителя бутылка «Каберне», на месте розы — гвоздичка.

Как соц-арт исследовал сознание времен идеологии, искусство Бахарева занимается низовой культурой времен краха идеологии. До неузнаваемости искажая стереотипы западной массовой культуры, послеидеологическое сознание превращает индустриально отчужденные, упакованные с лощеным профессионализмом образы Рах Америса во что-то очень родное, самодельно-недоделанное, слободское, сырое. Фотография должна запечатлеть реальность должествующую, идеальную — герои Бахарева воспроизводят позы с рекламы никогда не нюханных французских духов, фотографий чемпионов культиуризма и подружек месяца из порножурналов.

Как немногие из советских художни-

Николай Бахарев.
Цикл «Типаж».
№ 6.

Мария Серебрякова.
«Геометрия».

Конец века: обзоры художественных выставок

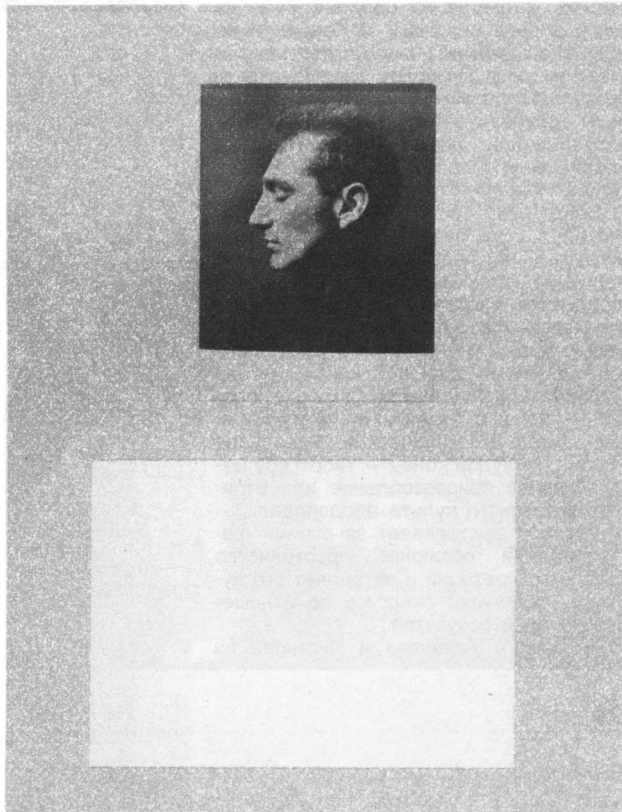
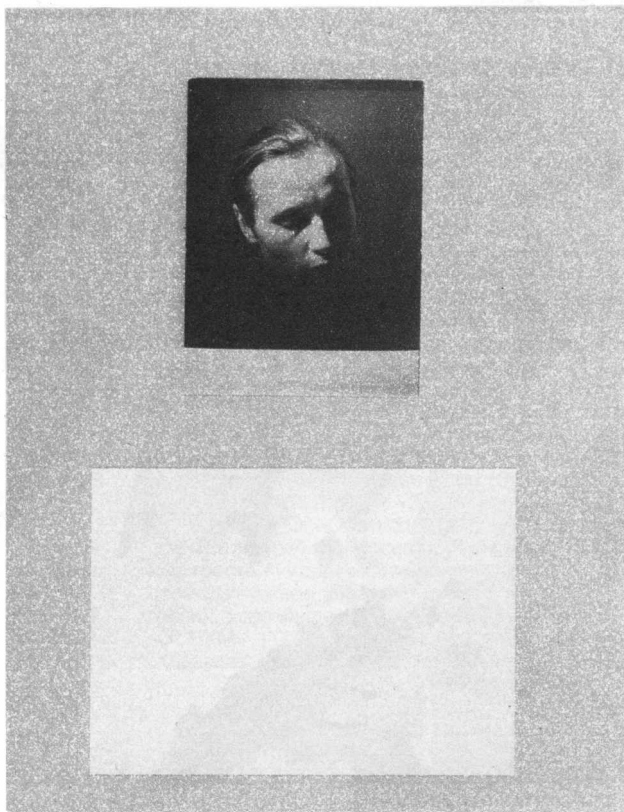
РОД, ЧИСЛО, ПАДЕЖ

вать. Несколько обалдевшая после ночной уборки и мытья полов Ира Пиганова открывала свою галерею в совершенно пустом пространстве, хотя на стенах Родченко перемежался с увеличенными кадрами из «Человека с киноаппаратом» и «Киноглаза» Дзиги Вертова. Собравшимся было предъявлено место фотографии.

Это место лучше всего подходит, как мне кажется, для группы «Непосредственная фотография» и близких ей авторов — советских и иностранных. Мне нравится название «Непосредственная фотография», ничего не подразумевающее сегодня, кроме недлинного перечня имен — самоназвание круга фотографов, объединенных не буквально эстетическими пристрастиями, а способом понимать фотографию.

Рассказывать обо всех представителях этого круга здесь нет возможности. Я выбрал двоих — хорошо известного Илью Пиганова и Николая Бахарева, «открытого» совсем недавно.

Новокузнецкого фотографа Бахарева я никогда не видел. Характер Бахарева представляет для меня совершенную загадку — странная смесь простодушия

Илья Пиганов.
Без названия.

ПарКультуры

других фотографов круга «Школы», поскольку они в наибольшей степени выламываются из основных тенденций сегодняшнего советского искусства. Совершенно несходные, оба они ощущают необъятность возможностей фотографии. Род, число, падеж — строятся языки фотографии, которые, думаю, могут оказать мощное обратное воздействие на собственно изобразительное искусство.

Нет возможности говорить о других фотографах, которых собирается представлять «Школа»: классике соц-арта Борисе Михайлове, Марии Серебряковой, Юрии Бабиче, Владимире Купрянове и других...

Напоследок стоит сказать, что «Школа» открывается в нужном месте и в нужное время. Если институты мирового художественного процесса давно устоялись, то фотомир еще только формируется — со своей географией и своими иерархиями. Крупнейшие музеи один за другим открывают собрания фотографий (года два назад, например, фотографию стал собирать музей Гетти, самый богатый из новых американских музеев, до этого ограничивавшийся только старыми мастерами). У «Школы», созданной не для извлечения прибыли, есть хорошие шансы получить заметное место в этом мире.

Николай Бахарев.
Цикл
«Фото на заказ».
№ 9.

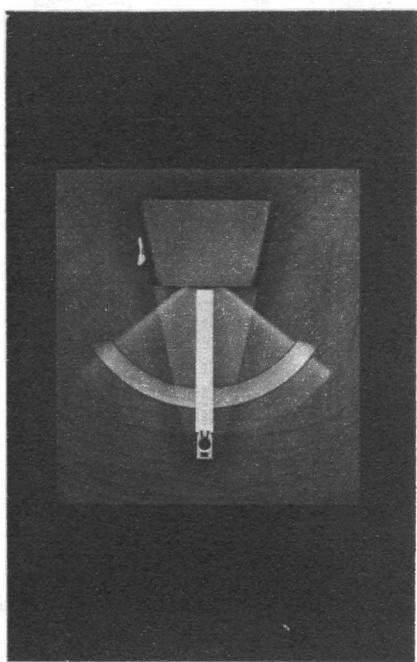
ков, Бахарев равен самому себе, своей социальной роли, своему миру. Его лирический герой — портретист из ателье, пробуждающий в своих моделях неожиданный нарциссизм, одновременно отстраненно наблюдающий, страстно желающий и исполненный презрения к провинциальным типам. Бахарев смешивает воедино психологизм портрета, жестокость репортажа, музыкальный слух ко времени, к движению культуры, сдвигая вдруг эту смесь то гомозотическими, то лубочными мотивами. Что стоит за его фотографией — святая простота или изощренная рефлексия, убийственная ирония или «полный серьез», — я не могу понять.

В наилучшей степени название «Непосредственная фотография» подходит к работам Ильи Пиганова. Они отмечены редким у нас стремлением к пластическому совершенству, достигаемому минимальными средствами. Подобно другим художникам этого круга, Пиганов не избежал воздействия концептуализма, однако пафос его образующих циклы фотографий совершенно противоположен. Не невозможность говорить что-то, кроме «я не могу, не могу, не могу ничего сказать», а безразличие к высказыванию. Илья Пиганов вырывает из леса символов самый заурядный объект, чтобы показать его напоем тонкой чувственностью и сверхъестественной реальностью и затем вновь занумеровать, поместить в контекст, подвергнуть обсуждению.

Зайдя раз в гости к Пигановым, я заметил в углу мерзкую пластмассовую кеглю и неожиданно признал в ней один из трех одинаковых странных предметов, изображенных на старой пигановской фотографии. На маленьком квадратном снимке кегля эта казалась сделанной из слоновой кости, матово отсвечивала в сумерках. Вам бы в голову не пришло назвать ее «кеглей» — это была платоническая идеальная форма, на худой конец — тибетское медитативное приспособление или атрибут ацтекского культа плодородия...

Пиганов выстраивает за своими фотографиями обширное пространство для интерпретаций и оставляет его пустым, лишенным скепсиса по отношению к идее искусства.

Я выбрал Бахарева и Пиганова из

Алексей Шульгин.
Из серии
«Чужие фотографии».

Владислав Ефимов.
«Метроном».

Борис Михайлов.
Из серии
«Лурики».

ОГОНЕК АНТИСПИД

Благотворительный рублевый счет
Фонда «ОГОНЕК» — АнтиСПИД — 700645
в ОПЕРУ правления Жилсоцбанка СССР

«АНТИСПИД» БЛАГОДАРИТ

Мы благодарим всех, кто проявил заботу о жизни и здоровье наших детей, кто прислал медицинское оборудование для больниц, одноразовые инструменты, перчатки, стерилизаторы.

Друзья! С вашей помощью за год своего существования Фонд получил и передал в детские больницы страны жизненно важное медицинское оборудование общей стоимостью примерно 5 миллионов долларов.

Благодаря неоценимой помощи фирмы «Машсырьеимпекс» ВВО «Техноэкспорт» Фонд получил по контракту за рубли и передал в организации «Медтехника» разных республик по госцене 16 миллионов одноразовых шприцев (примерная стоимость 800 тысяч долларов).

Благодаря заботе наших зарубежных друзей Фонд смог передать детям, инфицированным вирусом иммунодефицита человека, подарки с одеждой, продуктами питания, сладостями.

Благодарим и вас, дорогие соотечественники! Вы перечисляете деньги на наш благотворительный счет. Это позволяет Фонду выплачивать ежемесячные пособия всем инфицированным детям. С октября по июнь 1991 года выплачено пособий на сумму 200 тысяч рублей.

Сейчас трудно жить всем нам. Трудно растить детей. Но как быть матери, на руках у которой кроха, ни за что ни про что зараженная смертельной болезнью в больнице, нуждающаяся в лечении, в хорошем питании? Когда от наличия витаминов и необходимых лекарств зависит, сколько еще проживет ребенок...

В связи с повышением цен мы хотим увеличить ежемесячное пособие со 100 до 300 рублей. Но помочь нам в этом можете только вы!

Благотворительный валютный счет —
70000015 во Внешэкономбанке СССР

«Убедительно просим передать большую благодарность коллективу Благотворительного Фонда «ОГОНЕК» — АнтиСПИД за материальную помощь — деньги и подарки нашим детям, инфицированным вирусом СПИДа. Большую благодарность выражаем бухгалтеру Фонда Людмиле Дмитриевне Шуляк за ее доброжелательность, внимание и заботу к нам и нашим детям. Мы просим опубликовать нашу благодарность в журнале «Огонек» и надеемся на вашу помощь в дальнейшем.

С уважением, матери детей, инфицированных вирусом СПИДа».

ХРОНИКА ПОЖЕРТВОВАНИЙ

Фирма «Хьюлетт Паккард» — 5 мониторов для реанимационной палаты (примерная стоимость 75 тысяч долларов).

8 мая во 2-й клинической инфекционной больнице г. Москвы состоялась торжественная передача мониторов реанимационному отделению больницы. В церемонии принимали участие 1-й вице-президент фирмы «Хьюлетт Паккард» Франко Мориотти, глава представительства фирмы в СССР Адольф Польстерер, директор по маркетингу советского представительства фирмы В. П. Воропаев, консультант по медицинскому оборудованию В. Е. Ревенко, представители Минздрава СССР, Минздрава РСФСР, Моссовета, руководства больницы № 2, Фонда «ОГОНЕК» — АнтиСПИД».

Одноразовые иглы от японской газеты «Секай Ниппо» распределены так: 200 тысяч игл переданы в областную детскую больницу г. Ростова-на-Дону, 200 тысяч игл — в областную детскую больницу г. Волгограда, 40 тысяч игл — в Орехово-Зуевский роддом.

15 марта 1991 г. состоялась церемония передачи президентом Международного женского клуба г-жой Эмилией Харон и членами Клуба в дар Фонду «ОГОНЕК» — АнтиСПИД партии одноразовых шприцев, игл, перчаток и презервативов.

Жители г. Бад Мюнстерайфель (ФРГ) через своих представителей — фрау Г. Арентс и фрау Х. Хахенберг, а также при содействии и помощи сотрудника посольства ФРГ в Москве Фрауке Хартманн передали Фонду в дар для родильного дома г. Воскресенска (Московская область) 69 тысяч одноразовых шприцев, 114 тысяч игл, 1100 штук одноразовых систем для переливания крови и 2000 игл к ним, 230 катетеров, 620 детских игл, вату, марлю, дезинфицирующие средства, детское питание, медикаменты, продукты и т. д.

Американская компания «Symantec» — признанный в мире лидер по производству программного обеспечения для компьютерных систем IBM и Apple Macintosh — начала поставку в нашу страну шести своих наиболее популярных программных продуктов. Предлагая новую технологию советским пользователям, «Symantec» присоединяется к международным акциям в помощь экономической реформе в СССР. Часть доходов от распространения продукции в СССР компания планирует расходовать на благотворительные цели. Десять рублей с каждой проданной версии программ будут направляться на благотворительный счет Фонда «ОГОНЕК» — АнтиСПИД для финансирования закупок одноразового медицинского оборудования. А пока «Symantec» совместно с «Disney Organization» передала Фонду для детей, инфицированных ВИЧ, 173 подарка.

Французская фирма «Септодонт» (коммерческий директор М. Фруассар) подарила Фонду дезинфицирующие средства для стоматолога. Они переданы во 2-ю клиническую инфекционную больницу г. Москвы врачу-стоматологу.

Благодарим малое предприятие «СПРИНТ», внесшее свой вклад в борьбу со СПИДом в СССР. «СПРИНТ» перевел четыре подаренных Фонду видеофильма о СПИДе с английского, немецкого и датского языков.

«СПРИНТ» выполняет все виды переводов с иностранных языков, вводит текст на дискеты, подготавливает оригинал-макеты, рекламные материалы (контактные телефоны в Москве: 200-08-61, 200-17-01).

2 апреля в кинотеатре «Зарядье» прошла презентация художественного документального фильма режиссера С. Баранова «Острые СПИД». Право на прокат фильма принадлежит Фонду «ОГОНЕК» — АнтиСПИД».

Благодарим всех, кто принял участие в благотворительной концертной программе. Это кинодраматург Виктор Мережко, актеры Александр Филиппенко, Никита Джигурда, певица Валентина Пономарева и детский хор Дворца культуры ЗИЛ. В фойе прошла выставка «Плакаты против СПИДа» с участием художника Алексея Резаева, демонстрация видеоклипов, предоставленных Фонду Советским Красным Крестом. Благотворительную продажу презервативов осуществляли учащиеся техникума советской торговли.

Благодарим за бесплатную рекламу фильма и презентации редакции телепередач «Свободный полет», «120 минут», «Добрый вечер, Москва!», «ВИД», «ТСН», редакции газет «Досуг в Москве», «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Медицинская газета» и другие, а также РИК Московского метрополитена.

А. Шпигель (США) — посылка с детской одеждой для Ирошки и Олежки — детей, инфицированных ВИЧ.

Благотворительная премьера фильма «Унесенные ветром» в кинотеатре «Октябрь» — 50 тысяч рублей на счет Фонда.

Благодарим всех вас — Герман Андреев (ФРГ), Комитет помощи и сотрудничества за перестройку мира (Япония), Голомазова Н. Е. (Ленинград), Франтов Э. С. (Москва), Левин А. И. (Москва), Федоров А. Н. (Москва), Ивашков Н. И. (Москва), Смирнов В. И. (Москва), А. Браун (США), Серегин Ю. Д. (Москва), Христин В. В. (Таганрог), Белый В. В. (Москва), Воинский (Москва), Разнадраска Мавонариндра (Мадагаскар), Леонардо Мартинес (Боливия), совместное советско-швейцарское предприятие «Интермедтрест» (Москва), В/О «Внешспыслторг», Загреддинов Р. В. (Казань), Григорьев А. В. (Москва), СП «Атлант» (Москва), Маузу Дорен (Конго), Мезец Т. В. (Ленинград), Бискэ Н. С. (Петрозаводск), Каминский А. Г. (Сумы-7), Андреев Б. А. (Москва), Гелимсон Л. Г. (Сумы-24), Каринцев И. Б. (Сумы-24), Левитин М. Е. (Ленинград), ФСП «Развитие» (Москва), Успенский Э. Н., В/О «Совэкспортфильм» (Москва), Минэлектротехприбор (Москва), Липецкое спецуправление треста «Гидромеханализация» (Липецк), Дальнегорское монтажное управление треста «ПТМ» (Дальнегорск), хозрасчетный строительный участок треста «ЗСНХМ» (Тобольск), НПК «ЭМИ» (Москва), Ухин (Харьков), институт «Южгипроруда» (Харьков).

ДМУС-3 треста «Таджиксантехмонтаж» (Душанбе), институт «ПечорНИПИнефть» (Ухта), Ярославское монтажное спецуправление треста «Верхневолга-промвентилиация», управление механизации № 256 (Харьков), управление «Промбурвод» (Краснодар), БелОМО (Минск), огнеупорный завод «Новомосковский» (Тульская обл.), творческий коллектив «Внедрение» НПК «Машиностроитель» (Краснодар), Куйбышевское монтажное управление треста «ЦМА» (Куйбышев), Украинский научно-исследовательский институт земледелия (Киев), КИВЦ (Ташкент), институт «Гипростроймаш» (Москва), Укргипромез (Днепропетровск), Прибалтийское МУ треста «Коксхиммонтаж» (Таллинн), завод металлоконструкций (Джамбул), Московская государственная филармония, Махачкалинское ТП № 1, Бендерский мясокомбинат, работники отделения Сбербанка № 1882 (Тихвин), добровольное общество любителей книги (Ленинград), ЦНИИпроект (Москва), Ленинградский комбинат цветной печати, Володин А. М. (гонорар за книгу «Одноместный трамвай»), Союз композиторов СССР, Российский республиканский банк Госбанка СССР, МНПК «Милисо» (Свердловск), Ибская церковь (г. Вильгорт, Коми ССР), Слонимский А. В. (Москва), НПК «Машиностроитель» (Краснодар), строительный кооператив «Подкумок» (станция Эссентукская), «Центрпрограммистов» (Тверь), ЛСМУС НПО «Тепломонтаж» (Ленинград), Майдуров А. Г. (Норильск), Ныров В. Е. (Москва), трест «Союзкислородмонтаж», Культурный центр на Петровских линиях (Москва).

Фонд «ОГОНЕК» — АнтиСПИД» организовал свою первую просветительскую экспедицию: группа медиков и социологов, сотрудников недавно сформированного Института социальной профилактики СПИДа выехала на месяц в г. Шахты, где была зафиксирована вспышка СПИДа. Специалисты изучили общественное мнение и информированность населения об источниках и причинах заболевания СПИДом, провели просветительскую работу. Для медперсонала больницы г. Шахты прочитаны лекции по профилактике СПИДа, соблюдению эпидемиологического режима.

Программа экспедиции полностью финансируется Фондом «ОГОНЕК» — АнтиСПИД».

Центр разработки, выпуска и эксплуатации лазерной медицинской техники «АСТР» представляет новый уникальный прибор — «лазерный перфоратор для забора крови». Новый метод бесконтактного нанесения микрораны кожных покровов для лабораторного исследования крови исключит заражение СПИДом и другими инфекционными заболеваниями. Доступная цена и надежность прибора позволяют широко использовать его в условиях больниц, поликлиник, диагностических центров и передвижных диагностических лабораторий. Аппарат разработан в Институте общей физики Академии наук СССР при участии центра «АСТР» МЗ РСФСР. По всем интересующим вопросам просим обращаться по адресу: Москва, 121059, абонентный ящик № 58, Центр «АСТР». Справки по телефону: 283-80-46.

Фонд «ОГОНЕК» — АнтиСПИД» провел Всесоюзный конкурс «Плакаты против СПИДа». В результате удалось собрать уникальную коллекцию из 50 плакатов. Лучшие из них, конечно, должны быть изданы массовым тиражом и начать «работать» — разойтись по стране: по вузам, школам, поликлиникам... Но нынешние цены на бумагу не позволяют Фонду в одиночку издавать плакаты. Поэтому мы обращаемся ко всем организациям, желающим бороться со СПИДом: вы можете стать соиздателем лучших антиспидовских плакатов и заодно получить рекламу, ведь эмблема вашей организации будет помещена на плакатах.

Ждем ваших предложений. Телефоны: 245-28-80, 246-44-13.

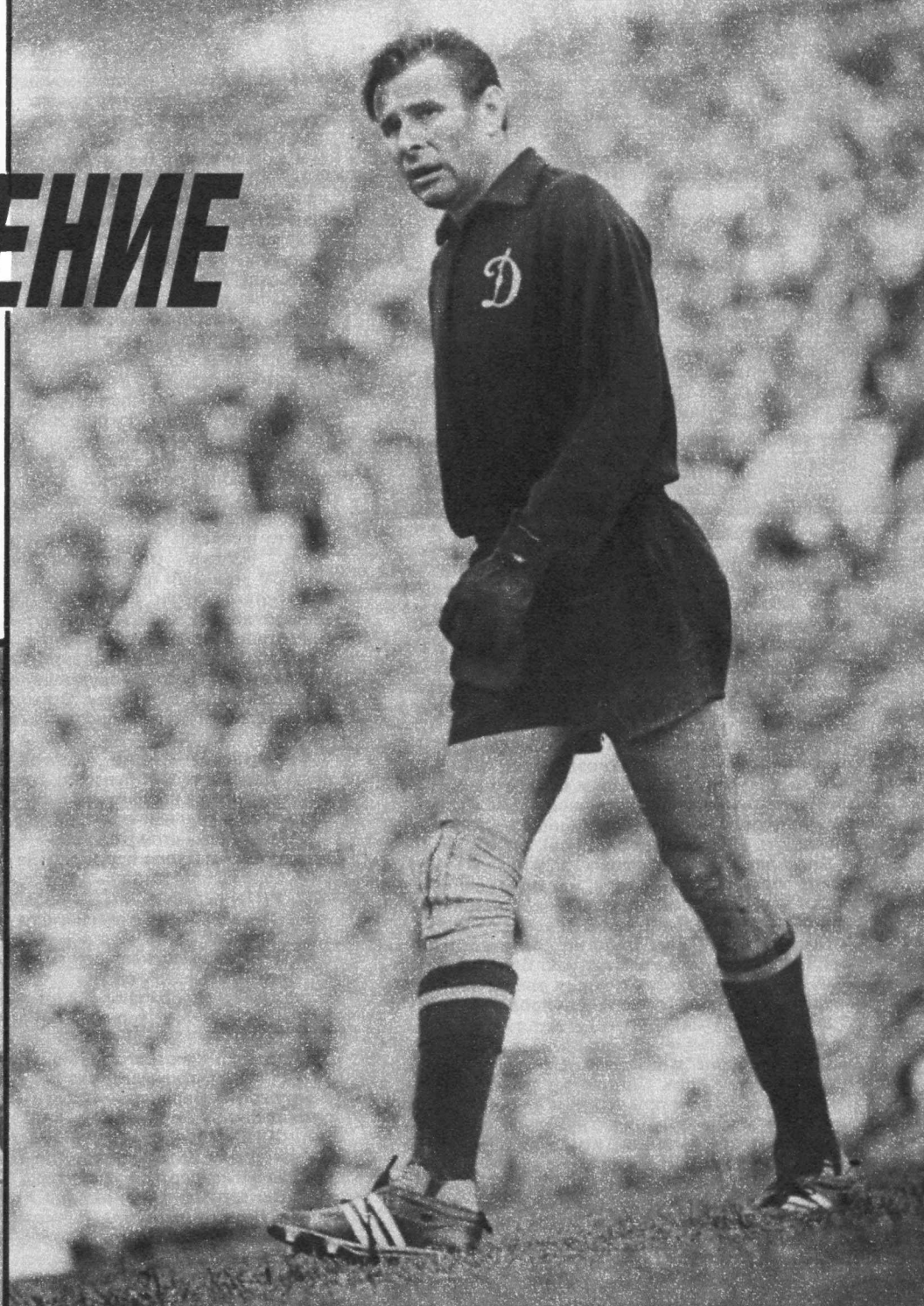
30 мая 1991 г. в редакции журнала «Огонек» состоялась торжественная церемония — исполняющий обязанности генерального консула государства Израиль господин Даниэль Мэгидо и пресс-атташе консульства Иосиф Бен-Дор передали в дар Фонду «ОГОНЕК» — АнтиСПИД» 5 тысяч одноразовых шприцев. Вся партия передана в роддом г. Орехово-Зуево.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЛЕГЕНДЕ

Сергей МИКУЛИК
Фото Анатолия БОЧИНИНА

Играют «звезды». Именно играют — не работают. Хотя в наших правилах было наделять их такими, бесспорно, нужными качествами, как работоспособность, терпение, умение что-то сделать через «не могу». Бойцовский, любили мы говорить, характер. Но разве на одном характере сыграть?

Кто, скажите мне, смог когда-нибудь на характере, одном характере, выиграть партию в шахматы, нарисовать картину или сыграть на скрипке? Сначала, наверное, идет все-таки талант.

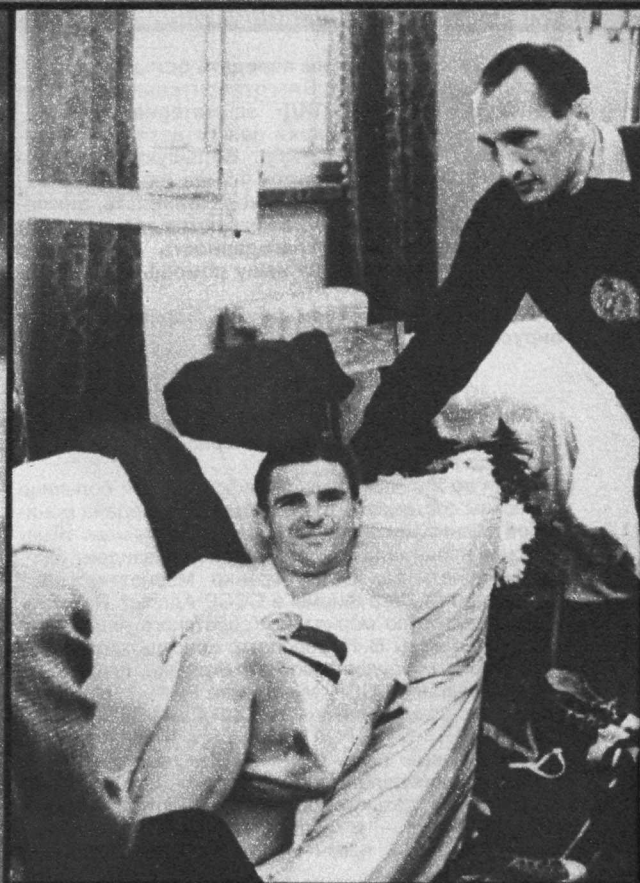
Вот за талант мы их и любим (язык не поворачивается говорить о Яшине, Стрельцове, Воронине в прошедшем времени). За их простоту и необъяснимость.

А бойцы они, конечно, что надо. Вы посмотрите, как уводят с поля Факетти. Игра в мяч на стриженном газоне — и кровавая битва. Но прежде все-таки игра.

А вот уходит Пеле. Это в Лужниках, в 65-м. Он сделал свое дело — разорвал нашу сборную — и теперь уходит. А вы играйте, как умеете. Он ушел тогда с поля, и с ним будто ушел футбол.

Еще через шесть лет с того же поля будет уходить Яшин. Но только уже навсегда. А стотысячный стадион будет стоять и вытирать слезы. Смотрите, кто ушел.

Божик, Пушкаш — люди из легенды. Веселые и беззаботные, как сам

футбол в их исполнении. И красивые. Как сама игра.

Эйсебио и Бобби Чарльтон. Постаревшие джентльмены. «Не желаете ли пробить пенальти, сэр?» — «Нет, ну что вы — это же с вами обошлись столь невежливо...» Матч, правда, выставочный, к тому же ветеранский. Но футбол-то всамделишный, как и сами изысканные манеры, — великих маэстро игры всегда отличало непоказное благородство.

И — болью в сердце — Стрельцов с Ворониным. Сейчас один из них зашнурует бутсу и шагнет на поле, где он будет великим Стрельцовым. Ему бы там и оставаться, но футбол ведь это еще не вся жизнь, и приходится иногда возвращаться за бровку. А за кромкой поля Стрельцов будет беззащитен. Все отмеренные ему судьбой пятьдесят три года.

Воронину она наворожит еще меньше. И будет последовательной в исполнении своего приговора. Когда он покинет поле, никто и никогда не подарит ему больше цветов. Только уже на могилу.

Они принадлежат всему миру — «звезды». И до сих пор не померкли их имена: Пеле, Факетти, Эйсебио, Чарльтон, Пушкаш, Божик... Они и сейчас на виду, они и сегодня преуспевают — талантливые люди талантливы во всем.

Но мы-то, почему мы своих не убеждали?

Воронин, Яшин, Стрельцов...

В ГОСУДАРСТВЕ СВЯТОГО ПЕТРА

Александр НЕЖНЫЙ

Рим, чьи холмы, катакомбы и базилики сберегли нам драгоценнейшее из преданий истории; Рим, торжественно несущий прекрасное бремя своего прошлого; Рим, утвердивший в самом центре своем Престол святого первоверховного апостола Петра и в его славу воздвигнувший на Ватиканском холме грандиознейший из всех христианских храмов; Рим, вторая родина христианства, своими святынями напоминает о тех временах, когда Церковь еще не была раздрана на части.

СОБОР И ЯСЛИ

Я жил в коллегии по названию Руссикум, неподалеку от собора Святой Марии «Великой» («Маджоре») и в тихую пору раннего утра или позднего вечера слышал внятный бой его часов, отмеряющих четверти. На площади перед собором высилась колонна с фигурой Богоматери на вершине. Мария держала на руках младенца Христа, и можно было подумать, что Она показывает Ему вечный город во всех его временах и ликах: от кровавых утех Нерона до туристов из СССР, бережно прижимающих к груди только что купленные двухкассетники. (Руссикум дает стол и кров преимущественно священнослужителям, изучающим в разных университетах Рима восточную — православную или греко-католическую — Церковь. Здесь, кроме того, преподают литургику. Занимается этим вице-ректор Руссикума, падре Людовико Пихлер, большой знаток и ценитель православного пения. В течение двух недель он был моим поводырем по Ватикану, и я успел узнать и полюбить этого семидесятилетнего священника, иезуита, и убедиться, что вера его глубока и чиста, как слеза ребенка.)

А в соборе — Боже мой, какие противоречивые чувства бушуют тебя, когда, предположим, ты стоишь, будто

бесным, под высочайшим куполом вблизи роскошной сени, опирающейся на четыре порфировых столба, перевитых пальмовыми ветвями из позолоченной бронзы... Под сенью — алтарь; а внизу, под ним, еще алтарь, к которому ведут две мраморные лестницы и возле которого горят пять неугасимых лампад. Там, в нижнем приделе, хранятся некогда доставленные в Рим ясли (или доски, из которых они были сбиты) — будто бы те самые, послужившие первым ложем для младенца Христа. Об их подлинности спорят. Однако предание уже произнесло над ними свое слово, и вне зависимости от действительного своего происхождения они обрели высшую достоверность, несомненную подлинность и священный смысл. Ибо вера есть величайшая реальность, самое яркое проявление жизни и твердое свидетельство нашего Богосыновства. И что бы такое были сегодня мы все (в том числе совершенно и ни во что не верующие), если бы не было вертепа, яслей, Матери и Младенца?

А когда, наконец, ты приходишь на площадь Святого Петра, с двух сторон охваченную полукруглой колоннадой, а с третьей закрытой огромным объемом собора; когда ты переступаешь его порог и душа твоя трепещет и обмирает от священного ужаса; когда ты ловишь себя на желании упасть вниз лицом — как Аврам перед Богом при заключении завета — и лежать, не поднимая головы и ожидая последнего слова о себе самом; и когда, очутившись под куполом, величественным, словно небо — под куполом, — где-то далеко внизу ты с изумлением видишь составленные из крошечных человечков цепочки, цепочку красную и цепочку белую,двигающиеся к главному алтарю. — то постепенно в твою голову начинает закрадываться мысль, что ты почти постиг тайну католичества. Под таким куполом вполне можно обратиться, смятенно думаешь ты, меж тем как снизу медленно поднимаются ввысь тягучие звуки органа. Ты вдруг ощущаешь, что если твое тело

здесь, на балюстраде, возле мозаичных херувимов, то душа уплыла вместе с густой волной хора и сейчас парит посреди собора между мраморным полом и сводом купола, над гробницей с мощами святого апостола Петра и бело-мраморной Богоматерью, оплакивающей лежащего у Нее на коленях бело-мраморного Христа.

Человек велик деятельной любовью к Богу — так объясняет католичество торжественным языком своих соборов. Человечество едино во Христе — так говорит католичество и приводит тебя на купол Святого Петра, и, вознесенный на чудную высоту, с холодеющим сердцем ты видишь целый мир в облике Рима, со всех сторон света стекающий к подножию Ватиканского холма, чтобы соединиться в соборе первоверховного апостола и камня, на котором основан Христос свою Церковь.

Но распря Церквей, их противостояние, которому почти тысяча лет и которому в обозримом будущем не видно конца, великий раскол, на две части разбивший христианство. — неужто это всего лишь догматические счеты, обрядовые споры, домогательства первенства, равно неуступчивые с обеих сторон? Все так: есть существеннейшее для религиозного сознания различие в догматах (католики, к примеру, полагают, что Богородица была зачата так же непорочно, как и Иисус Христос; они, кроме того, утверждают, что Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына, и убеждены в непогрешимости папы, когда он рассуждает о вере), есть разница в обрядах (для православных совершенно невозможная вещь — не причащаться Крови Христовой, что между тем обычно для католиков, довольствующихся одним лишь Телом), есть нежелание Восточных Церквей признать притязания папы на роль главы всех христиан... Все это, повторяю, есть; однако раскол был бы, вероятно, куда менее трагичен, если бы его с давних пор не усугубляли национально-политические страсти. Русская история в этом смысле — во многом история обороны от

католичества, пытавшегося воспользоваться мечом для религиозного завоевания России. (Смутное время в Русском государстве в начале семнадцатого века тому самый яркий пример.)

Что было — то было. Однако если глядеть на сегодняшний день исключительно сквозь призму прошлого, то немудрено увидеть врага там, где давно уже стоит человек с дружелюбно протянутой рукой.

...Не оставляла меня, правда, одна мысль, как я ни гнал ее прочь, находя совершенно неуместной среди окружающего великолепия. Собор Святого Петра, время от времени думал я, настолько грандиозен, что грешнику, должно быть, непросто найти тут Христа и что кипящая в груди молитва стесняется прекрасного мрамора. Быть может, дело всего лишь в моей привычке к православному храму, в котором беспрепятственно оттаивает, плачет душа; а может быть, — в допущенном здесь нарушении меры, необходимой для нашего согласного, полного и целительного общения с Богом.

ОБРАЗ ВАТИКАНА

Мы с падре Людовико исправно посещали различные конгрегации, советы и префектуры (кроме того, библиотеку, музей и Радио Ватикана), где нас принимали ответственные миряне и еще более ответственные духовные лица разного сана, среди которых были два кардинала и один епископ, впрочем, твердо уверенный, что на его голове скоро появится кардинальская митра. Все это были, как правило, люди замечательно образованные, любезные и снисходительные, что помогало мне — особенно на первых порах — пережить великолепие занимаемых ими апартаментов, картины в тяжелых рамах, портреты, с которых сурово глядели на меня кардиналы и папы, давно окончившие свой земной путь, а также безукоризненно вежливых привратников, секретарей и помощников, встречавших и провожавших нас с падре. Из наших бесед худо-бедно, но все-таки возникал образ Ватикана — единственный в своем роде образ государства-церкви, высшее религиозное назначение которого не может быть осуществлено без повседневной практической работы.

Вот, к примеру, миссионерство — дело, заповеданное воскресшим Христом апостолам: «...идите во всемир и проповедуйте Евангелие всей твари». В Ватикане считают (так по крайней мере сказал мне кардинал Иозеф Томко в конгрегации распространения веры), что можно построить сколько угодно церквей, но без духовного просвещения народа это будут просто-напросто здания для общественных собраний и ничего более. Миссионерская деятельность католичества направлена сегодня главным образом на страны «третьего мира» и, кроме того, на Северную Канаду, Аляску и Югославию, пережившую столетия турецкого господства. 937 епархий создано здесь (более трети всех епархий католической церкви), они занимаются евангелизацией и укреплением веры среди трех с половиной миллиардов человек. «Католические миссионеры, — сказал я, — появляются там, где традиционно сильны позиции ислама или какой-нибудь языческой религии. Значит, борьба?» «Нет, — ответил кардинал. — Диалог». «Диалог, чтобы переубедить?» «Нет, — снова сказал он. — Чтобы лучше понять и узнать друг друга».

Точно так поставлено и католическое образование: школы (для 50 миллионов учеников), семинарии, университеты по всему миру, причем — как цель и задача — с одинаковым уровнем обучения что в Риме, что где-нибудь в Латинской Америке; помогающие развивающимся странам; радиовещание, охватившее буквально весь мир (на ватиканском радио мессу служат и передают в эфир в том числе и по-китайски);

диалог с неверующими — везде видны отшлифованные столетиями привычка к труду, практичность и упорство.

И наконец: Ватикан умеет считать деньги.

Бюджет Святейшего Престола никак не связан с бюджетом государства Ватикана, который традиционно строится на равновесии между предполагаемыми на будущий год расходами и доходами от торговли продуктами питания, бензином, сигаретами, почтовыми марками и билетами в музей.

Префектуру, ведающую экономическими делами Святейшего Престола, не так давно возглавил кардинал Эдмунд Шока. Для него несомненно, что, поскольку божественная по своему происхождению Церковь существует в материальном мире, постольку она нуждается в средствах, которые бы позволили ей действовать в соответствии с ее предназначением. У Святейшего Престола три основных источника дохода. Недвижимая собственность Церкви (к примеру, здания, где живут служащие Ватикана); движимая: акции, облигации, ценные бумаги (значительная их часть была передана итальянским государством Ватикану по условиям конкордата, заключенного в 1929 году, когда Святейший Престол получил миллиард лир в ценных бумагах и примерно такую же сумму — в чеках¹) и добровольные пожертвования верующих, число которых во всем мире приближается к миллиарду².

РАЗГОВОРЫ В РУССИКУМЕ

Когда очередная беседа в Ватикане заканчивалась, мы с падре Людовико отправлялись домой, в Руссикум. Наступало время обеда, все собиравшись в большом зале с высокими окнами и очень хорошей православной живописью на стенах: Преображение Господа нашего Иисуса Христа и Богоматерь с Младенцем. Кто-нибудь читал молитву; чаще других это делал молодой немецкий священник, густой окладистой бородой которого могли позавидовать наши старообрядцы. Русским он владел пока неважно и читал, держа перед собой текст: «Отче наш...», или «Очи всех на Тя, Господи, уповают...», или «Спаси, Господи, люди твоя...». Благословлял трапезу обыкновенно отец ректор, Иоанн Лонг. «Христе Боже, — негромким своим голосом говорил он, — благослови ястие и питие рабам Твоим...» Не раньше и не позже той минуты, когда в трапезной звучал общий «аминь», распахивались двустворчатые двери, и вечно небритый Рафаэль вкатывал тележку, распространяющую вокруг дивное благоухание грибного супа и приправленных томатом спагетти.

Мало-помалу я знакомился с обитателями Руссикума. О. Лаврентий Доминик, американец украинского происхождения, с прекрасной русской речью, физик по первому образованию, руководил русской службой Радио Ватикана. Там же, на радио, в его литовской редакции, работал о. Викентий Пулинес, составитель потрясающей картотеки, которую он собирал долгие годы и в которой представлен весь клир и весь епископат Русской православной церкви. (Мы с ним однажды затеяли нечто вроде игры; я называл, например: «Николай Соколов»; о. Викентий, чуть покопавшись, извлекал нужную карточку и сообщал, когда тот был рукоположен во диаконы, когда — в священники. «Сейчас служит в храме на Ваганьковском кладбище в Москве».)

Кормил и поил Руссикум, а также чинил все, что могло сломаться, добрейший человек, дьякон Карл Подгор-

ник. Довольно часто я оказывался за одним столом с бывшим ректором Руссикума о. Иосифом Махой. Однажды он заметил (по своему обыкновению пощипывая бородку тонкими пальцами), что лет, наверное, уже десять Ватикан приглашает учиться сюда, в Руссикум, в другие коллегии и университеты Рима священников Русской православной церкви³. За все время, однако, откликнулось всего несколько человек. «Отчего?» — спросил он, и в голубых ясных глазах его вспыхнули веселые огоньки. Я пожал плечами: «Недоверие к латинству, имеющее, надо признать, серьезные основания в нашей истории. Другое дело, что сознание многих наших архиереев и клириков чрезвычайно трудно поддается переменам. В качестве ином мире они постоянно обнаруживают некие таинственные, но несомненные с их точки зрения подтверждения старых угроз». «Очень, очень жаль, — вступил в разговор падре Людовико. — Конечно, человек должен любить свою церковь. Я буду с недоверием относиться к тому, кто не любит свою церковь. Но почему надо отказываться от возможности учиться?»

ИЕЗУИТЫ В XX ВЕКЕ

Падре Людовико Пихлер, как я уже говорил, — член общества Иисуса, основанного Игнатием Лойолой в 1534 году. Руссикум принадлежит этому ордену, и я однажды сказал за столом, что никогда в жизни не бывал в столь плотном иезуитском окружении. Ректор добродушно улыбнулся, о. Иосиф Маха взглянул на меня с насмешливым сочувствием, а мой замечательный падре Людовико с самым серьезным видом кивнул головой, как бы принимая мои слова к сведению. Честно говоря, раньше при слове «иезуит» я всегда вспоминал маленького человека с физиономией бритой и редкостно безобразной, не лишнего, впрочем, положительных свойств, среди которых следует, наверное, прежде всего отметить интеллектуальное бесстрашие.

Его звали Нафта. Лео Нафта, он пытался вырвать из-под влияния гуманиста и масона Сеттембрини одного молодого человека. Непримиримые идейные разногласия привели иезуита и масона к барьеру, где Сеттембрини выстрелил в воздух, а Нафта пустил пулю себе в голову. Так распорядился его судьбой Томас Манн, быть может, самый глубокий писатель нашего столетия.

Должен, однако, сказать, что мои иезуиты если и напоминали чем-то Лео Нафту, то исключительно своей высокой образованностью. Падре Людовико, в юные годы всей душой ощутивший, что он призван Богом, и с тех самых пор ни на шаг не уклонившийся от избранного пути, учился четырнадцать лет: языкам, философии, богословию, музыке, а также духовному совершенствованию, в чем ему помогали специальные упражнения, разработанные Игнатием Лойолой. Хозяева Руссикума (по крайней мере внешне) вовсе не походили на классических иезуитов, которым — по их уставу — голову надлежало немного склонять, ни в коем случае «не свешивать ее на сторону», а глаз не поднимать; которые преуспели в казуистике и без стеснения приспособляли нравственность к обстоятельствам и которые восстановили против себя Европу до такой степени, что в 1773 году папа Климент XIV объявил орден уничтоженным повсеместно и навсегда. Россия, однако, решила, что папа ей не указ, и вплоть до 1820 года иезуиты превосходно чувствовали себя в Белоруссии, а в начале минувшего века их церковь и коллегиум появились даже

в Санкт-Петербурге. Иезуитские миссии были учреждены, кроме того, в Саратове, Астрахани, Одессе, Риге, Сибири и в Москве. Александр I указал обществу Иисусову на дверь — правда, как раз в то время, когда отношение Ватикана к иезуитам стало меняться в лучшую сторону.

Я попросил падре Людовико устроить мне встречу с иезуитским начальством, и он привел меня к ассистенту (иначе говоря — заместителю) генерала ордена, отцу Питтау. (Генерал, патер Иоанн Кольвенбах, в ту пору отбыл в Испанию, где в городе Лойола собралась конференция провинциалов.) О. Питтау оказался человеком неопределенного возраста, невысоким, довольно смуглым, в синем костюме, под которым была сорочка черного цвета с белой вставкой на воротнике, у горла, и с темно-карими блестящими глазами. Он трудился в Испании, Северной Америке, почти три десятка лет жил в Японии, где преподавал международное право в одном из университетов, а в 1981-м избранный генерал Иоанн Кольвенбах предложил ему принять обязанности ассистента по Италии и Азии. Общество Иисуса, сказал о. Питтау, насчитывает сегодня 25 тысяч человек⁴. Поскольку центр религиозной тяжести перемещается в третий мир, поскольку большая часть работы ордена совершается там. «В Индии, Индонезии, Африке, Латинской Америке, — отметил ассистент генерала, — мы наблюдаем быстрый рост христианства. И через двадцать лет картина тут будет совершенно иной».

Служа Господу и борясь с социальной несправедливостью, иезуиты нередко становились жертвами насилия и жестокости. В Сан-Сальвадоре, например, несколько лет назад были убиты ректор, вице-ректор и два профессора местного университета — все они принадлежали к обществу Иисуса. Скорбный список включает членов ордена, погибших в Колумбии, Боливии, Филиппинах... «Задача церкви, — продолжает о. Питтау, — сохранить в обществе высокое духовное напряжение. Это особенно важно сейчас для Европы и Соединенных Штатов, где материальный достаток в известной степени подрывает стремление человека к небу».

ПАПА РИМСКИЙ И ПРОМАШКА ВЕЛИКОГО УМА

На следующий день — это была среда — мы с падре Людовико отправились в Ватикан на аудиенцию к Его Святейшеству, папе Иоанну-Павлу II. Нам, в Руссикум, накануне доставлены были пригласительные билеты, и мы узнали, что наши с падре места в самом первом ряду. «Очень хорошо, — сказал падре. — Будет возможность поговорить с папой. Приготовьте вопрос».

Приехав к половине десятого утра на площадь Святого Петра, мы вошли в узкую улочку между собором и зданиями, расположенными слева от него, миновали первый пост швейцарских гвардейцев, одетых в свой пестрый, желтосине-красно-белый наряд, дополненный черным беретом и мечом у пояса, оставили позади распахнутые двери, еще один пост швейцарцев, вестибюль — и оказались в огромном, полого спускающемся к сцене зале, способном вместить тысячи, наверное, три народа. Он был уже почти полон — и, Боже мой, что тут творилось! Пробовал свою силу духовой оркестр, с которым явились на свидание с папой римские папологи, кажется, из Австрии, в другом конце слышалось пение, звучала разноречивая речь, и, ошеломленный всем этим, я пробирался вслед за падре к первому ряду, думая о том, что здесь поистине собрался весь мир. И точно:

через проход, позади инвалидов, прикативших сюда в своих блестящих никелевых поверхностях колясках, сидели японцы: мужчины в костюмах строгого покроя и женщины в ярких кимоно; еще дальше заметил я желтые одеяния и бритые головы буддистских монахов, а за нашими с падре спинами разместилась целая стая скуластых, смуглых, раскосых ребят — индейцев в черной форме семинаристов. Слева от нас, в углу, расположился еще один оркестр — на сей раз струнный, получивший, по словам падре, разрешение преподнести папе музыкальный подарок. На сцене, прямо перед собой, мы видели возвышение, на котором стояло предназначенное для папы кресло. А за ним почти всю стену занимал совершенно изумительный барельеф, изображающий Воскресение Христа. Он восставал из гроба, руки Его были воздаты, волосы развевались — и все вокруг Него было как бы наполнено могучим порывом ветра, возникшим из разрушения ада и победы над смертью. Неподалеку от нас я заметил двух мужчин лет сорока с крепкими шеями и широкими плечами. «Охрана?» — спросил я, указывая на них. Падре кивнул: «Да». «Что-нибудь изменилось после покушения Агджи?» «Ничего не изменилось, — сказал падре. — Все, как было». «И каждую среду папа встречается здесь с народом?» «Да, если он в Риме. Я много раз бывал на аудиенциях и все равно волнуясь. На меня всегда действует эта атмосфера красивая», — улыбнулся падре Пихлер и проговорил что-то еще, но последних его слов я не расслышал. Духовой оркестр грянул «Марш Радецкого», потом по залу пронесся шквал из аплодисментов и восторженного гудя — из-за кулис на сцену вышел Его Святейшество, папа римский Иоанн-Павел II.

Он был в белых одеждах, с небольшим золотым наперсным крестом и в белой тонзуре. Сильным ровным голосом папа стал читать по-итальянски послание верующим о своей последней поездке в Африку, откуда он вернулся несколько дней назад, и об апостольской деятельности в трех ее странах. Примерно тот же текст он читал затем на английском, французском, испанском, венгерском, словацком, немецком и японском языках. В коротких паузах кто-нибудь из епископов называл страну, откуда прибыли сюда папологи, — и американцы подтверждали свое присутствие криком и даже свистом, венгры пели, англичане крепко хлопали в ладони, французы размахивали флажками, и восторженно кричала «Вива, папа!» вся представленная здесь Латинская Америка... В огромном, как мир, зале не затерялась чета новобрачных. Папа благословил их и сказал: «Уповайте на Святую Богородицу и у Нее просите любви и терпения».

Затем он спустился в зал, подошел к инвалидам, поговорил с японцами (причем переводил ему вчерашний наш собеседник, о. Питтау) и по проходу двинулся в глубь зала, пожимая протянутые к нему руки, принимая цветы и улыбаясь. Минут через двадцать, завершая обход, он подойдет к нам с падре Людовико... И я у него спрошу, а он ответит. Было бы мне отпущено больше времени — я бы спросил у него, может быть, о великом инквизиторе Федора Михайловича Достоевского. (Да уж и о князе Мышкине заодно, объявившем католичество нехристианской верой.) Какой, должно быть, глубокой болью отзывался католическое сердце на почти девятистолетнего старца «с иссохшим лицом», заключившего Христа в темницу и обвинившего его в том, что он совратил людей свободой!

«Не ты ли так часто тогда говорил: «Хочу сделать вас свободными», — упрекает Христа великий инквизитор. «Но вот ты теперь увидел этих «свободных» людей», — прибавляет он «со вздучившей усмешкой», имея в виду, что жители Севильи шестнадцатого века безропотно отдали Христа в его руки. Между тем во всех четырех Еван-

¹ Капитал был разумно помещен в итальянские и зарубежные банки, и эти инвестиции приносили и приносят Церкви наиболее значительный доход.

² В 1988 г. все доходы Святейшего Престола составили 97,2 миллиарда лир. Расходы — 154 миллиарда. Дефицит был покрыт поступившими в течение года пожертвованиями.

³ Среди тех, кто воспользовался приглашением Ватикана, — настоятель одного из московских храмов, протоиерей Владимир Рожков. В Риме, в Папском Восточном институте, он получил степень доктора канонического права и издал там прекрасную историческую работу: «Церковные вопросы в Государственной думе».

⁴ Сто лет назад иезуитов было более 12 тысяч. В 1965-м — 36 тысяч. Уменьшение количества членов ордена в нынешнем столетии связано с общим кризисом католичества, из которого его вывел Второй Ватиканский собор.

гелиях слова «свободно, свободный, свободен» встречаются крайне редко (одна из последних Симфоний отмечает их всего трижды), а свой наиболее глубокий смысл получают в стихах 31 и 32 главы 8 Евангелия от Иоанна. Обращаясь к уверовавшим в Него иудеям, Христос говорит: «если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики и познаете истину и истина сделает вас свободными». То есть человек свободен настолько, насколько он действительно, по жизни, стал учеником Христа; свободен в меру своего приближения к истине. Если так понимать свободу (а понимать иначе — значит накликал на себя чуму революции), то мы и сегодня, на исходе двадцатого столетия, еще далеко не свободны.

Непреодолимое значение «Легенды о Великом Инквизиторе» — не в обвинении неправды католичества, а в этих вот, например, словах, буквальный смысл которых для нас сегодня не менее грозен, чем для Валтасара «мене, текел, упарсин», появившихся на стенах его дворца: «дай хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба».

Но, может быть, еще страшнее прямое признание Великого Инквизитора: «Мы давно уже не с тобою, а с ним, восемь веков».

Правда, что в истории католичества немало темных страниц. Правда, что в восьмом веке, сделавшись светскими государями, папы подорвали свой религиозно-нравственный авторитет. Правда, что инквизиция, все эти «Молоты ведьм», индульгенции и проч. — омерзительны. Правда, что наследниками Святого Петра оказывались люди, погрязшие в самых чудовищных пороках. Однако же утверждать, что это и есть католичество, — значит совершенно сознательно отдавать себя во власть глубочайшего религиозно-исторического заблуждения. Точно такая же ошибка — судить о Русской православной церкви по образу жизни и мысли почтенных митрополитов: Тульского Сергия, Ленинградского Иоанна, Воронежского Мефодия (что, кстати, делают некоторые публицисты, в чьем политизированном воображении Христовая Церковь предстает всего лишь одной из партий).

И атеизм, и коммунистическая идея, и революции — всем этим, если верить Достоевскому, чревато католичество. Все собаки в Риме зарыты. «... если папство когда-нибудь будет покинуто и отброшено правительствами мира сего, то весьма и весьма может случиться, что оно бросится в объятия социализма и соединится с ним воедино».

И великий ум промахивается — так, вероятно, ответил бы мне папа. Ибо мы, при всех наших ошибках, не уставая, обличали безбожие марксизма; мы еще в конце прошлого века призвали правящие классы обратить внимание на положение трудящихся и во избежание социальных потрясений по-христиански разрешить рабочий вопрос; в двадцать втором году мы сочли своим долгом протестовать против расправы над патриархом Тихоном, и — кто знает — не наш ли голос совместно с голосом других церквей и всего западного мира не дал тогда совершиться преступлению; и, особенно внимая откровениям Пресвятой Богородицы, в семнадцатом году явившейся трем детям в португальском селении Фатима, мы с тех пор не раз обращались к народам России с апостольскими посланиями, в которых, в частности, выражали свое безусловное осуждение коммунизма и порожденных им заблуждений. «Мы действительно глубоко убеждены, — напомнил бы мне папа послание одного из своих предшественников, — что из всех этих заблуждений для вас может возникнуть лишь огромный вред, потому что они лишают ваши души не только сверхприродного света и тех высших утешений, в основе которых лежат благочестие и богопочитание, но и человеческого достоинства и той свободы, которая подобает гражданам».

И о единстве церквей непременно спросил бы я. И папа, я полагаю, ответил бы, что оно будет, непременно будет, это единство, ибо Сын Человеческий вовсе не поручал апостолу Петру создать множество разных церквей: католическую, православную (разделенную к тому же на Русскую православную, Русскую православную за границей плюс еще пять православных церквей да еще несколько старообрядческих), протестантскую с ее многочисленными ответвлениями, а сказал с несомненной ясностью: «Ты Петр, и на сем камне Я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ея». «Я понимаю, — подхватил бы я. — Это не в ближайшее время случится; и, может быть, при обстоятельствах, близких к тем, которые изобразил Владимир Сергеевич Соловьев в своих «Трех разговорах». Там, если помните, против появившегося в XXI веке Антихриста согласно выступили православный старец Иоанн, папа Петр II и евангелик, профессор Эрнст Паули. И Церковь стала одна.

Кроме того, мне нужно было бы сказать папе, что из тела несчастной нашей России никак не желают выйти бесы, хотя свиньи у нас пока еще есть; и что если он, Первосвященник католического мира, снова повстречается с нашим вождем, то пусть преподает ему свой архипастырский совет не мучить более нас якобы сделанным нами социалистическим выбором и задуматься наконец о том, что ведь придется ему отвечать перед Богом за наши несбывшиеся надежды, за наше отчаяние и нашу тоску. И еще я спросил бы у папы...

Но вот он уже появился перед нами и, пока падре Людовико по-итальянски объяснял ему, кто я такой, смотрел прямо в глаза мне, и я видел его глаза с их выражением спокойного и печального всепонимания. Я видел его просторный лоб с мощными надбровными дугами, прямой нос и крутой подбородок. Иоанн-Павел II держался прямо, но возраст уже гнул его широкие плечи. «Благословите, Ваше Святейшество», — сказал я. Он улыбнулся и медленно произнес по-русски: «Благословите... Это хорошо». «У нас новый Патриарх, — сказал я, и падре Людовико перевел мои слова. — Что бы вы хотели пожелать ему?» Свободно и звучно ответил папа по-итальянски: «Чтобы Господь благословил его в новой эвангелизации России».

КАМО ГЯДЕШИ

Вечером я отправился на площадь Испании — прощаться с вечным городом.

Сквозь густую толпу молодых людей я прошел мимо трех пальм, синих вагончиков полиции и фонтана к лестнице Пресвятой Троицы и поднялся на самую верхнюю ее площадку. Собор Пресвятой Троицы был позади; передо мной, внизу, бурлил человеческий муравейник, а дальше, за узкими ущельями улиц, и на юге, и на севере видел я купола Рима, освещенные заходящим солнцем. Огромной скорбью вошла мне в сердце красота здешнего мира — скорбью по Родине моей, по бедной Москве и замученной России. Правда, не осталось в сердце ни ожесточения, ни гнева, ни укоризны — только скорбь, и любовь, и мучительно-тревожный вопрос, некогда уже прозвучавший здесь, в Риме, на Аппиевой дороге: «Камо грядеши, Господи?»

«Иду в Рим, чтобы снова распятаться» — так ответил Святому Петру Христос, который нес на плечах своих крест.

Камо грядеши, Россия? И с трепетом ждешь ответа...

Садилось и становилось все ярче ровное круглое солнце. Вот уже край его коснулся крыш, вот уже половина его скрылась из глаз, вот уже все оно словно погрузилось в недра вечного города — и на чистом потемневшем небе остались только длинные розовые полосы облаков.

Муж говорит жене:

— Я сейчас лягу спать, а когда захочу выпить, ты меня разбуди.

— А как я узнаю, когда ты захочешь?

— Ты меня только разбуди.

Культурный обмен: мы им — Ростополича, Солженицына, Нуриева, а они нам — прах Шалыпина.

Альпинист упал в пропасть. Товарищи ему кричат:

— Вася, ты жив?!

— Жив!

— Руки целы?

— Целы.

— Ноги целы?

— Целы.

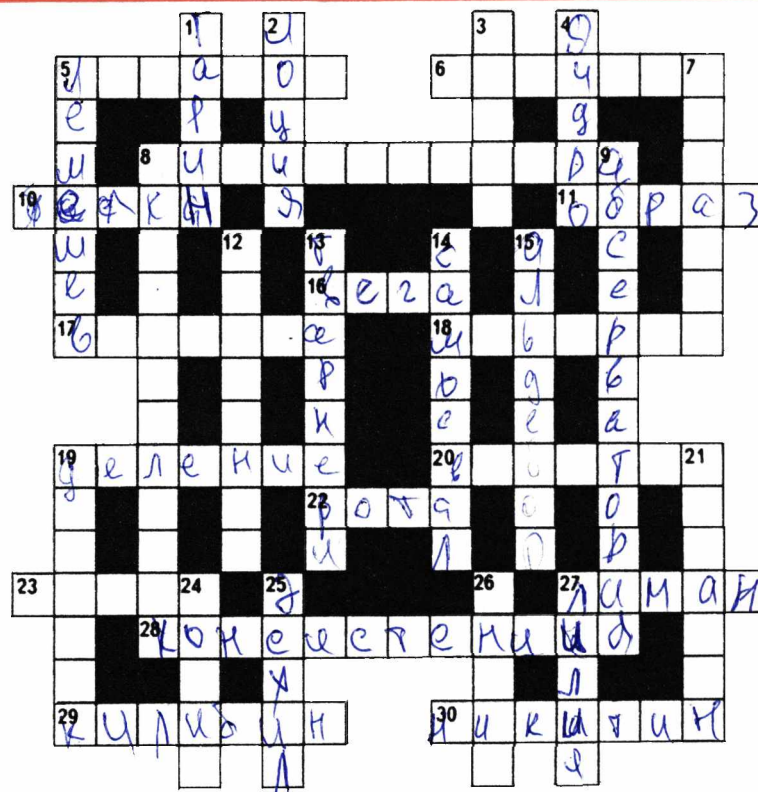
— Так подымайся.

— Не могу: я еще лечу!

На Птичьем рынке в ряды, где продают птичек, рыбок и мелкую живность, врывается мужчина. Он тащит на цепи медведя, который скалит зубы и рычит. Народ пугается, шарается по сторонам. Один кричит хозяину медведя:

— Ты что, идиот! С медведем на Птичий рынок!

— Молчи, друг. Мне бы только эту сволочь найти, которая в прошлом году продала мне его как хомячка.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Русский крепостной живописец, автор картины «Крестьянский обед». 6. Академик, основоположник современного учения о биологических основах селекции. 8. Вулкан на востоке Африки. 10. Пушной зверь семейства кунных. 11. Стихотворение А. С. Пушкина. 16. Одна из самых ярких звезд северного полушария. 17. Река в США. 18. Бальный танец. 19. Арифметическое действие. 20. Скульптор, Герой Социалистического Труда. 22. Войсковое подразделение. 23. Областной центр в Белоруссии. 27. Залив в низовьях реки. 28. Степень густоты вязких жидкостей и полутвердых веществ. 29. Русский механик-самоучка. 30. Путешественник, тверской купец, автор записок «Хождение за три моря».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Народный артист СССР, киноактер, снявшийся в фильме «Музыкальная история». 2. Руководство для плавания по морям, рекам. 3. Хлопчатобумажная или шелковая ткань. 4. Французский философ, писатель XVIII века. 5. Река во Франции. 7. Терраса. 8. Город в Карагандинской области. 9. Научное учреждение для астрономических, геофизических исследований. 12. Южная водная птица. 13. Семья итальянских мастеров смычковых инструментов. 14. Разновидность грузового автомобиля. 15. Северное созвездие. 19. Чешский композитор и дирижер. 21. Абсолютный чемпион мира, Олимпийский игрок по гимнастике. 24. Химический элемент, актиноид. 25. Древнегреческий поэт-драматург. 26. Южное плодородное дерево. 27. Луковичное растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Калинка. 6. Функция. 10. Настя. 11. Платина. 12. Бино. 15. Квота. 16. Гейне. 17. Огайо. 18. Красновский. 19. Протактиний. 25. «Верб». 26. Явата. 27. Октет. 28. «Помни». 29. Витамин. 30. Элита. 31. Концерт. 32. Хроника.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Качалка. 2. Виртуоз. 3. Скрипач. 4. Фикомор. 7. Благополучие. 8. Стойло. 9. Интенсификация. 13. Матриархат. 14. Полистирол. 20. Клапан. 21. Автокод. 22. Граница. 23. Штольня. 24. Статика.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

Объединение «МММ» предлагает:
компьютеры, совместимые с IBM PC / AT, XT
с любой периферией, и оргтехнику.

А также широкий выбор: пишущих машинок, дигитайзеров,
электронных записных книжек, калькуляторов и т.д.

**БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ. ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ
ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ СКИДКА.**

КОМПЬЮТЕРЫ
IBM PC/AT-286 - 44000 руб.
IBM PC/AT-386 (Винчестер 120 МБ.
ОЗУ 4МБ, 25 МГц) - 107000 руб.
ПЛОТТЕРЫ
(графопостроители)
Формат А3 - 31500-33000 руб.
Формат А1 - 107000 руб.
ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ
Формат А4
«LASERJET II P» - 51000 руб.
«LASERJET III» - 85000 руб.
ТЕЛЕФОНЫ
«PANASONIC» - 3400 руб.

КСЕРОКСЫ
Формат А4
«SHARP Z-50» - 28000 руб.
«CANON FC-2» - 30500 руб.
Формат А3
«RICOH M 100» - 62000 руб.
«CANON 1215» - 80000 руб.
ТЕЛЕФАКСЫ
«MURATE-M5» и «FI» - по
21500 руб.
АВТООТВЕТЧИКИ
«PANASONIC» - 7750-8000
руб.

**ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ?
МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!**

**Вниманию организаций, имеющих опыт коммерческой
деятельности!**

Объединение «МММ» открывает новые филиалы.
За дополнительной информацией обращаться в письменной форме
по адресу :

109518 Москва, ул. Газгольдерная, 10 (проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до
остановки «Вычислительный центр»).

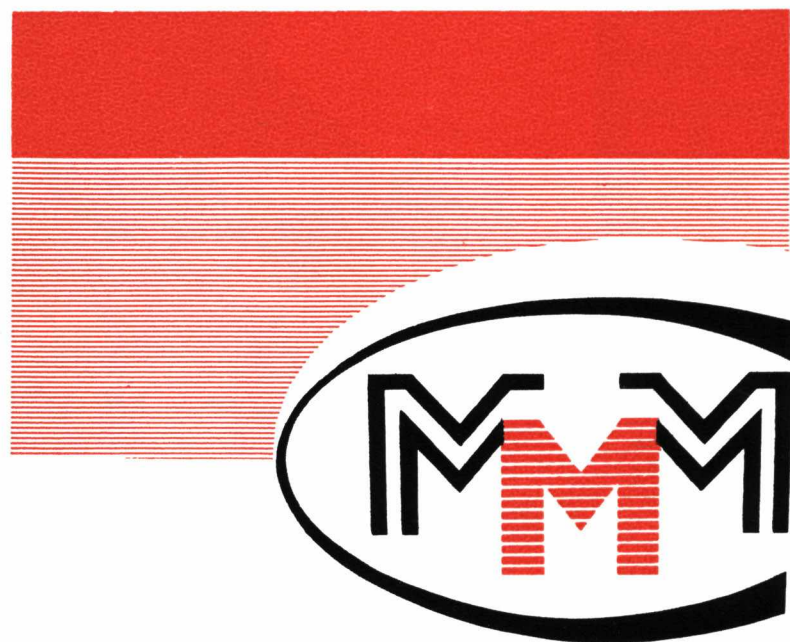
Телефоны в Москве: 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.

Филиалы «МММ»:

г. Донецк, ул. Горького, д. 146;
г. Красноярск, ул. Урицкого, д. 61, тел. 27-84-09;
г. Николаев, Мельничная ул., д. 23, тел. 37-56-49;
г. Новокузнецк, а/я 4366, тел. 44-27-42;
г. Новосибирск, ул. Фабричная, д. 13, тел. 23-75-29;
г. Пенза, 2-ой проезд Молокова, тел. 33-22-65;
г. Пермь, ул. Холмогорская, д. 4/3;
г. Пятигорск, ул. Павлова, д. 306, тел. 5-77-50;
г. Рига, ГСП ул. Дзирнаву, д. 33, тел. 33-25-08, 33-12-37, 33-23-61;
г. Свердловск, а/я 835, тел. 22-76-14;
г. Ставрополь, ул. Ленина, д. 460, тел. 6-15-71, 6-31-47, 2-30-43;
г. Ставрополь, ул. Ленина, д. 1336;
г. Ташкент, шоссе Луначарского, д. 63, тел. 67-25-57, 67-77-06;
г. Тула, ул. Вересаева, д. 24, тел. 20-87-33;
г. Южно-Сахалинск, Коммунистический пр-кт, д. 1, тел. 3-25-41;
г. Якутск, а/я 09, тел. 4-14-51.

**У «МММ» НЕТ
ПРОБЛЕМ!**

«ОРТЭКС» НЕ ЖДЕТ РЫНКА ОН ЕГО ФОРМИРУЕТ, ДЕЛАЯ ВАШИ РУБЛИ СВОБОДНО КОНВЕРТИРУЕМЫМИ СЕГОДНЯ

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ КОММЕРЧЕСКОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ «ОРТЭКС» ПРЕДЛАГАЕТ:

ОРГТЕХНИКУ И СРЕДСТВА СВЯЗИ:

телефонные аппараты; телефонные аппараты с автоответчиками; телефаксы; фотокопировальные машины формата А3, А4; электронные печатные машины с русским и латинским шрифтом; диктофоны; настольные бухгалтерские калькуляторы; калькуляторы с печатающим устройством; термобумагу для телефаксов; картриджи для фотокопировальных машин формата А4.

ТЕЛЕВИДЕОАППАРАТУРУ И ОБОРУДОВАНИЕ:

телевизоры с экраном от 36 до 72 см; видеоманитофоны VHS PAL/SEKAM, VHS multisystem; видеоплееры; видеокамеры VHS movie.

БЫТОВЫЕ ЭЛЕКТРОТОВАРЫ:

кондиционеры; портативные дизель-генераторы; холодильники; морозильные шкафы; электрические и газовые плиты; СВЧ-печи; пылесосы; кухонные комбайны; швейные, вязальные, стиральные машины.

НОВЫЕ И БЫВШИЕ В УПОТРЕБЛЕНИИ ЛЕГКОВЫЕ АВТОМОБИЛИ, МИКРОАВТОБУСЫ, ДЖИПЫ:

Форд «Транзит», «Скорпио», «Сьерра»; Линкольн «Континенталь»; Мерседес «190Е», «200Е», «280SE», «300SE»; Вольво «460GL», «490GL»; Опель «Омега»; Джип «Чероки»; Ниссан «Патрол»; автобус «Мерседес-0303» (49 мест); автобус «Неоплан» (77 мест).

Единичные, мелкооптовые поставки организациям по договорам лизинга в сжатые сроки.

Оплата по аккредитиву, депозиту либо чековой книжке!

Импортные
поставки
организациям —
по рыночным
ценам
с оплатой
только
в рублях
продукции
ведущих фирм
Японии, США,
Западной Европы,
Южной Кореи.

Наш адрес:

117593, Москва, «ОРТЭКС»

телекс 131310 ORT SU

факс (095) 427-6410

телефоны: 427-11-01 (5 линий),
427-57-36, 427-66-11.

Украинское представительство:

Киев-1, гостиница «Москва», «ОРТЭКС»

факс (044) 229-3721, телефон 228-00-19 (5 линий).

ЭКАРТ